

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ЯЗЫКѢ

ВЫМЕРШИХЪ НЫНѢ

КУРЛЯНДСКИХЪ КРЕВИНОВЪ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

Ф. И. ВИДЕМАНА.

(Читано въ Историко-Филологическомъ Отдѣленіи 14 Марта 1872 года.)

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ХХІ^{му} ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 3.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1872.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.

Н. Глазунова, въ С. П. Б.

Я. А. Исакова, въ С. П. Б.

А. Черкесова, въ С. П. Б.

Эггерса и Коми., въ С. П. Б.

Г. Шиндорова, въ С. П. Б.

Н. Книгола, въ Ригѣ.

Эмоджяца и Коми., въ Тифлисѣ.

А. В. Кохрибарджи, въ Одессѣ.

Цена 45 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1872 года.

Непрерывный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(ВАС. ОФФ., 9 ЛИН. № 12.)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ЯЗЫКѢ ВЫМЕРШИХЪ НЫНѢ КУР- ЛЯНДСКИХЪ КРЕВИНОВЪ.

Ф. Н. ВИДЕМАНА.

(Читано въ Историко-Филологическомъ Отдѣленіи 14 марта 1872 года).

Съ первой половины семнадцатаго вѣка, — на сколько восходятъ наши извѣстія, въ дѣйствительности же, безъ сомнѣнія, еще ранѣе, — жилъ въ Семигаліи, неподалеку отъ Бауска, отовсюду окруженный литовскимъ населеніемъ, маленькій народъ финскаго племени, по названію Кревины. Въ началѣ настоящаго столѣтія были еще между ними люди, говорившіе на кревинскомъ языкѣ; но теперь этотъ языкъ совершенно вымеръ, и потомки всѣхъ говорившихъ нѣкогда по-кревински 'вполнѣ слились, и по одеждѣ и по языку, съ Латышами и ничѣмъ уже отъ нихъ не отличаются. Тѣ изъ нихъ, которые олатышились въ самое недавнее время, помнятъ еще, что ихъ отцы или дѣды еще нѣсколько знали родной языкъ; пожалуй, сохранились еще въ ихъ памяти, по преданію, нѣкоторыя кревинскія слова или короткія фразы, но никто уже этихъ словъ и фразъ не употребляетъ, и самый смыслъ ихъ сталъ для этихъ людей весьма неясенъ¹⁾. Съ Кревинами случилось, такимъ образомъ, совершенно то же, что съ родственнымъ имъ племенемъ Ливовъ въ Лифляндіи. Когда языкъ, не установившійся посредствомъ литературы, не употребляется ни

¹⁾Такъ, на-примѣръ, въ одной такой фразѣ, начало «ah jumala, jumala» (ахъ Боже, Боже) мнѣ переводили на латышскій языкъ: «ахъ сестрица, сестрица».

въ церкви, ни въ школахъ, ни въ судахъ, а вращается въ одномъ только ежедневномъ домашнемъ обиходѣ, онъ необходимо долженъ прежде всего значительно ограничиться въ объемѣ. Всѣ тѣ слова, которыхъ подростящее поколѣніе не слышало въ тѣсномъ кругу семейства, теряются безвозвратно; и если затѣмъ случайно встрѣтится въ нихъ надобность, ихъ приходится замѣнять словами, заимствованными изъ употребляющагося кругомъ чужаго языка. Такъ ливскій языкъ въ Курляндіи, хотя еще не вымеръ совершенно, какъ въ Лифляндіи, однако представляеть уже очень сильную примѣсь языка латышскаго; въ такомъ же точно видѣ представляется и языкъ Кревинскій въ тѣхъ немногихъ образцахъ его, которые дошли до насъ отъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Въ сношеніяхъ съ посторонними Кревину нигдѣ не приходилось употреблять свой родной языкъ: и въ городѣ и на пути, съ помѣщикомъ и съ пасторомъ, на судѣ и въ школахъ, могъ онъ говорить только по-латышски, такъ что каждый Кревинъ долженъ былъ по необходимости, кромѣ своего роднаго языка, умѣть говорить еще и на латышскомъ. На окраинахъ территоріальной области языка даже и дѣти, безъ сомнѣнія, въ обществѣ своихъ латышскихъ сверстниковъ, научались латышскому языку, что особенно способствовало его вторженію. Если въ Курляндіи, на отрѣзанной лѣсами береговой полосѣ, сохранился еще ливскій языкъ, между тѣмъ какъ онъ совершенно исчезъ въ Лифляндіи, то причиною этому должно полагать именно менѣе непосредственное столкновение съ Латышами, такъ что подростявшее поколѣніе научалось сперва одному только родному языку, а латышскому научалось только уже впоследствии. У Кревиновъ же, подъ вліяніемъ одинаковыхъ условий произошло то же, что у лифляндскихъ Ливовъ, только нѣсколькими еще годами раньше; ибо, когда Академикъ Шегренъ, въ 1846 году, посѣтилъ Кревинскій край, онъ едва могъ отыскать десять или одиннадцать человекъ, сохранившихъ въ своей памяти кой-какіе, весьма скудные и нетвердые, обрывки роднаго языка; въ Ней-Залисѣ же, въ Лифляндіи, онъ въ томъ же году успѣлъ

еще собрать достаточно остатковъ ливскаго языка для того, чтобы составить грамматику и словарь этого языка.

Впрочемъ, за исключеніемъ разложенія и исчезновенія языка, ни въ какомъ другомъ отношеніи проводить сравненіе между Крeвинами и Ливами невозможно. Между тѣмъ какъ Ливовъ Нѣмцы, уже при первомъ прибытіи своемъ въ Лифляндію, застали тамъ значительнымъ, воинственнымъ народомъ, и дальнѣйшія его судьбы затѣмъ непрерывно занесены въ лѣтописи, о Крeвинахъ въ древнѣйшихъ актахъ и извѣстіяхъ нѣтъ и помину; и только въ началѣ семнадцатаго столѣтія внезапно заходитъ рѣчь о нихъ въ означенной выше мѣстности, причемъ нѣтъ никакого указанія о томъ, какъ, когда и откуда они пришли сюда. Сохранившіеся скудные образцы ихъ языка неоспоримо свидѣтельствуютъ, что Крeвины были народъ финскаго племени, близко родственнѣй Ливамъ и Эстамъ; но слѣдуетъ ли считать ихъ за одинъ народъ съ Ливами, какъ полагають одни, или съ Эстами, какъ утверждаютъ другіе, или же они составляли еще третій народъ, отличный отъ тѣхъ обоихъ? Остатки языка не достаточно еще изслѣдованы для того, чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ; и все, что было по этому предмету говорено и писано, составляетъ покуда не болѣе какъ весьма малонадежную догадку, такъ какъ исторически не доказана связь Крeвиновъ ни съ Ливами, ни съ Эстами. Къ остаткамъ крeвинскаго языка и анализу ихъ я еще возвращусь, и поговорю о нихъ подробно. Показанія о Крeвинахъ такъ разбросаны, и притомъ ихъ приходится отчасти отыскивать въ такихъ малодоступныхъ или неизвѣстныхъ источникахъ, что я, въ угоду всѣмъ интересующимся этимъ вопросомъ, выпишу цѣликомъ, изъ найденныхъ мною сорока шести мѣстъ, говорящихъ или только упоминающихъ о Крeвинахъ, по крайней мѣрѣ тѣ показанія, которыя имѣють самостоятельное значеніе и послужили источникомъ для остальныхъ. Такимъ образомъ каждый будетъ въ состояніи самъ судить, на сколько можно извлечь изъ нихъ вѣрныя данныя. Въ актахъ Орденскаго архива, которые я тщательно пересмотрѣлъ для этой цѣли,

я не нашелъ никакого помина о Кревинахъ. Встрѣчаются, правда, указанія на двѣ или на три мѣстности съ похожими названіями, но все не тамъ, гдѣ въ послѣдствіи являются Кревины, и безъ всякаго отношенія къ нимъ. Такъ, на-примѣръ, въ актѣ о раздѣлѣ между епископомъ курляндскимъ и Орденомъ пустопорожнихъ курляндскихъ земель, отъ 5 апрѣля 1253 года, упоминается *Krewens*. Стенуенъ (въ нѣмецкомъ раздѣльномъ актѣ 20 іюля 1253 года *Гревенисъ*, *Grewenis*), «въ мѣстности между Скрунденомъ и Семигалліею»; въ мирномъ договорѣ великаго князя Литовскаго Витольда съ Орденомъ, отъ 12 октября 1398 года, упоминается *Крева*, *Кгева*, мѣсто пребыванія князя (въ одной грамотѣ Магистра Ливонскаго къ Великому Магистру, отъ 20 января 1417, мѣсто это названо *Крейва*, *Сгеува*); въ мирномъ договорѣ между Польшею, Литвою и Орденомъ отъ 27 сентября 1422, упоминается мѣсто *Грейво*, *Ггеуво*, на рѣкѣ Лыкѣ. Рядъ положительныхъ упоминаній о Кревинахъ открывается только слѣдующимъ:

I. P. Einhorn. *Reformatio gentis letticae*. Riga 1636, cap. I.
(П. Эйнгорнъ, Реформація у Латышскаго племени. Рига, 1636, гл. I.)

Кромѣ этихъ (такъ называемыхъ авторомъ нѣмцевъ, т. е. Латышей и Литвы) есть въ этомъ краю еще инородческій народъ по имени Кревинги или Русскіе крестьяне. Живутъ они въ одной только Баусской округѣ, на Литовской границѣ, и большею частью состоятъ въ крѣпостной зависимости (*unterthänig*) отъ его княжеской милости; очень немногіе только находятся во владѣніи нѣкоторыхъ дворянъ; и имѣются у нихъ въ ихъ кирхшпигѣ, или приходѣ, всего только два пастора, именно нѣмецкій пасторъ въ Баускѣ и таковой же въ Раденѣ. Какъ попали они въ этотъ край, объ этомъ не могъ я еще добыть свѣдѣнія; когда говорятъ они между собою, то говорятъ по-эстски; съ нѣмцами же и съ другими нѣмцами говорятъ по-латышски или непонѣмски, равно какъ и богослуженіе совершается у нихъ на нѣмецкомъ (т. е. лат-

тышскомъ) языкѣ; но по ихъ рѣчи легко можно угадать, что они не латыши, ибо у нихъ произношеніе на этомъ языкѣ очень дурно. И народъ они суевѣрный, наравнѣ съ Латышами, пожалуй еще гораздо болѣе, преданный множеству суевѣрій и предрасудковъ.

II. P. Einhorn. *Historia Lettica*. Dorpat, 1649, cap. I. (П. Эйнгорнъ, Латышская исторія. Дерптъ, 1649, гл. I.)

Впрочемъ есть еще въ Баусской округѣ и на Ангернскомъ берегу въ Курляндіи люди, употребляющіе эстскій языкъ и говорящіе на обоихъ языкахъ, на латышскомъ равно какъ и на эстскомъ; богослуженіе же у нихъ совершается исключительно на языкѣ латышскомъ. Тѣ изъ нихъ, которые живутъ на Ангернскомъ берегу, не признаютъ себя за Эстовъ, а называютъ себя Ливами, а также и языкъ, на которомъ говорятъ, называютъ языкомъ ливскимъ, отъ Ливовъ, первоначальныхъ жителей этого края, отъ которыхъ получила свое названіе и Лифляндія... Тѣ, которые живутъ въ Баусской округѣ, приведены туда изъ Эстляндіи въ давнее время, когда Орденъ основалъ Баусскій домъ; обитающіе же на Ангернскомъ берегу живутъ ли на этомъ мѣстѣ изстара, или же также переведены туда изъ Эстляндіи — объ этомъ нѣтъ возможности добыть какое либо свѣдѣніе. Что касается до нихъ, то они въ такой степени держатся особнякомъ, что неохотно сближаются или брачатся съ Латышами, а равно и Латыши съ ними, а предпочтительно держатся своего народа; ибо не только Нѣмцы, но также и Латыши считаютъ ихъ за людей крайне суевѣрныхъ и преданныхъ колдовству, а потому неохотно сближаются съ ними.

III. G. F. Stender. *Lettische Grammatik*. Braunschweig 1761.
(Г. Ф. Штендеръ, Латышская грамматика, Брауншвейгъ
1761).

Стр. 3 (введение). Хотя среди самой Курляндіи есть двѣ мѣстности, въ которыхъ крестьяне между собою говорятъ по-эстски, а съ посторонними по-латышски, однако это никогда не имѣло никакого вліянія на латышскій языкъ, потому что эти Эсты никогда не мѣшались съ Латышами и не роднились съ ними посредствомъ браковъ. Помянутыя двѣ мѣстности суть: 1) Альтъ и Ней-Радень, не далеко отъ Бауска; и 2) Ангернское побережье. Первыхъ называютъ Кривинами; предположительно привлечены они туда Русскими, которые по-латышски называются Креви.

Въ приложенномъ къ книгѣ лексиконѣ, стран. 68, находить только: Кривини, Латыши въ Альтъ- и Ней-Раденскомъ краѣ, неподалеку отъ Бауска.

IV. Haigold. *Beilagen zum neueränderten Russland*, 1767, Bd. II.
(Гайгольдъ, приложенія къ новообразованной Россіи,
1767, т. II.)

Стр. 357. Кривинги говорятъ на томъ же (т. е. на ливскомъ) языкѣ, только на нѣсколько отличномъ нарѣчій, и отличаются отъ здѣшнихъ, равно какъ и отъ Латышей, одеждою. Число ихъ, впрочемъ, повидимому весьма незначительно. (Изъ письма Ирбенскаго и Гипкенскаго пастора Ульриха Югана Циммермана, отъ 7 апрѣля 1767.)

V. *Извѣстіе въ письмѣ суперинтендента Гуна, писанномъ изъ
Митавы 7 іюля 1774 года.* (Рукопись Императорской Публичной Библіотеки, въ С. Петербургѣ.)

Кривины, какъ они сами себя называютъ и какъ называютъ

ихъ также жители здѣшняго края, и Латыши и Нѣмцы, и какъ называютъ ихъ равнымъ образомъ сосѣдніе Литовцы, Лифляндцы и Русскіе, суть крестьяне, принадлежащіе къ евангелическо-лютеранскому исповѣданію и составляющіе значительную часть Алт-раденскаго и Нейраденскаго прихода въ Семигальскомъ герцогствѣ, миляхъ въ трехъ отъ Баусской границы; они, должно быть, въ незапамятныя времена или добровольно переселились, или какимъ нибудь другимъ образомъ попали въ здѣшний край. Особый языкъ ихъ, какъ они сами, такъ и другіе, называютъ кривинскимъ; это однако не главный языкъ; главный — латышскій. Свой же языкъ служатъ имъ вспомогательнымъ въ сношеніяхъ между собою или когда они хотятъ сказать какую нибудь тайну въ присутствіи постороннихъ. Языкъ этотъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляетъ во многихъ словахъ сходство съ языками эзельскимъ, эстскимъ, а также финскимъ, впрочемъ настолько, что еслибъ сошлись люди этихъ разныхъ народностей, то они едва или только на половину поняли бы другъ друга. На этомъ языкѣ не существуетъ ни книгъ, ни молитвъ, ни богослуженія, нѣтъ даже особыхъ крестныхъ именъ, а для всего этого служитъ языкъ латышскій; а потому трудно уловить точное его правописаніе и истинный выговоръ. Однако съ помощью искуснаго кандидата Аппельбаума, постарались выпросить у наиболѣе смѣшленныхъ изъ этихъ людей то, что было нужно для произношенія и правописанія, на сколько требовалось задачею, а также присовокупить еще нѣсколько другихъ словъ. Пастора тамошняго зовутъ Іоганъ Ульрихъ Петерсонъ, изъ Ирбена, Курляндецъ (Johann Ullrich Petersonn Irbensis Curonus).

(Упоминаемые образцы языка будутъ приведены ниже).

VI. J. L. Börger. *Versuch über die Alterthümer Lieflands*. Riga, 1778. (I. Л. Бѣргеръ, Опытъ о Лифляндскихъ древностяхъ. Рига, 1778).

Стран. 89. Примѣч. Дружеское отношеніе этихъ Ливовъ

къ Ангернскимъ доказывается еще тѣмъ, что въ прежнее время, лѣтъ сорокъ назадъ, когда крестьяне были еще вольны брать себѣ женъ откуда кто захочетъ, поморскіе Ливы ѣзжали искать себѣ невѣсть къ Ангернскимъ, а Ангернскіе къ нимъ. Точно такъ же, говорятъ, пріѣзжали Ливы изъ Раденскаго края (aus dem *radischen*) сюда, къ нашимъ, сватать невѣсть, а наши ѣзжали къ Раденскимъ.

Стран. 102. Граница древней Курляндіи опредѣляется XX дипломомъ (актъ легата Вильгельма Моденскаго, Рига 1237 г.) слѣдующимъ образомъ: «Къ епископству Курляндскому должно принадлежать то, что лежитъ между Мемелемъ и сказанною Вендою до Литвы, и отъ того мѣста гдѣ Абоа соединяется съ Вендою до границы Земголы.» — Примѣч. Изъ этого опредѣленія границы ясно усматривается, что около нынѣшняго Бауска въ древнія времена должны были жить Куры. И донынѣ между рѣками Абоа и Аа, въ Бауской округѣ, въ Альтъ- и Ней-Раденскомъ кирхшпилѣ, находимъ мѣстность, гдѣ поселяне говорятъ по-эстски. Выдаютъ они себя, правда, за Эстовъ, выведенныхъ сюда въ то время, когда строился Баускій замокъ, и предположительно должны они быть изъ подъ Дерпта, потому что Латыши въ Земголѣ называютъ ихъ Крeвинами, то есть Русскими. Однако что доказываетъ такое переселеніе, кромѣ развѣ того, что народъ въ такомъ краѣ, гдѣ онъ упалъ вслѣдствіе всяческихъ несчастныхъ случаевъ, хотѣли опять поднять посредствомъ привода туда другаго народа ему подобнаго?

VII. G. F. Stender. *Lettische Grammatik*, zweite Aufl. Mitau, 1783. (Г. Ф. Штендеръ, Латышская грамматика, второе изданіе, Митава, 1783).

Стран. 16. Хотя среди самой Курляндіи есть двѣ мѣстности, въ которыхъ крестьяне между собою говорятъ на языкѣ въ родѣ

эстскаго, а съ посторонними по-латышски, однако это никогда не имѣло вліянія на латышскій языкъ, потому что эти Эсты никогда съ Латышами не смѣшивались, и никогда оба народа между собою не брачались. Означенныя двѣ мѣстности суть: 1) въ Альтъ- и Ней-Раденскомъ краѣ, которыхъ называютъ Кревинами. Должно полагать, что они были нѣкогда загнаны туда Русскими, которые по-латышски называются Креви; 2) на Ангернскомъ побережьи, гдѣ они сами себя называютъ Ливами, именемъ идущимъ отъ первыхъ жителей Лифляндіи.

VIII. G. F. Stender. *Lettisches Lexikon*. Mitau, 1789. (Г. Ф. Штендеръ, Латышскій словарь. Митава, 1789.)

Стран. 377. Кревины (Kreewini), Альтъ- и Ней-Раденскіе крестьяне, которые между собою говорятъ на языкѣ въ родѣ эстскаго. Это древняя русская колонія изъ Эстляндіи (срав. стр. 117 «Латыши въ Раденскомъ краѣ, быть можетъ, прежняя русская колонія»).

IX. J. C. Brötze. *Monumenta etc.* Riga, 1790. (I. К. Бротце, Памятники, и т. д. Рига, 1790.)

Въ Рижской городской библіотекѣ находится цѣлый рядъ фоліантовъ, содержащій въ себѣ составленное Бротце весьма любопытное и драгоцѣнное собраніе рисунковъ, представляющихъ самыя разнообразныя предметы, со слѣдующими къ нимъ объясненіями. Тутъ есть карты, планы, виды городовъ и мѣстностей, изображенія одеждъ и мундировъ, орудій и т. д.; между прочимъ, въ третьемъ томѣ подъ № 100, есть также изображеніе «крестьянина Кура изъ Рандена (Saules muischa)». Рандень—приходъ въ

Лифляндіи, но здѣсь это имя очевидно поставлено опискою вмѣсто Радена (Rahden); это доказывается прибавленнымъ латышскимъ именемъ, да и въ объясненіи также сказано, что изображенный на картинкѣ поселянинъ есть Кревинъ. Все изображеніе, пожалуй, ошибочно, ибо весь нарядъ совершенно отличенъ отъ одежды достовѣрно намъ извѣстной за одежду Кревиновъ; кромѣ того другая картинка, № 55, представляетъ совершенно въ томъ же видѣ двоихъ крестьянъ (Латышей) изъ Оленгофа, Лёзерскаго кирхшпиля, Венденскаго уѣзда, въ Лифляндіи. Въ объясненіи къ картинкѣ № 100 Бротце говоритъ: Онъ (изображенный крестьянинъ) принадлежитъ къ обитающимъ въ этомъ уѣздѣ Кревингамъ, которые предположительно были въ давнія времена пригнаны сюда, какъ военноплѣнные, изъ Эстляндіи. Между собою говорятъ они по-эстски, съ другими же по-латышски. Откуда пошло имъ названіе Кревины (Kreewini), которое значитъ «Русскіе», въ точности не извѣстно; должно полагать, что это произошло вслѣдствіе вывода ихъ, еще въ гермейстерскія времена, изъ той части Эстляндіи, которая была въ то время подвластна русскимъ князьямъ, именно изъ Унгани.

Дитмаръ ссылается на статью I(огана) X(ристофа) Б(ротце), помещенную въ «Историческомъ и географическомъ журналѣ Фабри и Гаммердёрфера за 1790 годъ, въ которой проводится мысль, что Кревины суть Эсты и что свое имя (отъ Латышскаго Кревсъ, Русскій), они получили отъ того, что та часть Эстляндіи, изъ которой они происходятъ, въ до-гермейстерскія времена находилась подъ русскимъ владычествомъ. Не смотря на всѣ мои разысканія въ 1869 и 1870 годахъ, мнѣ не удалось отыскать означенный журналъ ни въ Россіи, ни за границею, и тѣмъ болѣе долженъ я быть благодаренъ г. библіотекарю Беркгольду за обязательное указаніе мнѣ приведенной выше замѣтки въ «Памятникахъ» Бротце, которая содержитъ уже зародышъ мысли, вѣроятно съ болѣею подробностью развитой авторомъ въ журналѣ Фабри.

X. *Beschreibung der Provinz Curland*, v. Keuserlingk u. Derschau. Mitau 1805. (Описание Курляндской губерніи, Кейзерлинга и Дершау. Митава, 1805.).

Стран. 188. в) Кревинги. Этотъ народецъ, объ историческомъ началѣ котораго молчать всѣ имѣвшіеся въ нашемъ распоряженіи источники, отличающійся отъ прочихъ Латышей и одеждою и языкомъ, живетъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Нейраденѣ, Мемельгофѣ и Круссенѣ, отчасти также въ казенномъ имѣніи Витвенгофѣ, около Бауска, и сохраняетъ до сихъ поръ приведенное особенное свое имя. Первые два имѣнія населены исключительно одними Кревингами; въ первомъ число ихъ простирается приблизительно до 600 душъ мужскаго и столькихъ же женскаго пола; въ Мемельгофѣ же всего 20 хозяевъ, такъ что здѣсь можно приблизительно считать свыше 100 душъ мужскаго и 100 душъ женскаго пола. Они говорятъ тѣмъ же языкомъ, какъ и Ливы, только слегка отличающимся нарѣчіемъ. Впрочемъ языкъ ихъ повидимому съ каждымъ днемъ утрачивается, ибо на немъ говорятъ еще одни только старики. Точно такъ же исчезаютъ особенности ихъ одежды и обычаевъ; послѣдніе уже почти не представляютъ никакихъ отличительныхъ чертъ. Нравственныя свойства ихъ совершенно тѣ же, какъ всѣмъ извѣстныя свойства Латышей, а равно и образъ жизни, въ которомъ они отличаются развѣ только, — не къ выгодѣ ихъ сказать, — болѣею склонностью къ цинизму. Одежда мужчинъ [Примѣч. въ выноскѣ. Приложеннымъ изображеніемъ Кревингской одежды обязаны мы благосклонному сообщенію г. коллежскаго асесора фонъ-Рекке; оно заимствовано изъ его столь важнаго для отечественной исторіи и для познанія края собранія матеріаловъ] отличается только вышитымъ цвѣтною шерстью воротникомъ у рубашки. Женскую одежду составляетъ обхватывающій тѣло кусокъ сянго сукна, вышитый корольками и навѣшенный на одно плечо; сорочка, которая всегда видна изъ-подъ верхней одежды, украшена по подолу тонкою каймою, вышитою гарусомъ; воротникъ

также вышить. Женскій головной уборъ состоитъ изъ покрывала, сдѣланнаго изъ прозрачной ткани, обшитаго каймами и приколотаго на головѣ большою серебряною булавкою. Дѣвушки ходятъ съ непокрытыми головами или, подобно Латышкамъ, накрываютъ на голову повязку.

XI. J. Fr. Recke. *Wöchentliche Unterhaltungen für Liebhaber deutscher Lectüre in Russland.* Bd. II. Mitau 1805. (I. Фр. Рекке, Еженедѣльные бесѣды для любителей нѣмецкаго чтенія въ Россіи, т. II. Митава, 1805.)

Стран. 24. Еще небольшая горсть этого народа (т. е. Ливовъ) живетъ въ помѣстьяхъ Альтъ- и Ней-Залисѣ, миляхъ въ 15 отъ Риги; и одноплеменники же ему, по всей вѣроятности, Кревины (Kreewinen), живущіе въ Курляндіи, въ откrestностяхъ Бауска, въ имѣніяхъ Ней-Раденѣ, Витвенгофѣ, Мемельгофѣ и Круссенѣ. По крайней мѣрѣ языкъ послѣднихъ есть также финско-эстское нарѣчіе и представляетъ большое сходство съ языкомъ ливскимъ; даже въ одеждѣ Кревины по настоящее время очень схожи съ Финнами и Эстами. Но какимъ образомъ они попали въ эту именно мѣстность, или по какому случаю они тутъ остались, и откуда пошло имъ имя Кревины — объ этомъ, насколько намъ извѣстно, молчатъ и исторія и преданіе.

XII. *Письмо Альтъ-Раденскаго Пастора Карла Лутцау къ надворному совѣтнику I. Фр. Рекке, отъ 7 ноября 1810* (въ рукописи въ Курляндскомъ провинціальномъ музеѣ, въ Митавѣ).

Мнѣ чрезвычайно лестно приглашеніе вашего высокобла-

городя наполнить прилагаемый словарь Кревинскаго языка. Я соблюдалъ всевозможную точность относительно правильнаго произношенія, и для этого долженъ былъ прибѣгнуть къ употребительнымъ въ латышскомъ языкѣ буквамъ съ надстрочными знаками. Три слова только остались безъ перевода. Кревиновъ, еще говорящихъ на этомъ языкѣ, какъ въ моемъ Альтраденскомъ, такъ и въ Нейраденскомъ приходѣ, можно насчитать много-что человекъ отъ 12 до 15, и это—почти все старики; молодые люди этому языку уже не учатся, и лѣтъ черезъ 20 или 30 онъ, вѣроятно, совершенно исчезнетъ. На этомъ говорѣ (jargon или patois) никогда не существовало ни одной строчки печатной, все въ немъ—одно устное преданіе. Для того, чтобы имѣть возможность привести идиотизмы этого языка, мнѣ надлежало бы знать языки финскій и эстскій, а я ихъ не знаю. Отъ лицъ, которыхъ я спрашивалъ, я не могъ добиться даже указанія члена передъ существительными именами (!). Кревины не имѣютъ на своемъ языкѣ никакихъ ни духовныхъ, ни свѣтскихъ пѣсень; всѣ они безъ исключенія держатся евангелпческо-лютеранскаго исповѣданія. Даже особенности ихъ одежды,— на мужчинахъ коричневый кафтанъ изъ домашняго сукна и разноцвѣтно-вышитый воротникъ у рубашки; на женщинахъ разными цвѣтами вышитая сорочка, обвитое вокругъ тѣла, съ праваго боку раскрытое одѣяло (envelope) съ пестрыми затканными узорами или шитьемъ, въ зимнее время повязанный вокругъ головы платокъ, прикрѣпляющійся длинною, очень изукрашенною серебряною булавкою, на груди нѣсколько серебряныхъ бляхъ или брошекъ (*брезз*) — и тѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе исчезаютъ. Кревины отличаются особенною наклонностью къ опрятности, къ благочестію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и упорною привязанностью къ суевѣріямъ. Въ рѣчи, даже когда они говорятъ по-латышски, особенно любятъ употреблять уменьшительныя слова.

ХIII. *Письмо пастора Карла Лутцау отъ 8 июля 1815* (въ рукописи въ Императорской публичной библиотекѣ въ С. Петербургѣ).

Обитающіе въ моемъ Ней-Раденскомъ приходѣ такъ называемые Кревины суть народъ финско-эстскаго племени (какъ показываетъ самый языкъ ихъ), который за сто съ чѣмъ то лѣтъ тому назадъ, — не могъ я только добиться по какому случаю, — быть переселенъ въ этотъ край. Кревиновъ, до сихъ поръ знающихъ кревинскій языкъ и говорящихъ на немъ, наберется много что семь человекъ, и все это — старики; молодые люди этому языку уже не учатся. Даже особенности мужской одежды, состоящія только въ вышитомъ разными цвѣтами воротникѣ на рубашкѣ и въ темно-коричневомъ короткомъ кафтанѣ изъ крестьянскаго сукна, равно какъ женская одежда, которая состоитъ въ обыкновенномъ женскомъ платьѣ, а въ шерстяномъ пестромъ вышитомъ *одьяль* (envelorre), подвязанномъ въ станѣ поясомъ, и пестромъ же покрывалѣ, которое носится на подобіе шали, въ большой серебряной, сильно изукрашенной, длинной булавкѣ, которою онѣ прикрѣпляютъ волоса, и въ нѣсколькихъ большихъ серебряныхъ *брезакъ* (пряжкахъ или бляхахъ), годъ отъ году все болѣе и болѣе исчезаютъ. Кревины народъ благочестивый, набожный, трудолюбивый и честный; только въ наклонности къ суевѣрію они еще превосходятъ прочихъ Латышей. . . . О грамматическомъ разборѣ притчей и молитвы Господней нельзя и думать по той причинѣ, что на языкъ здѣшнихъ Кревиновъ и теперь не существуетъ, и никогда не бывало ни одного печатнаго листа, ни духовнаго, ни свѣтскаго содержанія. Осенью 1810 года, по желанію г. совѣтника казенной палаты надворнаго совѣтника Рекке, я составилъ для одного члена С. Петербургской Академіи Наукъ словарь, содержавшій около 400 предложенныхъ словъ на Кревинскомъ языкѣ; я препроводилъ его къ г. надворному совѣтнику Рекке.

XIV. K. Fr. Watson. *Ueber die Kreevingen im Bauskeschen Bezirk Kurlands.* (К. Фр. Ватсонъ, О Кревингахъ Баусскаго уѣзда въ Курляндіи; читано въ Курляндскомъ Обществѣ литературы и искусства, въ Митавѣ, 1824 г.)²⁾.

Это чтеніе Ватсона напечатано въ первомъ томѣ записокъ (Sendungen) Общества за 1840 годъ, стран. 34 и слѣд., причемъ ему предпослана слѣдующая замѣтка отъ редакціи: «Мы тѣмъ болѣе считаемъ долгомъ познакомить публику съ этимъ трудомъ покойнаго Ватсона, что еще очень недавно въ газетѣ «Ausland», въ № 189 за 1838 годъ, и въ № 195 С. Петербургскихъ (нѣмецкихъ) вѣдомостей отъ 6 августа настоящаго года сообщалось нѣсколько ошибочныхъ свѣдѣній о народцѣ, къ которому относятся статья Ватсона. Тамъ говорится между прочимъ: «Общее число ихъ (Кревиновъ) можетъ до настоящаго времени простираться до 1600 душъ»; это показаніе, почерпнутое вѣроятно изъ «Beschreibung der Provinz Kurland» (Митава, 1805 г.), пожалуй и тогда уже, т. е. за 35 лѣтъ назадъ, было невѣрно. По новѣйшему исчисленію, обязательно сообщенному намъ Альтъ- и Ней-Раденскимъ пасторомъ Гейнр. Карломъ Лутцау, оказывается, что во всемъ Альтъ- и Ней-Раденскомъ приходѣ, вмѣстѣ съ принадлежащимъ къ Бирзенскому приходу имѣніемъ Монтигайлишекъ, живетъ еще въ настоящее время всего-на-все пятнадцать человѣкъ Кревиновъ, мужчинъ и женщинъ, изъ которыхъ однако ни одинъ уже не говоритъ на своемъ родномъ языкѣ, такъ что предвидится совершенное исчезновеніе этого языка въ очень не-продолжительномъ времени».

. . . . Въ исторіи нашего отечества существованіе небольшой горсти людей финскаго племени среди широко раскинувшася славянскаго населенія возбуждало въ продолженіе послѣднихъ 54 лѣтъ общее любопытство и вызвало разныя мнѣнія и

²⁾ Срав. объявленіе объ этомъ засѣданіи Общества, съ краткимъ означеніемъ содержанія чтенія Ватсона, въ «Ostseeprovinzialblatt» 1824 г., № 47.

объясненія, которыя и не родились бы, если бы ранѣе раскрылись истинныя, крайне простыя, обстоятельства дѣла.

На небольшую горсть такъ называемыхъ Кревинговъ, живущихъ въ Баусскомъ уѣздѣ, преимущественно въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Гансъ-Мемельгофъ, Альтъ-Раденъ, Ней-Раденъ и Круссенъ, первый обратилъ вниманіе въ историческомъ отношеніи Авг. Лудов. Шлёцеръ, въ сочиненіи изданномъ имъ въ 1770 году подъ названіемъ «Haigolds Beilagen zum neueränderten Russland». Съ тѣхъ поръ всѣ изслѣдователи исторіи сѣвера хватались за этотъ предметъ, говорили о Кревингахъ и пытались съ помощью ихъ придавать вѣроятность своимъ, иногда чрезвычайно страннымъ, гипотезамъ. Дитмаръ издалъ даже отдѣльное небольшое сочиненіе о Кревингахъ; онъ находилъ въ нихъ остатки тѣхъ Несторовыхъ Кривичей, которые вмѣстѣ съ четырьмя другими народами призвали Рюрика и его братьевъ въ Новгородъ и такимъ образомъ основали Русское государство. До настоящаго даже времени скептикъ Лербергъ ³⁾ и гениальный Гейдельбергскій профессоръ Моне ⁴⁾, равно какъ камеръ-директоръ Иог. Леонг. Парротъ ⁵⁾, придаютъ немалое значеніе этимъ Кревингамъ. Я самъ, живущій почти въ самыхъ мѣстахъ ихъ поселенія, не могъ иначе объяснить себѣ находженіе этихъ Кревинговъ среди Латышскаго населенія, какъ предположеніемъ, что въ тѣхъ обширныхъ разбойничьихъ набѣгахъ, которыя Литовцы, особенно въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ, производили ежегодно великимъ постомъ на Эстовъ, принимали иногда участіе нѣкоторые изъ старѣйшинъ и вождей

³⁾ A. C. Lehrberg, Untersuchungen zur Erklärung der älteren Geschichte Russlands. St. Petersburg, 1816, стран. 145. — А. Х. Лерберга, Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней Русской Исторіи. Перевелъ Д. Языковъ. Санктпетербургъ, 1819. Стран. 118.

⁴⁾ Авторъ вѣроятно имѣлъ въ виду продолженіе Моне къ знаменитому сочиненію Крейцера: Fr. Kreutzer, Symbolik und Mythologie, fortgesetzt von Dr. F. J. Mone. T. V, 1822, стран. 7 слѣд.

⁵⁾ J. L. v. Parrot. Versuch einer Entwicklung der Sprache und Abstammung der Liwen, Lätten und Eesten. Stuttgart, 1828, стран. 132.

столь близко родственныхъ Литовцамъ Земгалловъ, — изъ которыхъ значительная часть, Зелы, до уступки этого края въ 1258 году Нѣмецкому Ордену, была подвластна Литвѣ, — оставилъ за собою нѣкоторую часть забранныхъ плѣнныхъ и что такимъ образомъ произошло поселеніе ихъ въ этой мѣстности. Эта догадка побудила меня даже отвести Кревингамъ мѣсто на изданной при II томѣ «Годичныхъ актовъ» нашего Общества картѣ политическаго дѣленія Курляндіи до прибытія Нѣмецкаго Ордена.

Между тѣмъ всѣ эти болѣе или менѣе вѣроподобныя воззрѣнія и объясненія относительно прихода въ здѣшній край Кревиновъ разсыпаются въ прахъ, какъ ничтожныя гипотезы передъ истинными фактами дѣла. . . . Наши прославленные Кревинги, о которыхъ такъ много писано и которымъ придавалось такое большое значеніе и на мѣстѣ, и еще болѣе въ другихъ странахъ, въ дѣйствительности оказываются не болѣе, какъ горстью крѣпостныхъ людей, купленныхъ на островѣ Эзелѣ для того, чтобы вновь заселить помѣщичье имѣніе, совершенно обезлюдѣвшее въ началѣ прошлаго столѣтія вслѣдствіе чумы. Данныя для разрѣшенія этой загадки заключаются въ слѣдующемъ извѣстіи, которымъ я обязанъ одному (нынѣ уже умершему) члену нашего Общества, именно Баусскому пастору доктору Крюгеру:

«Госпожа Луиза фонъ-Ганъ, родная мать нынѣшняго владѣльца имѣнія Гансъ-Мемельгофа, урожденная фонъ Гротхусъ, «на дняхъ рассказывала слѣдующее: дѣдъ ея покойнаго перваго «мужа, Фр. фонъ-Ганъ, владѣлецъ Мемельгофа и Монтигайли-«шека, во время чумы лишился почти всѣхъ своихъ крѣпостныхъ «людей; осталось въ живыхъ всего три человѣка. Для того, чтобы «вновь добыть себѣ рабочія руки для обработки полей, онъ купилъ на островѣ Эзелѣ значительное число крестьянъ, преимущественно мужчинъ, и поселилъ ихъ въ своемъ Мемельгофскомъ имѣніи въ Курляндіи. Въ семействахъ и между потомками этихъ Эзельцевъ сохранился эстскій языкъ, разумѣется не безъ сильной порчи и примѣси латышскаго, а также сохранились нѣкоторые обычаи и все одѣяніе Эстовъ. Изъ этихъ поселенцевъ нѣко-

торыя впослѣдствіи, черезъ браки, перешли въ казенный Мемельгофъ и въ Ней-Раденъ».

Это разъясненіе и возстановленіе историческаго факта, которыми мы обязаны госпожѣ фонъ-Ганъ, подтверждается и устнымъ преданіемъ, которое притомъ сопровождаетъ его нѣкоторыми подробностями. Именно, одна 103-лѣтняя старуха Латышка, за нѣсколько лѣтъ назадъ умершая при помѣщичьемъ дворѣ въ Гансъ - Мемельгофѣ, часто рассказывала, какъ очевидца, о томъ, какое удивленіе возбудило во всемъ краѣ прибггіе этихъ чужеземниковъ, языка которыхъ никто не понималъ. — Что же касается имени *Кревины* (*Kreewini*), даннаго Латышами этимъ поселенцамъ, то оно совершенно въ духѣ латышскаго языка. Кревь по-латышски означаетъ не только Русскаго, но вообще чужаго, чужестранца, пришедшаго съ сѣвера или съ востока; съ этимъ названіемъ Кревь въ латышскомъ языкѣ соединяется такое же понятіе грубости и дикости, какое въ греческомъ языкѣ соединялось со словомъ *βαρβαρος*. Въ виду же забытой наружности или бѣдственнаго положенія этихъ эзельскихъ пришельцевъ, Латышамъ весьма естественно было примѣнить къ нимъ не слово Креви, а уменьшительную его форму *Kreewini* (маленькіе чужіе, бѣдненькіе, несчастненькіе чужіе).

.... Если найдется иной черезъ-чуръ взыскательный историческій критикъ, которому покажется, что приведенное простое и совершенно естественное объясненіе того, что такое собственно Кревинги, какимъ образомъ они попали въ Курляндію и откуда взялось ихъ имя, не можетъ быть признано за вполне доказанную историческую истину, или надѣленный черезъ чуръ пылкою фантазіею ученый, который не рѣшится еще проститься съ какою либо полюбившеюся ему гипотезою о Кревингахъ, то для нихъ я присовокуплю, что во всемъ, весьма значительномъ, запасѣ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятниковъ, касающихся нашей отечественной исторіи, нигдѣ не встрѣчается ни полслова о Кревингахъ, между тѣмъ какъ, напротивъ, въ нихъ очень часто говорится о подвластныхъ курляндскимъ епископамъ Ливагъ.

Это одно уже ясно указываетъ, что прибытіе Кревинговъ есть событіе позднѣйшаго времени.

XV. E. Svenson, *Pastor zu Zohden, Notiz über den Uebervest eines alten Volksstammes, die Kreevingen genannt.* (Э. Свенсонъ, пасторъ въ Цоденѣ, Замѣтка объ остаткѣ древняго племени, именуемаго Кревингами, въ газетѣ «Inland». 1836. № 50).

Предки живущихъ въ Альтъ- и Ней-Раденскомъ приходѣ, неподалеку отъ Бауска, въ Курляндіи, Кревинговъ, переведены въ Курляндію изъ Эстляндіи, около того времени, когда магистръ ордена Іоганъ фонъ-Менгденъ, по прозванію Остгофъ, строилъ въ 1456 году Баусскій замокъ, и слѣдовательно происходятъ отъ Эстовъ. Латыши называютъ ихъ Кгеewiipi, т. е. маленькими Русскими, уменьшительнымъ отъ Креви, латышскаго имени Русскихъ, по той причинѣ, что Эстовъ, какъ исконныхъ подданныхъ Россіи, считали какъ бы составлявшими одно общество съ Россією. Теперь впрочемъ Кревинги составляютъ одинъ народъ съ Латышами, ибо совершенно слились съ ними и въ религіозномъ и въ общественномъ отношеніи, и отличаются отъ нихъ только одеждою, да своимъ большимъ благочестіемъ и добрыми нравами. Они также брачатся съ Латышами, съ которыми вмѣстѣ же ходятъ къ причастію; однимъ словомъ живутъ съ ними въ христіанской любви и ненарушимомъ согласіи и стяжали славу строго-нравственнаго и миролюбиваго остатка существовавшаго въ древнія времена народа. (Примѣч. Редакція многократно просила о сообщеніи ей свѣдѣній объ этомъ любопытномъ остаткѣ народа; но до сихъ поръ получила только эту замѣтку, которую она и представляетъ читателямъ «Inland»).

XVI. Dr. Fr. Kruse. *Ur-Geschichte des Esthnischen Volkes.* Leipzig. 1846. (Докт. Фр. Крузе, Первобытная исторія Эстскаго народа. Лейпцигъ, 1846).

Стр. 156 и слѣд. b) Крeвинны или Крeвинги. [Я не нахожу нужнымъ выписывать приводимыя докторомъ Крузе мнѣнія и извѣстiя другихъ писателей, касательно Крeвиновъ, а выпишу только тѣ свѣдѣнiя, которыя лично собралъ и сообщилъ ему Г. Ф. Гильденштуббе]. Двое Крeвинговъ, которые, по моей просьбѣ, были въ 1843 году спрошены на мѣстѣ г. фонъ-Гильденштуббе, — единственные двое, еще сохранившiе свой языкъ и свою національность *), также показали, что предки ихъ были «послѣ большаго мора» (т. е. вѣроятно послѣ бывшей въ началѣ восемнадцатаго вѣка чумы) привезены съ острова Замы (Сааремы, Эзеля) на трехъ телѣгахъ и расселены въ шести имѣнiяхъ **). Г. фонъ-Гильденштуббе не нашелъ однако въ этихъ имѣнiяхъ никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ объ этомъ переселенiи. По описанiю г. фонъ-Гильденштуббе, мужчины носятъ длинныя суконныя кафтаны (амме) темно-коричневаго цвѣта и (подобно Литовцамъ) бѣлыя тулупы, съ черною оторочкою на рукавахъ и карманахъ, шляпу (каппаюшъ, съ польскаго) или шапку (капперъ). Свою рубашку ***) , вышитую у ворота синимъ и краснымъ цвѣтами, называютъ они кiютъ (kiut), сапоги сабакадъ (sabakad), кафтанъ вита (wita).

*) Оставалось еще неолатышенныхъ Крeвинговъ всего 10 человекъ въ Альтъ-Раденѣ и 4 человекъ въ Гансъ-Мемельгофѣ, изъ которыхъ могли быть спрошены только двое стариковъ, еще понимавшiе языкъ своихъ праотцевъ: впрочемъ и они не могли уже припомнить многихъ словъ, изъ самыхъ близкихъ имъ по ихъ быту. Это доказываетъ, что при изслѣдованiи средствъ языковъ не слѣдуетъ смотрѣть именно на такiе близкiе предметы. См. сравненiе крeвингскаго нарѣчiя съ другими нарѣчiями (Прилож. V).

**) Въ Альтъ-Раденѣ, Ней-Раденѣ, Гансъ-Мемельгофѣ, казенномъ (крою) Мемельгофѣ, Круссенѣ (и вѣроятно въ Витвенгофѣ) близъ Бауска.

***) Г. фонъ-Гильденштуббе хотѣлъ было у одного старика, носившаго еще крeвингскую одежду, купить его рубашку. Но старикъ отвѣчалъ, что «не продается ни за какiя деньги; покойница жена соткала ее собственными руками. «и онъ хочетъ, чтобы въ ней же положили его въ гробъ». Прочiе Крeвинги.

XVII. A. J. Sjögren. *Bericht über eine im Auftrage der russischen geographischen Gesellschaft während der Sommermonate 1846 unternommenen Reise zur genauen Untersuchung der Liven und Kreewingen.* (А. I. Шёгрена, Отчетъ о предпринятомъ по порученію Русскаго Географическаго Общества, лѣтомъ 1846 года, путешествіи для точнаго изслѣдованія Ливовъ и Кревинговъ. Напечатанъ въ «Denkschriften» (Запискахъ) Русскаго Геогр. Общ., изданныхъ въ Веймарѣ, 1849 года т. I, стр. 453 и слѣд.).

Прибывъ на мѣсто [въ Ней-Раденъ], нашли мы тамъ семь человѣкъ Кревинговъ, именно одного старика высокаго роста, съ продолговатымъ лицомъ, длиннымъ носомъ и высокимъ лбомъ, и шесть женщинъ, частью средняго, частью маленькаго роста; всѣ онѣ были также болѣе или менѣе пожилыхъ лѣтъ, и на всѣхъ былъ чрезвычайно своеобразный нарядъ... Къ этому наряду прежде всего принадлежитъ такъ называемый заппанъ (sarpan), то есть покрывало изъ тонкаго бѣлаго полотна, съ нитяными каймами, представляющими разнообразныя, крупные, симметрически расположенные узоры. Это покрывало закрываетъ голову со всѣхъ сторонъ, кромѣ лица, и сзади ниспадаетъ на спину и на плечи. Подъ такимъ покрываломъ носятъ онѣ чепецъ; иныя сверхъ него повязываютъ еще пестрый платокъ, особенно когда выходятъ со двора въ вѣтряную погоду, для того, чтобы покрывало не развѣвало вѣтромъ. Въ прежнее время это покрывало, всегда означающее замужнюю женщину, прикалывалось къ чепцу длинною серебряною булавкою, къ которой, по обоимъ концамъ, привѣшивались бубенчики. Дѣвушки заплетали волосы въ косу и надѣвали на голову повязку; съ затылка висѣла длинная лента. Оригинальная верхняя одежда, называемая урскъ (urusk), сдѣланная изъ пестрой клѣтчатою шерстяною ткани, желтой съ

называющіеся еще этимъ именемъ, одѣваются уже только по-латышски. Женщины въ своеобразномъ кревингскомъ нарядѣ г. фонъ-Гильденштуббе не удалось уже видѣть.

синимъ, краснымъ и бѣлымъ, съ широкою коричневою каймою по подолу, и совершенно раскрытая на правомъ боку, держится только посредствомъ узенькой тесьмы, надѣтой черезъ правое плечо и кромѣ того подвязывается въ станѣ краснымъ поясомъ. Въ прежнее время поясъ этотъ дѣлался изъ гладкой, блестящей кожи, и на него навѣшивались разныя украшения. Подъ этимъ верхнимъ платьемъ носятъ кривингскія женщины длинную бѣлую сорочку, называемую кіютингъ (kiuting), съ пестрыми вышитыми наплечниками и съ небольшою серебряною застежкою или пряжкою на груди, называемую зѣлкъ (sölk). На ногахъ—чулки изъ бѣлаго полотна и лапти; зимою—пестрые, вышитые шерстяные чулки и башмаки, которые въ прежнее время, говорятъ, бывали сафьянные и на высокихъ каблукахъ. Сверхъ всего надѣвали женщины въ прежнее время еще синій суконный кафтанъ, обшитый кругомъ красною шерстяною каймою, обвѣшенною по подолу бубенчиками, которые своимъ звономъ еще издали возвѣщали приближеніе женщины. Еще непремѣнную принадлежность прежняго женскаго праздничнаго наряда составлялъ бѣлый кисейный передникъ съ красною шерстяною каймою по подолу. Вообще нынѣшній нарядъ, относительно числа и богатства входящихъ въ него предметовъ, составляетъ только четверть того, что онъ былъ въ прежнее время. Особенная роскошь водилась въ застежкахъ; серебряная застежка бывала вдвое больше теперешней, и кромѣ того, въ большую серебряную застежку вставлялась еще другая, поменьше, золотая. Но уже въ 1812 году, при повсемѣстныхъ военныхъ поборахъ, сопровождавшихъ Французское нашествіе, Кривингскія женщины лишились большей части своихъ цѣнныхъ украшеній; а вещи, какія онѣ успѣли пріобрѣсти послѣ того, пришлось по большей части распродать въ бывшіе въ послѣднее время тяжелые неурожайные годы. Такимъ образомъ то, что прежде составляло принадлежность почти ежедневнаго, будничнаго одѣянія, теперь ужъ принадлежитъ только къ праздничному наряду. Въ прежнія времена на невѣсту въ день свадьбы надѣвалось три наряда, изъ которыхъ послѣ свадьбы снималось

по одному каждое воскресеніе. На свадьбѣ она обязана была подарить полный такой нарядъ своей свекрови. По прїѣздѣ въ домъ жениха, она должна была положить по парѣ перчатокъ въ разныхъ мѣстахъ, какъ то у колодца, на порогѣ, за печкою, въ хлѣву. Всю родню должна была также одарить разными предметами одѣянія, перчатками, чулками, сорочками; такъ что дѣвушка приходилось много лѣтъ заранѣе приниматься за работу, чтобы мало по малу заготовить къ свадьбѣ все, что ей требовалось на собственное приданое и на подарки другимъ; надо было прибѣгать къ помощи сверстницъ, или же, въ самыхъ неблагопрїятныхъ случаяхъ, все закупать на деньги. И по настоящее время все, что принадлежитъ къ женскому наряду, за исключеніемъ только металлическихъ вещей, кривингскія женщины изготовляютъ сами. — Что касается мужчинъ, то они давно уже бросили свое старое, своеобразное одѣяніе и приняли теперешнее латышское платье. Тотъ старикъ, котораго я видѣлъ, былъ одѣтъ въ длинный темносѣрый кафтанъ, который онъ по кривингски называлъ витепъ (witen), и подпоясанъ въ станѣ поясомъ; единственнымъ отличіемъ въ его простомъ одѣянїи былъ пестрый вышитый воротникъ у рубашки съ висѣвшими отъ него двумя пестрыми же кистями. Въ прежнее время мужчины носили на правомъ боку привѣшанный къ поясу ножъ, короткое, опускавшееся немножко ниже колѣнъ исподнее платье, чулки и башмаки.

Описанный выше замѣчательный нарядъ кривингскихъ женщинъ, какъ я уже упоминалъ, составляетъ въ настоящее время единственное уже отличіе ихъ племени. Ибо онѣ уже всѣ приняли языкъ латышскій и до того забыли собственный языкъ, что изъ бывшихъ на лицо шести женщинъ только двѣ или три припоминали еще кой-какія отдѣльные слова... Старикъ, которому было лѣтъ около восьмидесяти, сначала показался болѣе свѣдущимъ; но я скоро убѣдился, что и его знаніе вообще ограничивалось точно также одними разрозненными словами, да и въ этомъ даже не всегда можно было на него положиться. Такъ на-примѣръ, когда мы пригласили его заговорить по-кривингски со сто-

явшею подлѣ него женщиною, онъ сказалъ: «*kuí maġama*», что по его мнѣнію значило: «какъ ты спала?» Женщина не умѣла ему отвѣчать, и тогда онъ сказалъ ей, что ей слѣдуетъ отвѣчать «*áwín*», то есть хорошо... Въ оправданіе своего незнанія онъ ссылаясь на то, что онъ уже двадцать лѣтъ не говорилъ по-кревински. Кромѣ весьма немногихъ и самыхъ коротенькихъ предложеній, онъ не въ состояніи былъ перевести ни одной сколько нибудь длинной, связной фразы, ... и я тщетно бился съ нимъ, стараясь добыть отъ него личныя окончанія настоящаго времени какого бы то ни было конкретнаго глагола. Только въ другое уже время и совершенно случайно удалось мнѣ уловить двѣ или три такія формы. По большей части онъ довольствовался окончаніемъ *ma*, принадлежащимъ также и эстскому языку, и которое онъ ошибочно распространялъ и на окончательныя формы глагола... Этотъ первый и послѣдній видѣнный мною Кревингъ назывался Миккель Заузаисъ (*Mikkel Sausais*), или по-кревински Куива (сухой), какъ онъ же самъ объяснилъ. Онъ былъ изъ Рокенской усадьбы и служилъ лѣсникомъ въ Гансъ-Мемельгофскомъ имѣніи....

Вотъ перечень прочихъ Кревинговъ, который вскорѣ по приѣздѣ моемъ въ Ней-Раденъ, дали мнѣ, послѣ долгаго размышленія и въ присутствіи своего пастора, созванные туда люди:

а) въ вышеназванномъ имѣніи: 2) жена помянутаго лѣсника, Заппе (*Sappe*); 3) въ усадьбѣ Местенѣ вдова Дарте Парейцъ (*Dahrtē Pareiz*); 4) въ усадьбѣ Ренге вдова Заппе Парейцъ; — б) въ имѣніи Ней-Раденѣ: 5) въ усадьбѣ Игнатенѣ вдова Заппе Брикауцки (*Sappe Brikauzky*); 6 и 7) въ усадьбѣ Варбергѣ вдова Анна Дунтавсъ (*Anne Duntaws*) и Ильца Кринскъ (*Plze Krinsk*); 8 и 9) въ усадьбѣ Мальдикѣ Кристь Дравенекъ (*Krist Drawe-neek*) и его жена Мадде; 10) въ усадьбѣ Кугьелѣ вдова Анна Лика (*Anne Lihka*)⁶⁾.

⁶⁾ Я позволилъ себѣ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ именъ нѣсколько измѣнить правописаніе, ближе придерживаясь къ произношенію, какъ я ихъ слышалъ изъ устъ самого Альтъ-Раденскаго пастора.

Прошлою зимою умеръ послѣдній Кривингъ въ Витвенгофскихъ владѣнiяхъ, и затѣмъ въ настоящее время, кромѣ исчисленныхъ выше, не существуетъ больше Кривинговъ — разумѣется если подъ этимъ названiемъ разумѣть такихъ людей, которые, хотя бы одною только одеждою, сколько нибудь отличались бы отъ остальнаго мѣстнаго населенiя. Иначе, людей только происходящихъ отъ Кривинговъ, конечно, насчитается еще множество. Такъ, я самъ зналъ въ городѣ Баускѣ одного писаря, котораго мать была Кривинянка, съ молодыхъ лѣтъ переселившаяся въ Баускъ, но уже не понимавшая по-кривингски и давно бросившая кривингскiй нарядъ. Этотъ же писарь говорилъ мнѣ еще про одного старика, по имени Дзеббена (Dsibben), который приходился ему дядею, жилъ въ лѣсникахъ въ Ней-Раденскомъ имѣнiи и умѣлъ еще говорить по-кривингски. Насколько было ему извѣстно, старикъ этотъ былъ еще живъ, и онъ полагалъ, что его только забыли. Если принять это показанiе, то полное число всѣхъ существовавшихъ еще въ прошломъ лѣтѣ Кривинговъ будетъ одиннадцать человекъ: трое мужчинъ и восемь женщинъ.

Старикъ кистеръ сказывалъ мнѣ между прочимъ, что въ старину число Кривинговъ во всей этой мѣстности простиралось до 3000 душъ, и что 50 лѣтъ тому назадъ кривингскiй языкъ былъ еще въ общемъ употребленiи. Даже не далѣе какъ лѣтъ 10 назадъ были еще люди, умѣвшiе говорить по-кривингски; теперь же этотъ языкъ совершенно забытъ. . . Еще рассказывалъ онъ мнѣ, что сватовство бывало по большей части весною, во время вывозки въ поле навоза; для этого женихъ бросалъ своей возлюбленной свою навозную вилу. Затѣмъ уже шло формальное сватовство черезъ старушку-сваху. Брачная ночь сопровождалась разными суевѣрными обрядами. Такъ на-примѣръ, въ брачное ложе клали гороховой соломы, для того, чтобы будущiе дѣти родились съ кудрявыми волосами; напротивъ лица, имѣвшiя злобу на молодыхъ и желавшiя имъ несогласiя, тайкомъ зарывали въ постель ножикъ. Вообще, говорятъ, Кривинги до самаго послѣдняго вре-

мени упорно держались разныхъ суевѣрій и слыли колдунами. Въ Мартыновъ день водилось у нихъ собираться подъ большимъ дубомъ, который до сихъ поръ существуетъ, и ставя подъ нимъ разныя яства, совершать жертвоприношенія. Въ этотъ день не позволялось заниматься никакою работою; весь день проводился въ пированіи. Съ Рождества до Крещенія люди ходили изъ дома въ домъ, волоча за собою на веревкѣ деревянный чурбанъ, и вездѣ пили и ѣли. Тотъ, у чьей двери чурбанъ останавливался, долженъ былъ угощать компанію. Въ самый день Крещенія, на дворяхъ, на всей домашней утвари и вообще на всемъ дѣлались кресты; рассказываютъ, что не такъ давно еще Кривинги пріѣзжали въ церковь въ саяхъ, на которыхъ были сдѣланы такіе же кресты. Въ настоящее время все это вывелось; но тайкомъ водится еще колдовство, къ которому обращаются для отысканія пропавшихъ или украденныхъ вещей, или для леченія въ разныхъ болѣзняхъ; въ послѣднемъ случаѣ заговариваются разныя сладобья, которыя затѣмъ даютъ принимать больному. Въ прежнее время, когда умиралъ Кривингъ, объ этомъ давалось знать по всѣмъ сосѣднимъ дворамъ, и никто не смѣлъ работать пока покойникъ не былъ похороненъ. Не смотря однако на сильное суевѣріе, нравственность у прежнихъ Кривинговъ была гораздо чище, чѣмъ у теперешнихъ ихъ потомковъ.

Откуда взялись эти Кривинги, которые въ настоящее время почти совершенно олатышились и исчезли? [Отвѣтъ на этотъ вопросъ Шёгрень выписываетъ слово въ слово изъ приведеннаго выше сообщенія Ватсона, 1824 года]... Это мнѣніе о происхожденіи Кривинговъ, излагаемое собственными словами Ватсона, съ тѣхъ поръ стало господствующимъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшей окрестности, въ чемъ можно убѣдиться, сравнивъ статью о Кривингахъ въ Бienenштамовомъ очеркѣ Остзейскихъ губерній (H. v. Bienenstamm, Geographischer Abriss der drei deutschen Ostseeprovinzen Russlands), изданномъ въ 1826 году, съ передѣлкою этого же сочиненія, изданною въ 1841 году К. А. Пфингстенномъ, подъ названіемъ «Новое географическое и статистическое

описание Курляндской губерніи» (Neue geographisch-statistische Beschreibung des Kaiserlich-Russischen Gouvernements Kurland, durchgesehen von C. A. Pflingsten) . . . И дѣйствительно, оно подтверждается вообще самымъ языкомъ Кревинговъ, на сколько можно еще судить о немъ при той степени полнѣйшаго разложенія, на которой онъ въ настоящее время представляется. Впрочемъ, и независимо отъ языка, удалось мнѣ напасть на другое еще свидѣтельство, которое служитъ очень сильнымъ подкрѣпленіемъ сообщенію Ватсона. Именно, вскорѣ по приѣздѣ моемъ въ Ней-Раденъ, созванные туда Кревинги были, по моей просьбѣ, спрошены пасторомъ, не знаютъ ли они и не слыхали ли, откуда были ихъ предки? Женщины молчали; но Гансъ-Мемельгофскій лѣсникъ, о которомъ я уже говорилъ, старикъ лѣтъ подъ восемьдесятъ, отвѣчалъ, что онъ этого заподлинно не знаетъ, а помнить только, что когда онъ былъ еще ребенкомъ, дѣдъ его говаривалъ, что они родомъ съ одного большого острова на морѣ и прибыли сюда первоначально въ имѣніе Гансъ-Мемельгофъ, приѣхали въ четырехъ большихъ повозкахъ; называется тотъ островъ, присовокупилъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія, Заму-Земме (Sahmu-Semme). Это именно латышское названіе острова Эзеля. Если сообразить, что старику было, по собственному его расчету, по крайней мѣрѣ 76 лѣтъ, — по всей же вѣроятности больше (родился онъ въ Литвѣ, и прибылъ оттуда безъ метрическаго свидѣтельства), то нельзя не придти къ заключенію, что дѣдъ, на котораго онъ ссылался, былъ очевидцемъ разсказываемаго событія; слѣдовательно мы имѣемъ въ немъ, послѣ старухи латышки, о которой говорилъ Ватсонъ, еще втораго свидѣтеля очевидца, и притомъ изъ самихъ Кревинговъ, въ подтвержденіе справедливости объясненія, сообщеннаго г-жею фонъ Ганъ, съ которымъ его разсказъ въ сущности совершенно согласенъ. Покуда должны мы довольствоваться этимъ общимъ результатомъ, предоставляя себѣ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ раскрыть, можетъ ли онъ, и въ какой степени, быть утвержденъ на еще болѣе точныхъ и положительныхъ доводахъ, или не слѣ-

дуетъ ли его нѣсколько измѣнить въ частностяхъ. Ибо во всякомъ случаѣ, измѣненія могутъ коснуться только частныхъ; въ сущности же, ни указаннаго впервые покойнымъ пасторомъ Ватсономъ факта прихода эстскихъ выселенцевъ съ острова Эзеля, ни преобладанія эстскаго характера въ языкѣ уцѣлѣвшихъ до нашего времени скудныхъ остатковъ кривингскаго племени, отрицать не возможно.

Остальные двадцать девять извѣстій о Кривинахъ, суть нечто иное, какъ повтореніе напечатаннаго уже другими; или же въ нихъ просто упоминается только о Кривинахъ, безъ всякаго притязанія на описаніе ихъ. Изъ свидѣтельства послѣдней категоріи, быть можетъ, мною еще упущено кое-что разбросанное въ разныхъ мѣстахъ; но сколько нибудь важныя извѣстія всѣ здѣсь собраны сполна. Содержащіяся въ нихъ свѣдѣнія о Кривинахъ относятся къ ихъ одѣянію, нравственнымъ свойствамъ, нравамъ, числу и мѣсту жительства; кромѣ того предполагаются въ нихъ также мнѣнія о происхожденіи этого народа, болѣе или менѣе подкрѣпляемые доводами. Приложенные нѣкоторыми, весьма немногими, изъ этихъ писателей образцы языка, я пока оставляю въ сторонѣ, предполагая собрать ихъ воедино и тогда разсмотрѣть и обсудить ихъ въ подробности. По указаннымъ выше пунктамъ, изъ сравненія отдѣльныхъ свѣдѣній, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ дополненій, которыя я успѣлъ собрать самъ во время поѣздки въ мѣстность, гдѣ обитали прежде Кривины, оказывается слѣдующее:

I. Объ одеждѣ и нравахъ Кривиновъ, Рекке, въ «Wöchentliche Unterhaltungen» (X), говоритъ только, что одежда ихъ сходна съ финскою и эстскою. Нѣсколько подробнѣе говорятъ о ней Кейзерлингъ и Дершау въ «Описаніи Курляндской области»

(X), Лутцау (XII и XIII), Крузе на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ г. Гильденштуббе (XVI), и въ особенности Шёгрень (XVII). Показанія объ одеждѣ, встрѣчающіяся у другихъ писателей, всѣ заимствованы изъ X и XIII. Въ «Описаніи Курляндіи» (XI) указывается, въ примѣчаніи, на приложенную картинку, сообщенную издателямъ г. фонъ Рекке; этой картинки однако не находится въ томъ экземплярѣ, которымъ я пользовался. Это, вѣроятно, та же картинка, которую мнѣ обязательно сообщилъ учитель Митавской гимназій и хранитель тамошняго провинціального музея г. Дёрингъ. Кромѣ того есть еще картинка, изображающая двухъ Кревиновъ, мужчину и женщину, въ большомъ «Этнографическомъ описаніи Россіи» Паули (Description ethnographique des peuples de la Russie, par Pauly), только безъ указанія источника.

Мужчины носили рубашку (kiut, kiuting) съ пестрымъ шитьемъ изъ синей и красной шерсти на воротникъ и спереди на груди, и съ двумя такими же пестрыми кистями, а подъ нею еще другую рубашку, простую; лапти, сшитые изъ невыдѣланной кожи, впоследствии иногда сапоги, короткіе носки (лат. karsekkes), доходившіе до лодыжекъ, надъ ними чулки безъ носковъ (лат. strimpes), всегда синіе, брюки до колѣнъ съ овальной вырѣзкою спереди и державшіеся посредствомъ мѣдной заправки, продѣтой въ двѣ прорѣхи въ рубцѣ; распашной камзолъ, спереди доходившій до талии, а сзади нѣсколько длиннѣе, или же вмѣсто него длинный шерстяной кафтанъ, темносѣраго или коричневаго цвѣта, въ полахъ широкой, въ станѣ въ обтяжку, подпоясанный кушакомъ, съ котораго съ праваго боку висѣлъ ножъ; зимою — бѣлый тулупъ, съ черною оторочкою на спинѣ, на карманахъ и рукавахъ; на головѣ поярковую шляпу съ широкими полями. Долге мужской одежды, которая скоро смѣнилась латышскою, удержался національный нарядъ женщинъ. Женщины также носили, подобно мужчинамъ, по двѣ рубашки, изъ которыхъ верхняя была также украшена пестрымъ шитьемъ на груди, на стоячемъ, въ три пальца ширины, воротникѣ, и кромѣ того на плечахъ и

на подолѣ, который выступалъ изъ подъ надѣтаго сверхъ рубашки верхняго платья. Это верхнее платье, называвшееся урскъ (ursk) и замѣнявшее юбку, состояло изъ синяго шерстянаго платка (по Шёгрёну—пестраго, клѣтчатаго, желтаго съ синимъ, краснымъ и бѣлымъ, и съ коричневымъ, въ руку шириною бортомъ), также украшеннаго пестрымъ шитьемъ, который обривался вокругъ тѣла такимъ образомъ, что на правомъ боку оставался раскрытымъ; держался онъ посредствомъ помочи или тесьмы черезъ правое плечо и цвѣтнаго (краснаго или пестраго) пояса (лат. райбе, gaibe), или же блестящаго кожанаго ремня съ крючкомъ; на поясѣ были еще навѣшены разнаго рода украшения. Обувь составляли полотняные чулки, и лапти такіе же, какъ у мужчинъ, зимою—цвѣтные шерстяные чулки и башмаки на высокихъ каблукахъ; на картинкѣ въ Митавскомъ музеѣ чулки и каблуки красныя. Своеобразный ихъ головной уборъ состоялъ изъ шелковаго чепца или шапочки (лат. рулле, gulle), къ которой прикрѣплялся запанъ (zarpan), т. е. платокъ изъ тонкаго полотна, висѣвшій на затылкѣ и съ боковъ; шапочка завязывалась шелковыми лентами, которыхъ концы висѣли на спинѣ; сверхъ всего, въ дурную погоду, повязывался еще пестрый платокъ. Поверхъ описанной легкой одежды зимою надѣвался еще синій суконный кафтанъ, съ пестрымъ вышитымъ бортомъ по подолу, обвѣшеннымъ разнаго рода погремушками и побрякушками; на упомянутой выше картинкѣ, онъ—съ красными отворотами. Къ полному наряду принадлежали еще большая, горизонтально проткнутая сквозъ запанъ и шапочку серебряная булавка (лат. иленсъ, ihlens), концы которой были обвѣшены серебряными бубенчиками, гремушками, колечками и листочками; затѣмъ передникъ изъ яркой пестрой ткани или изъ бѣлой кисеи, по подолу и по краямъ вышитый разными цвѣтами, и наконецъ одна или нѣсколько серебряныхъ, круглыхъ, выпуклыхъ застежекъ или бляхъ, по тамошнему бредзе (зелькъ, sölk), украшенныхъ шпичками, которыми застегивалась на груди верхняя рубашка. Иногда еще, разумѣется, нитка бусъ на шеѣ. Запанъ носили однѣ только замужня

женщины; дѣвушки заплетали волосы въ косу и украшали ихъ надѣтыми на голову цвѣтными лентою или обручемъ. До французскаго нашествія и сопровождавшихъ его поборовъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ обѣднѣніе мѣстныхъ жителей, въ составѣ женскаго наряда, какъ рассказывали Шёгрёну, было гораздо больше цѣнныхъ украшеній, чѣмъ въ то время, когда онъ самъ видѣлъ этотъ нарядъ. На-примѣръ, внутри большихъ серебряныхъ бляхъ помѣщались еще другія, поменьше, золотыя.

Что касается нравственныхъ свойствъ Кревиновъ, то первый упоминающій о нихъ писатель, именно П. Эйнгорнъ, даетъ о нихъ не совсѣмъ благоприятный отзывъ. Онъ называетъ ихъ (I) «народомъ суевѣрнымъ, преданнымъ, наравнѣ съ Латышами или «пожалуй еще гораздо болѣе ихъ, множеству суевѣрій и предразсудковъ». Позднѣе (1805 г. X) говорится о нихъ, что въ ихъ нравахъ нѣтъ почти ничего отличительнаго, что нравственныя свойства ихъ совершенно тѣ же, какъ всѣмъ извѣстныя свойства Латышей, а равно таковъ же и ихъ образъ жизни, «въ которомъ «они отличаются отъ Латышей развѣ только, не къ выгодѣ ихъ ска-
зать, — болѣшею склонностью къ цинизму». Что авторъ хотѣлъ сказать послѣднею фразою, разумѣлъ ли онъ тутъ физическую или нравственную нечистоту, — это для меня не совсѣмъ ясно; не знаю, яснѣе ли оно было для тѣхъ позднѣйшихъ писателей, которые столько разъ перепечатывали этотъ отзывъ слово въ слово⁷⁾. Пасторъ Лутшау, къ приходу котораго принадлежали послѣдніе уцѣлѣвшіе Кревины, отзывается о ихъ нравственности вообще благоприятно. Онъ говоритъ (XII): «Кревины отличаются особенно склонностью

⁷⁾ Сравни Ditmar, Ein Wort über die noch jetzt in Kurland lebenden Kreevinnen (въ поврежденномъ изданіи Рюза и Шпикера Zeitschrift für die neueste Geschichte, etc., т. IV, 1816, стр. 380 слѣд.).

Его же Disquisition de origine nominis Livoniae. Heidelberg. 1816, стр. 50 слѣд.

Budberg, Notizen zur Ethnographie Russlands (въ нѣмецкихъ С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ 1838 г. № 176, стр. 791, откуда статья эта была перепечатана въ Berghaus «Annalen», серія III, т. 6, Берлинъ, 1838, стр. 499).

Uebersete alter Volksstämme in der Provinz Kurland (въ журналѣ «Ausland» 1838 г., № 189).

«къ опрятности и къ благочестію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и упорною «привязанностью къ суевѣріямъ»; а въ другомъ мѣстѣ (XIII): «Кревины народъ весьма благочестивый, набожный, трудолюбивый и честный; только въ наклонности къ суевѣрію они еще «превосходятъ прочихъ Латышей». Стало быть, здѣсь отличительная черта ихъ не цинизмъ, а суевѣріе, какъ говорилъ уже о нихъ прежде П. Эйнгорнъ. Еще благопріятнѣе отзывается о нихъ Свенсонъ, пасторъ въ Цоденѣ, неподалеку отъ Бауска (XV). По его сужденію, они отличались передъ прочими Латышами преимущественною богобоязненностью и добрыми нравами. Нынѣ потомки ихъ отъ Латышей пожалуй уже рѣшительно ничѣмъ не отличаются. Въ языкѣ они въ Эйнгорново время (I) отличались, какъ и слѣдовало ожидать, отъ народа финскаго племени, своимъ дурнымъ выговоромъ, когда говорили по-латышски; но и въ этомъ отношеніи въ наше время они уже вполне олатышились, даже еще полнѣе своихъ сродниковъ Куровъ или Курляндскихъ Ливовъ; по крайней мѣрѣ Штендеръ, въ своей грамматикѣ, указываетъ на нѣкоторыя особенности латышкаго языка въ тѣхъ частяхъ страны, гдѣ прежде обитали Куры, сравнительно съ латышскимъ языкомъ въ Земголѣ, гдѣ онъ былъ искони природнымъ языкомъ.

Шёгрень приводитъ нѣкоторые своеобразные ихъ обычаи, о которыхъ ему рассказывалъ Ней-Раденскій кистеръ. Относительно ихъ я ограничусь указаніемъ на XVII.

II. Относительно числа Кревиновъ и мѣстъ ими населенныхъ болѣе опредѣлительныя свѣдѣнія представляютъ X, XII, XIII, XVI, XVII; прочіе писатели только повторяютъ показанія этихъ, или же говорятъ въ болѣе общихъ выраженіяхъ только о «небольшомъ числѣ», о «Баусскомъ краѣ», или объ «Альтъ- и Ней-Раденскомъ околodкѣ».

На первый взглядъ кажется необъяснимымъ разительное разнорѣчіе между показаніями о числѣ Кревиновъ. Между тѣмъ какъ, съ одной стороны, идетъ рѣчь только о единицахъ, о нѣ-

сколькихъ человѣкахъ, — съ другой стороны, въ то же самое время или во время очень къ нему близкое, указываются сотни, чуть не тысячи. Это разнорѣчіе происходитъ отъ того, что подъ именемъ Кревиновъ разумѣлись иногда люди, говорившіе или по крайней мѣрѣ понимавшіе по-кревински, иногда же люди, происходившіе отъ такихъ Кревиновъ. Первое, конечно, правильнѣе; ибо называть Кревиномъ человѣка, который ни языкомъ, ни чѣмъ другимъ не отличается отъ Латыша, нѣтъ по настоящему никакого основанія. Происхожденіе же отъ Кревиновъ, какъ скоро завелись браки между Кревинами и Латышами и въ виду того обстоятельства, что въ метрическихъ книгахъ не дѣлается никакого различія между тою и другою народностью, могло сохраняться только въ воспоминаніи, и съ теченіемъ времени должно было становиться все менѣе и менѣе достовѣрнымъ. Олатышенію съ самаго уже начала способствовало то, что Кревины говорили на своемъ родномъ языкѣ только между собою, въ присутствіи же чужихъ, какъ замѣчаетъ суперинтендентъ Гунъ (V), только тогда, когда имѣли надобность сказать что нибудь такое, что должно было оставаться тайною для присутствующихъ. Что во всѣхъ внѣсемейныхъ отношеніяхъ, въ церкви и въ школѣ, на судѣ и передъ помѣщикомъ, о кревинской рѣчи съ самаго начала не могло быть и помину — понимается само собою; во всякомъ случаѣ такъ уже было во время П. Эйнгорна, который говоритъ: «когда говорятъ они между собою, то говорятъ по-эстски; съ нѣмцами же и съ другими нѣмцами говорятъ по-латышки или нѣмецки, равно какъ и богослуженіе у нихъ совершается на нѣмецкомъ языкѣ» (см. I). То, что говоритъ тотъ же Эйнгорнъ (II) объ Ангерскихъ Ливахъ, что они «въ такой степени держатся особнякомъ, что не охотно сближаются или брачатся съ Латышами, а равно Латыши съ ними, а предпочтительно держатся своего народа, ибо не только Нѣмцы, но также и Латыши считаютъ ихъ за людей крайне суевѣрныхъ и преданныхъ колдовству, а потому не охотно съ ними сближаются» — въ мысли его безъ сомнѣнія примѣнялось также и къ Кревинамъ, которыхъ онъ считалъ за одинъ на-

родъ съ Ангернскими Ливами; и такая молва, безъ сомнѣнія, въ началѣ шла также о нихъ, пока въ ихъ «очень дурномъ произношеніи» латышскаго языка слишкомъ ярко выступала ихъ чужеземность. Бѣргеръ (VI), рассказавъ о бракахъ между Ливландскими и Курляндскими Ливами, говоритъ даже: «точно также, говорятъ, ѣзжали они изъ Радена сюда, къ нашимъ Ливамъ, сватать невѣсть, а наши ѣзжали туда». Это впрочемъ ничѣмъ не доказано, да и самъ Бѣргеръ приводитъ это только какъ молву, которую однако онъ могъ считать нисколько не невѣроятною, такъ какъ, по его понятіямъ, также «Раденскіе», т. е. Кревины, были первоначально одинъ народъ съ Ливами; но Кревины, — какъ мы увидимъ ниже, — принадлежать къ совершенно другой отрасли, а потому вѣроятнѣе, что они едва ли имѣли ясное понятіе о существованіи Залисскихъ Ливовъ. Какъ велико было въ старое время число людей, говорившихъ по-кревински, или Кревиновъ, теперь, конечно, съ точностью опредѣлить уже невозможно. Одно только можно сказать, что если, по показанію Ней-Раденскаго кистера (см. XVII), число ихъ въ старое время во всемъ околоткѣ простиралось до 3000 душъ, то въ Эйнгорново время, когда они кромѣ того жили также и въ Баусскомъ пасторатѣ, число ихъ должно было быть еще значительнѣе. Если въ 1805 году (X) число ихъ въ двухъ имѣніяхъ, исключительно ими населенныхъ — слѣдовательно не считая другихъ имѣній, въ которыхъ они жили смѣшанно съ Латышами — показывается около 1400 душъ, то при этомъ, безъ сомнѣнія, имѣются въ виду всѣ тѣ, которые, по преданію, происходили отъ людей, говорившихъ по-кревински, ибо уже въ 1810 году (XII) пасторъ Лутцау, въ приходѣ котораго они жили и который слѣдовательно долженъ былъ всѣхъ лучше знать о нихъ, пишетъ: «Кревиновъ, еще говорящихъ на этомъ языкѣ, какъ въ моемъ Альтъ-Раденскомъ, такъ и въ Ней-Раденскомъ приходахъ, можно насчитать много что человекъ отъ 12 до 15, и это почти все старики». Пять лѣтъ спустя, показываетъ онъ число ихъ еще меныше, всего семь человекъ, вѣроятно вслѣдствіе нѣсколько болѣе строгаго мѣрила зна-

нія языка; ибо нельзя конечно предполагать, чтобы въ этотъ промежутокъ времени смерть сократила на половину число говорившихъ на кревинскомъ языкѣ, когда, при его сынѣ и преемникѣ, Академику Шёгрёну называли еще одиннадцать человекъ, знавшихъ еще сколько нибудь по-кревински, хотя впрочемъ это сколько нибудь оказывалось крайне малымъ. У Крузе (XVI) находимъ два показанія: одно—основанное на X, впрочемъ ошибочно понятомъ, ибо показывая въ Ней-Раденѣ и мужескій и женскій полъ (1200 душъ), въ Мемельгофѣ онъ показываетъ одинъ только мужескій (100 душъ), и другое, относящееся только къ лицамъ, еще говорящимъ по-кревински, при чемъ онъ, основываясь на сообщеніи г. фонъ Гильденштубе, считаетъ всего 14 человекъ, именно 10 человекъ въ Ней-Раденѣ и 4 человека въ Мемельгофѣ. Наконецъ Шёгрёну (XVII) въ 1846 году могли указать всего на 11 человекъ обоего пола, которые хотя собственно уже вовсе не говорили по-кревински, однако сохраняли еще кой-какія слабыя воспоминанія о родномъ языкѣ, и у которыхъ отчасти сохранялся еще старинный нарядъ; наконецъ, въ мою бытность въ Баускѣ и Раденѣ въ 1870 году, существовали еще потомки Кревиновъ, число которыхъ нельзя опредѣлить, но не было уже въ живыхъ ни одного человека, который былъ бы въ состояніи сказать на кревинскомъ языкѣ хотя бы одну, самую простенькую фразу; народъ, какъ отдѣльное цѣлое, совершенно уже вымеръ, т. е. совершенно олатышился. Въ числовыхъ данныхъ у другихъ писателей встрѣчаются нѣкоторыя, довольно разительныя уклоненія. О нихъ впрочемъ достаточно будетъ сказать нѣсколько словъ, такъ какъ эти данныя добыты не собственнымъ изслѣдованіемъ и не изъ личнаго знакомства, а слѣдовательно не заслуживаютъ особеннаго вниманія и могутъ происходить только изъ недосмотровъ. Биненштамъ, въ первомъ изданіи своего описанія Курляндіи ⁸⁾, показываетъ «около 1600 душъ». Но какъ

⁸⁾ Н. v. Bienenstamm, *Geographischer Abriss der drei deutschen Ostseeprovinzen Russlands, Riga 1826, стр. 377.*

онъ вообще не говоритъ о Кревинахъ ничего новаго, то и это числовое показаніе не есть, конечно, результатъ самостоятельнаго, новаго вычисленія, а произошло повидимому только изъ дальнѣйшаго развитія показанія въ X. Тамъ поименовываются четыре имѣнія, въ которыхъ живутъ Кревины, и говорится, что въ одномъ имѣніи ихъ считается 1200 душъ, въ другомъ 200; о численности кревинскаго населенія въ двухъ остальныхъ ничего не сказано, вѣроятно по той причинѣ, что кревинское населеніе въ нихъ было незначительнаѣ; Биненштамъ на эти два имѣнія, Крусець и Витвенгофъ, прикинулъ приблизительно такое же число, какое было показано на одинъ Мемельгофъ, и такимъ образомъ получилъ число «около 1600 душъ». Точно такимъ же образомъ поступилъ, кажется, г. фонъ Будбергъ ⁹⁾: описаніе Кревиновъ у него составлено по X; только вмѣсто приведеннаго тамъ числа Кревиновъ, 1400 душъ въ двухъ имѣніяхъ, поставлено число ихъ вообще 1600 душъ. Г. фонъ Рихтеръ ¹⁰⁾, напротивъ, нѣсколько уменьшаетъ число: именно показываетъ, спустя сто лѣтъ послѣ признаваемаго имъ переселенія съ острова Эзеля въ началѣ восемнадцатаго вѣка, слѣдовательно уже въ девятнадцатомъ вѣкѣ, «еще около 1300 душъ, а въ 1843 году всего уже только 14 душъ (по «Первобытной исторіи» Крузе, и проч., на которую онъ и ссылается)». При показаніи числа въ началѣ девятнадцатаго вѣка, не могъ онъ, конечно, основываться ни на какомъ другомъ показаніи, кромѣ того же показанія въ «Описаніи Курляндіи» Кейзерлинга и Дершау, 1805 года (X). Тамъ сказано: «въ первомъ (именно Ней-Раденѣ) число ихъ простирается приблизительно до 600 душъ мужескаго и столькихъ же душъ женскаго пола; въ Мемельгофѣ же всего 20 хозяевъ, такъ что можно приблизительно считать свыше 100 душъ мужескаго и 100 душъ женскаго пола». Повидимому тутъ второе «100» было просмотрѣно. Вѣроятно, Рихтеръ не справлялся самъ съ первоначальнымъ источникомъ,

⁹⁾ Сравни. выше примѣч. 7.

¹⁰⁾ Geschichte der dem Russischen Reiche einverleibten deutschen Ostseeprovinzen, Riga 1857, т. I, стр. 319.

а взявъ цифру у Крузе изъ «Первобытной исторіи» и проч. (XVI), у котораго мы находимъ ту же ошибку и который при этомъ ссылается на показаніе Лутцау у Дитмара ¹¹⁾. Между тѣмъ у Дитмара показаніе совершенно вѣрно: «въ Мемельгофѣ же 20 хозяевъ; все же число жителей около ста мужчинъ и *столькихъ же* женщинъ»; притомъ самъ Дитмаръ въ этомъ мѣстѣ вовсе не ссылается на Лутцау, какъ говоритъ Крузе, а переводитъ свое показаніе слово въ слово изъ «Описанія Курляндіи» (X). Еще безперемоннѣе, кажется, поступилъ Яннау ¹²⁾, ибо его странное показаніе, 650 Кревиновъ, едва ли можетъ быть объяснено чѣмъ другимъ, кромѣ того, что онъ также, читая числовыя показанія въ X, не досмотрѣлъ одной сотни, и затѣмъ считаетъ одинъ только мужескій полъ, какъ по большей части водится въ официальныхъ народныхъ переписяхъ, особенно же въ составляемыхъ для раскладки податей. На недосмотрѣ же, безъ всякаго сомнѣнія, основывается число 7 Кревиновъ, которое показываетъ Паули ¹³⁾; ибо то, что онъ тутъ основывается не на показаніи Лутцау (XIII), прямо видно изъ его словъ: «*Лѣтъ пятнадцать тому назадъ*, въ имѣніи Нейраденѣ, близъ Бауска, въ Курляндіи, жили еще одинъ старикъ и шесть старухъ, Кревины». Такъ какъ его «Этнографическое описаніе Россіи» явилось въ 1862 году, то словами «лѣтъ пятнадцать тому назадъ» можетъ указываться одно только свидѣтельство Шёгрена въ отчетѣ о его путешествіи (XVII). Шёгрень дѣйствительно говоритъ въ этомъ отчетѣ: «Прибывъ на мѣсто, нашли мы семь человекъ Кревиновъ, именно одного старика... и шесть женщинъ», и т. д. Но при внимательномъ чтеніи всей статьи, Паули убѣдился бы, что Шёгрень вовсе не хотѣлъ этимъ сказать, что въ бытность его въ обитаемомъ Кревинами краѣ, ихъ вообще оставалось въ живыхъ всего семь

¹¹⁾ Disquisitio de origine nominis Livoniae; сравн. выше примѣч. 7.

¹²⁾ Dr. H. v. Jannau. Ueber die Grund- und Ursprache der Ehsten (въ Rosenplänters Beiträge zur genaueren Kenntniss der ehstnischen Sprache, Pernau, 1828, тѣр. 19, стр. 15.

¹³⁾ Pauly, Description ethnographique de la Russie, St.-Petersbourg, 1862.

человѣкъ; онъ разсказывалъ только, что, по прибытіи въ домъ Ней-Раденскаго кистера, нашелъ онъ тамъ этихъ семерыхъ, но что, по точнѣйшемъ распросѣ, число Кревиновъ, т. е. такихъ, которые сколько нибудь еще знали кревинскій языкъ, или которые одѣвались по-кревински, оказалось десять человѣкъ, въ дополненіе къ которымъ послѣ назвали ему еще одного, одиннадцатаго. Наконецъ, нѣсколько забавно то, что говорится о числѣ Кревиновъ во второмъ, пересмотрѣнномъ Пфингстенемъ, изданіи Биенштамова «Описанія Курляндіи»¹⁴). «Говорятъ, разсказываетъ Пфингстенъ, что по новѣйшей переписи во всемъ приходѣ оказывается въ живыхъ всего пятнадцать человѣкъ Кревиновъ обоюго пола, изъ которыхъ, впрочемъ, ни одинъ рѣшительно уже не говоритъ на своемъ прежнемъ родномъ языкѣ». Непонятно, почему этимъ именно пятнадцати человѣкамъ дано имя Кревиновъ; ибо, если называть этимъ именемъ вообще людей, происходящихъ отъ Кревиновъ, хотя бы они уже и не говорили на своемъ прежнемъ родномъ языкѣ, то такихъ лицъ было въ 1841 году конечно не 15, а гораздо больше. Не станеть же авторъ увѣрять читателей, что тѣ слишкомъ 1400 человѣкъ этого разряда, которые насчитывались въ 1805 году, къ 1841 году всѣ перемерли за исключеніемъ только 16, и притомъ перемерли, не оставивъ потомства? Тутъ, очевидно, перепутаны два значенія, въ которыхъ принимается названіе Кревиновъ.

Для правильнаго пониманія различныхъ показаній касательно жилищъ Кревиновъ, слѣдуетъ предварительно вспомнить, что слово «кирхшпилъ» употребляется въ Курляндіи въ совершенно иномъ смыслѣ чѣмъ въ Лифляндіи и Эстляндіи. Между тѣмъ какъ въ этихъ послѣднихъ губерніяхъ подъ этимъ названіемъ разумѣется совокупность имѣній и частей имѣній, имѣющихъ одну общую церковь для отправленія духовныхъ требъ, въ Курляндіи бываетъ въ одномъ кирхшпилѣ по нѣскольку пасторовъ съ от-

¹⁴) Neue geographisch-statistische Beschreibung des Gouvernements Kurland, Mitau, 1841, стр. 88.

дѣльными церквами, изъ которыхъ каждый имѣеть своихъ прихожанъ; такимъ образомъ дѣленіе на кирхшпили — дѣленіе чисто политическое. Обергауптманшафтъ или уѣздъ дѣлится на гауптманшафты, а эти дѣлятся на кирхшпили. Такъ на-примѣръ Митавское обергауптманство, или Митавскій уѣздъ, дѣлится на два гауптманства, Добленское и Баусское; Баусское гауптманство содержитъ въ себѣ четыре кирхшпиля: Баускъ, Экау, Нейгутъ и Балдонъ; въ Баусскомъ же кирхшпилѣ находятся пасторы въ Баускѣ, Мезотенѣ, Цоденѣ и Альтъ-Раденѣ; послѣдній управляетъ богослуженіе также въ приписной Ней-Раденской церкви, чередуясь между обѣими церквами. Такимъ образомъ, хотя съ начала настоящаго столѣтія, за исключеніемъ немногихъ выходцевъ, въ приходѣ только одной Ней-Раденской церкви имѣлись Кривины, однако когда говорятъ о «Кривинахъ въ Баусскомъ кирхшпилѣ», какъ выражаются Кеппенъ ¹⁵⁾ и Будбергъ (см. выше примѣч. 7), выраженіе это ни-чуть нельзя считать невѣрнымъ. Такъ часто встрѣчающіяся въ указаніяхъ ихъ жилищъ выраженія «въ Альтъ- и Ней-Раденѣ», или въ «Альтъ- и Ней-Раденскомъ краѣ» (im Alt- und Neu-Rahdischen) ¹⁶⁾, въ Альтъ- и Ней-Раденскомъ округѣ или кирхшпилѣ, или «въ Альтъ- и Ней-Раденскомъ приходѣ» ¹⁷⁾, «Альтъ- и Ней-Раденскіе крестьяне» (VIII) должно понимать такимъ образомъ, что тутъ разумѣется весь, содержащій въ себѣ двѣ церкви, округъ, который пасется пасторомъ, живущимъ при Альтъ-Раденской церкви, что въ Лифляндіи или Эстляндіи называлось бы Альтъ- и Ней-Раденскимъ кирхшпилемъ. Но неправильно употребляемое Ватсономъ ¹⁸⁾ выраженіе

¹⁵⁾ Кеппенъ. Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, № III. С.-Петербургъ, 1827. Стр. 804.

¹⁶⁾ См. приведенныя выше извѣстія III, IV, V, VIII и Яннау (сравни примѣч. 12).

¹⁷⁾ См. выше VI, VII, XII, XIV, XV; также Monumenta Livoniae antiqua, т. I. Рига, Дерптъ, Лейпцигъ, 1835. Стр. 3, примѣч. — Possart., Statistik des Gouvernements Kurland. Stuttgart, 1843; стр. 18.

¹⁸⁾ Darstellung der alten Eintheilung von Kurland (въ «Jahresverhandlungen» Курляндскаго общества литературы и искусства, т. III, Митавъ, 1822; стр. 289).

«въ Альтъ-Раденѣ и Мемельгофѣ», потому что тутъ, имѣнію Мемельгофу, принадлежащему къ Ней-Раденской церкви, можно противопоставлять только принадлежащее къ Альтъ-Раденской церкви имѣніе Альтъ-Раденъ, въ которомъ въ то время Кревиновъ уже вовсе не было; точно такъ же неправильно и выраженіе Рутенберга¹⁹⁾, когда онъ указываетъ, какъ на мѣсто ихъ жительства, на имѣнія Альтъ- и Ней-Раденъ; ибо эти два имени могутъ употребляться въ соединеніи для означенія обоихъ церковныхъ округовъ пасомыхъ однимъ пасторомъ, но отнюдь не въ примѣненіи къ обоимъ имѣніямъ, которыя составляютъ совершенно отдѣльные другъ отъ друга крестьянскія общества, такъ что живущіе въ одномъ имѣніи никакъ не могутъ почитаться принадлежащими въ то же время и къ другому.

Первое, болѣе опредѣлительное извѣстіе о мѣстѣ расположенія жилищъ Кревиновъ относится къ 1805 году и находится въ «Описаніи Курляндіи» Кейзерлинга и Дершау (X), гдѣ говорится: «этотъ народецъ . . . находится въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Ней-Раденѣ, Мемельгофѣ, Круссенѣ, и частью въ казенномъ имѣніи Витвенгофѣ, . . . первыя два имѣнія заселены исключительно одними Кревинами». До этого говорилось только вообще объ Альтъ- и Ней-Раденскомъ приходѣ или о Баусскомъ краѣ. Ватсонъ (XIV) точнѣе опредѣляетъ Мемельгофъ, назвавъ его Гансъ-Мемельгофъ, какъ это имѣніе дѣйствительно называется для отличія отъ другихъ Мемельгофовъ на рѣкѣ Мемелѣ. Пасторъ Лутцау, самый надежный авторитетъ по этому вопросу, такъ какъ всѣ Кревины, о которыхъ было извѣстно съ начала настоящаго вѣка, принадлежали, какъ уже замѣчено выше, къ его паствѣ, говоритъ въ 1810 году (XII) о Кревинахъ въ своемъ Альтъ- и Ней-Раденскомъ приходѣ; въ 1815 же году (XIII) только въ своемъ Ней-Раденскомъ приходѣ, первое выраженіе есть объясненное выше собирательное названіе для всей его

¹⁹⁾ Geschichte der Ostseeprovinzen Liv- Ehst- und Kurland, т. II. Лейпцигъ, 1860, стр. 187.

насты; но къ приходу собственно Ней-Раденской церкви принадлежатъ названныя четыре имѣнія, лежащія между Мемелемъ, образующимъ здѣсь границу Литвы, и его притокомъ Экау. На эти же имѣнія, весьма естественно, указываютъ всѣ позднѣйшіе писатели, пользовавшіеся этимъ источникомъ. Въ введеніи, предпосланномъ Ватсоновой статьѣ въ «Sendungen» (XIV) и принадлежащемъ безъ сомнѣнія Пфивгстену, называется еще имѣніе Монтигайлишекъ, лежащее уже по ту сторону упомянутой границы. Имѣніе это, принадлежащее одному владѣльцу съ Гансъ-Мемельгофомъ, находится въ Бирзенскомъ пасторатѣ; что оно было также, по крайней мѣрѣ отчасти, населено Кревинами—это тѣмъ болѣе вѣроятно, что восьмидесятилѣтній старикъ Кревинъ, съ которымъ Шёгрень въ особенности бесѣдовалъ въ 1846 году, родился въ Литвѣ (XVII). Напротивъ того, причисленіе къ жилищамъ Кревиновъ имѣнія Альтъ-Радена, у Ватсона (XIV) и во второмъ изданіи Биненштамова описанія Курляндіи (срав. примѣч. 14), могло произойти только отъ ошибки, вѣроятно отъ смѣшенія съ собирательнымъ именемъ всего церковнаго прихода, такъ какъ Лутцау (XIII), назвавъ специально Ней-Раденскій приходъ, чрезъ это прямо исключаетъ имѣніе Альтъ-Раденъ. Крузе (XVI) къ названнымъ пяти имѣніямъ присоединяетъ еще, въ видѣ предположенія, казенный (Кронсъ-) Мемельгофъ для того, чтобы дополнить число шести имѣній, въ которыхъ, по народному преданію, были распределены привезенные на трехъ телѣгахъ Эсты, считаемые нѣкоторыми за родоначальниковъ Кревинамъ; этому показанію, какъ ничѣмъ не доказанному, нельзя, конечно, придавать никакого значенія. Что въ той же цитатѣ, изъ 14 человекъ, которыхъ отыскалъ еще Гильденштубе, четверо отнесены къ Гансъ-Мемельгофу, а десятеро къ Альтъ-Радену, — это та же ошибка, въ которую уже впалъ Ватсонъ (ср. выше); или слѣдуетъ тутъ предполагать одну изъ тѣхъ опечатокъ, которыми такъ изобилуетъ книга Крузе, или же, быть можетъ, Крузе счелъ нужнымъ исправить сообщеніе Гильденштуббе по показанію Ватсона, ибо Гильденштуббе не могъ отыскать Кревиновъ въ дру-

гихъ мѣстахъ, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ, по предшествовавшимъ исполнѣннѣмъ указаніямъ, они дѣйствительно жили и въ которыхъ не много лѣтъ спустя засталъ ихъ еще Шёгрень. Что же наконецъ касается Паули (срав. выше примѣч. 13), указывающаго на одно только имѣніе Ней-Раденъ, какъ на жилище Кревиновъ, то показаніе его основано на томъ же невнимательномъ чтеніи Шёгренова отчета, на которое уже указано выше, по поводу приводимаго имъ числа семи человѣкъ. Шёгрень дѣйствительно говоритъ, что у Ней-Раденскаго кистера были ему представлены созданные туда семь человѣкъ Кревиновъ, одинъ старикъ и шесть женщинъ; но онъ же нѣсколько далѣе говоритъ, что ихъ насчитывалось еще нѣсколько человѣкъ, такъ что на имѣніе Гансъ-Мемельгофъ пришлось четыре человѣка; къ числу этихъ послѣднихъ принадлежалъ и самъ старикъ Миккель Саузайсъ, котораго Шёгрень спрашивалъ у Ней-Раденскаго кистера. О Кревинахъ въ другихъ имѣніяхъ Шёгрень вовсе не упоминаетъ по той причинѣ, что подъ этимъ названіемъ онъ разумѣлъ только такихъ людей, которые въ то время еще дѣйствительно отличались отъ Латышей. Если же принимать это имя въ болѣе обширномъ смыслѣ и разумѣть подъ нимъ всѣхъ людей, о которыхъ было извѣстно, что предки ихъ когда-то говорили по-кревински, хотя бы они сами были уже исполнѣ олатышены, то мы находимъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ, — не считая конечно отдѣльныхъ выходцевъ, — только четыре имѣнія, въ которыхъ, по исполнѣ надежнымъ извѣстіямъ, жили Кревины или ихъ потомки, именно: Ней-Раденъ, Гансъ-Мемельгофъ, Круссенъ и Витвенгофъ; всѣ четыре находятся въ Альтъ- и Ней-Раденскомъ приходѣ, и притомъ приписаны собственно къ приходу Ней-Раденской церкви. Менѣе вѣрны извѣстія относительно пятаго имѣнія, именно имѣнія Монтигайлишекъ, лежащаго по другую сторону рѣки Мемеля, границы Курляндіи, и принадлежащаго къ приходу Бирзенской церкви. Древнѣйшія извѣстія, отъ такого времени, въ которое можно предполагать, что существовало большее число лицъ несомнѣнно кревинскаго происхожденія, рѣшительно ничего не

говорять о Кривинахъ въ Литвѣ или Жмуди; а потому можно заключать, что если были Кривины въ Монтигайлишкѣ, то они были переведены туда уже позднѣе. Такія переселенія легко могли случаться при принадлежности этого имѣнія тому же владѣльцу, которому принадлежалъ и Гансъ-Мемельгофъ; извѣстно, что при такихъ же обстоятельствахъ и Ливы также были переселяемы съ берега Балтійскаго моря въ окрестность Вендена.

Отъ восемнадцатаго вѣка мы вовсе не имѣемъ опредѣлительныхъ показаній о жилищахъ Кривиновъ. Во всѣхъ извѣстияхъ указывается только вообще на мѣстность около Бауска, на рѣкѣ Мемелѣ, около Жмудской границы, въ округѣ Альтъ- и Ней-Радена²⁰⁾. Странное показаніе, принадлежащее къ тому времени и конечно происшедшее изъ какого нибудь смѣшенія вещей и понятій, находимъ у пастора Бѣргера, въ его «Опытѣ о Лифляндскихъ древностяхъ» (VI). Поговоривъ на стр. 89 о Ливахъ «Раденскаго края», онъ на стр. 102, въ примѣчаніи касательно опредѣленія границъ Курляндскаго епископства, говоритъ: «Изъ этого опредѣленія границъ ясно усматривается, что около нынѣшняго Бауска въ древнія времена должны были жить Куры. До настоящаго времени есть между рѣками Абоа и Аа, въ Баусской округѣ, въ Альтъ- и Ней-Раденскомъ кирхшпиглѣ, мѣста, гдѣ поселяне говорятъ на эстскомъ языкѣ». Въ «Баусской округѣ» есть дѣйствительно рѣка Аа, ибо она образуется изъ сліянія Муса и Мемеля подъ самымъ Баускомъ; но рѣка Абау, притокъ Виндавы, находится очень далеко отсюда, въ самомъ западномъ концѣ Курляндіи. Если опредѣлять обитаемую Кривинами мѣстность рѣками, между которыми она лежитъ, то эти рѣки суть Мемель и Экау; не подалеку отъ послѣдней рѣки находится имѣніе Витвенгофъ, а остальные три имѣнія расположены по Мемелю. Изъ семнадца-

²⁰⁾ См. выше III—VIII; а также Тунмана Untersuchungen einiger nordischen Völker, Берлинъ, 1772, стр. 20; Шлѣцера и Гебгарди Geschichte von Littauen, Kurland und Liefland, Галле, 1785, стр. 14; Allgemeine Literaturzeitung, Іена, октябрь 1787, стр. 18; Th. Hiägn Ehst- Liv- und Kurländische Geschichte, Митава, 1794, стр. 4, примѣч. издателя, I. Ф. Ф. Рекке.

таго вѣка имѣемъ мы о Кревинахъ одно только показаніе П. Эйгорна (I и II), изъ котораго должно заключить, что они въ то время занимали гораздо значительнѣйшее пространство, ибо въ 1636 году онъ положительно говоритъ: «только два пастора имѣютъ ихъ въ своихъ кирхшпиляхъ или приходяхъ, именно не-нѣмецкій пасторъ въ Баускѣ и таковой же въ Раде». По всему, что было сказано выше о П. Эйгорнѣ, свидѣтельство его уже само по себѣ довольно благонадежно; но кромѣ того оно, какъ я самъ узналъ въ бытность свою въ Баускѣ, подкрѣпляется и подтверждается еще однимъ обстоятельствомъ, нелишненнымъ значенія. Именно, хотя въ настоящее время въ Баусскомъ Латышскомъ сельскомъ приходѣ нѣтъ уже и помину о какихъ либо потомкахъ Кревиновъ, исключая развѣ отдѣльныхъ случайныхъ переселенцевъ, однако одна часть приходской области до сихъ поръ называется ихъ именемъ, Кревинию галсъ (Kreewiņu gals), т. е. Кревинскимъ концомъ или Кревинскою частью — очевидное доказательство, что этотъ конецъ былъ когда нибудь населенъ Кревинами, тѣми самыми, которыхъ, по свидѣтельству П. Эйгорна, пасъ «не-нѣмецкій пасторъ въ Баускѣ». Если это значительнѣйшее пространство сравнить съ тѣмъ пространствомъ, на которомъ мы видимъ Кревиновъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ, къ которому относятся также первыя показанія о ихъ численности, то должно придти къ заключенію, что и число Кревиновъ должно было въ тѣ времена быть въ той же соразмѣрности больше числа, показываемато въ девятнадцатомъ вѣкѣ; но какъ именно велико было ихъ число — этого, разумѣется, съ точностью опредѣлить уже невозможно.

III. Касательно національности и происхожденія Кревиновъ, у писателей, говорившихъ о нихъ, высказаны три мнѣнія. Всѣ они согласны въ томъ, что Кревиновъ слѣдуетъ отнести къ финскому племени, такъ какъ имѣющіеся образцы ихъ языка, при самомъ даже поверхностномъ разсмотрѣніи, не допускаютъ никакого въ томъ сомнѣнія; разногласіе только въ томъ, что слѣдуетъ ли Кревиновъ признать за Кривичей, или за Ливовъ, или за Эстовъ? Ка-

залось бы, что вопросъ о томъ, какое мѣсто Кревины занимали въ финскомъ семействѣ языковъ, всего надежнѣе можно было бы разрѣшить посредствомъ точнаго анализа остатковъ Кревинскаго языка; но за этотъ анализъ до сихъ поръ никто не принимался, и немногіе уцѣлѣвшіе еще образцы Кревинскаго языка едва ли были всѣ доступны кому либо изъ писавшихъ о Кревинахъ — развѣ только самое небольшое число этихъ писателей видѣло только нѣкоторую частицу этого матеріала. Все, что каждый писатель приводилъ, — если только онъ приводилъ что нибудь, — въ подкрѣпленіе своего мнѣнія относительно происхожденія Кревиновъ, ограничивается одними историческими данными, или же, въ большей части случаевъ, предположеніями и ни на чемъ не основанными убѣжденіями, которыя въ крайнемъ случаѣ заслуживаютъ нѣкотораго вниманія только ради имени высказавшаго ихъ лица. Такъ какъ въ настоящемъ изслѣдованіи разсмотрѣнію образцовъ языка будетъ отведено свое мѣсто далѣе, то здѣсь я попытаюсь только изслѣдовать, есть ли возможность историческимъ путемъ дойти до дѣйствительно надежныхъ выводовъ о томъ, откуда, когда и какъ Кревины пришли туда, гдѣ впервые указываетъ ихъ П. Эйнгорнъ?

За тождество Кревиновъ съ Кривичами стоитъ Дитмаръ; но ему не нашлось многихъ послѣдователей; одинъ только Крузе считаетъ это происхожденіе Кревиновъ не то что достовѣрнымъ, но по крайней мѣрѣ вѣроятнымъ; Шафарикъ напротивъ положительно его опровергаетъ. Въ первомъ своемъ сочиненіи о Кревинахъ (см. выше примѣч. 7), Дитмаръ представляетъ только коротенькое описаніе этого народа, по X и XIII, и прилагаетъ полученные отъ пастора Лутцау образцы языка; при этомъ онъ говоритъ, какъ о чемъ-то само-собою разумѣющемся, что Кревины суть переселившіеся Кривичи, не считая нужнымъ привести какое бы то ни было доказательство тому. Въ самомъ началѣ статьи онъ говоритъ просто и не запинаясь: «Весьма любопытное, конечно, явленіе, что отъ столь многочисленнаго вѣкогда племени Кривичей уцѣлѣли до нашего времени только весьма скудныя остатки, и что эти остатки приходится искать именно въ Курляндіи, гдѣ они со-

вершено окружены Латышами. Они здѣсь обитаютъ въ имѣніяхъ Ней-Раденѣ, Мемельгофѣ, Круссенѣ и Витвенгофѣ, въ окрестностяхъ Бауска». Нѣсколько далѣе онъ говоритъ: «Кривичи, въ Курляндіи и Лифляндіи называемые Кривинами или Кривингами, суть вѣроятно народъ одноплеменный Ливамъ; по крайней мѣрѣ на такое происхожденіе ихъ отъ одного корня указываетъ ихъ языкъ, который, подобно языку ливскому, есть нарѣчіе эстско-финское». По какому случаю Кривичи пришли въ Курляндію или въ ней остались — объ этомъ онъ самъ сознается, что ничего не знаетъ. Во второмъ, болѣе подробномъ сочиненіи «Disquisitio de origine nominis Livoniae» (см. выше примѣч. 7), на которое онъ даже дѣлалъ ссылки въ первомъ, о Кривингахъ говорится почти такимъ же образомъ. Послѣ совершенно такого же описанія народа, онъ продолжаетъ: «По свидѣтельству Константина, Кривинги (Κριβιττοι, Κριβιταῖνοι) въ древнѣйшія времена жили на Припяти; по словамъ этого хронографа, подъ именемъ Кривинговъ разумѣлись всѣ народы, жившіе около истоковъ Волги, Двѣпра и Западной Двины, гдѣ нынѣ находится Смоленскъ (Μιλισκοα); нѣкоторые жили также въ Сѣверіи. «... Въ Курляндіи потомки этого столь значительнаго народа населяютъ помѣщичьи имѣнія Ней-Раденское и Мемельгофское» (выше онъ называлъ еще Круссенѣ и Витвенгофѣ) ... «Какими же обстоятельствами они занесены въ этотъ край, или по какому случаю основали здѣсь свои селитѣбы, или откуда взялось имъ имя Кривинги — объ этомъ, на сколько мнѣ извѣстно, молчать и исторія и народное преданіе». И здѣсь онъ точно также греческое Κριβιττοι или Κριβιταῖνοι: прямо, безъ всякаго дальнѣйшаго оправданія или доказательства, переводитъ словомъ «Кривинги», а жившихъ въ его время въ Курляндіи Кривинговъ называетъ потомками этихъ Кривичей (Κριβιττοι, Κριβιταῖνοι). Професоръ Рюзь, помѣщая первую его статью въ издаваемомъ имъ и Шпикеромъ журналѣ, прибавилъ къ ней въ началѣ отъ себя такую замѣтку: «Несторъ помѣщаетъ Кривичей въ такихъ мѣстахъ, гдѣ жили одни только Славяне; Кривины же, судя по сообщеннымъ образцамъ языка, суть очевидно Финны; по

этому я не могу изъ одного лишь сходства именъ убѣдиться, что нынѣшніе Кривины принадлежатъ къ древнимъ Кривичамъ», и проч. Выраженное Рюзомъ сомнѣніе было конечно вполне основательно, ибо ни въ самой этой статьѣ, ни въ послѣдовавшемъ за нею сочиненіи, не находимъ мы, кромѣ сходства имени, ничего такого, что говорило бы въ пользу тождества Кривиновъ съ Кривичами. Тѣмъ не менѣе замѣтка Рюза вызвала со стороны Дитмара возраженіе, которое онъ напечаталъ въ «Heidelberger Jahrbücher»²¹⁾, и въ которомъ имѣлъ цѣлью доказать, что онъ свое мнѣніе о тождествѣ названныхъ двухъ народовъ отнюдь не основываетъ на сходствѣ ихъ именъ. Прочитавъ однако его «замѣтку на замѣтку», нельзя не придти къ убѣжденію, что всѣ доводы автора дѣйствительно сводятся къ одному только сходству именъ. Онъ умозаключаетъ такимъ образомъ: по имени широко-разселившагося народа Кривичей, Латыши назвали Русскихъ «Креви», а всю Русскую землю «Креву-земме»; Кривиновъ, какъ пришедшихъ изъ Россіи въ Земголу чужеземниковъ, Латыши назвали Кревинами (Креewiini), слѣдовательно эти выходцы должны были быть Кривичи. Еслибъ даже допустить справедливость первой послышки, — хотя далеко нельзя сказать, чтобы она не допускала никакого сомнѣнія, но намъ здѣсь собственно нѣтъ до нея дѣла, — заключеніе во всякомъ случаѣ очевидно неправильно. Съ точно такою же основательностью обо всѣхъ иноплеменныхъ выходцахъ изъ Германіи во Францію можно бы умозаключать такъ: по имени Аллемановъ Франгузы всѣхъ Нѣмцевъ назвали Allemands, а всю Нѣмецкую землю Allemagne, слѣдовательно эти выходцы (будь они Голштинцы, Чехи, Словенцы) должны быть Аллеманы! — Отнюдь не видать почему, если даже дѣйствительно латышское названіе Русской земли пошло ей отъ имени Кривичей, не могло быть выходцевъ изъ Россіи инаго племени, кромѣ Кривичей? Въ пользу Кривичей мы очевидно другаго довода не имѣемъ, кромѣ сход-

²¹⁾ Gegenbemerkung auf eine Bemerkung (въ Intelligenzblatt № VI der Heidelberger Jahrb. der Literatur, 1817 г.)

ства имени. Иное было бы дѣло, еслибъ къ сходству имени присоединялась финская національность Кривичей, такъ какъ принадлежность Кревиновъ къ финскому племени не подлежитъ сомнѣнiю. Но съ недоказанностью финской національности Кривичей, передъ которою останавливался уже Рюзъ, Дитмаръ справляется съ тою же безцеремонностью. Онъ разсуждаетъ такимъ образомъ: Несторъ называетъ Кривичей рядомъ со Славянами; слѣдовательно они не могутъ принадлежать къ Славянамъ, не могутъ подвѣдаться подъ общее имя Славянъ; а такъ какъ «Кревины, какъ это доказываетъ самый языкъ ихъ, происходятъ изъ финскаго племени, то слѣдовательно и Кривичи, отъ которыхъ, по представленнымъ выше доводамъ, происходятъ Кревины, были финскаго же племени». — Выводимая изъ тождества обоихъ народовъ принадлежность Кривичей къ финскому племени не можетъ, конечно, въ свою очередь служить доказательствомъ тождества этихъ народовъ. Для того, чтобы допустить возможность этого тождества необходимо сначала предположить принадлежность Кривичей къ финскому племени; противъ же этого предположенiя выступаетъ Шафарикъ, въ своихъ «славянскихъ древностяхъ» съ весьма вѣскими доводами. Онъ только вскользь упоминаетъ о Кревинахъ²²⁾, которыхъ онъ склоненъ признать только за финскихъ вселянковъ, но не за остатокъ первоначальнаго населенiя Курляндiи; относительно же Кривичей онъ приходитъ къ результату, прямо противоположному выводамъ Дитмара, а именно, что Кривичи не одинъ и тотъ же народъ съ Кревинами, потому что Кривичи — Славяне, сходство же имени есть чистая случайность. Подробно излагать здѣсь и провѣрять всѣ доводы въ пользу славянства Кривичей было бы совершенно лишнимъ, потому что здѣсь идетъ рѣчь о племенномъ происхожденiи не Кривичей, а Кревиновъ; да притомъ же мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ историческихъ данныхъ, которыя указывали бы на дѣйствительно бывшее вселенiе

²²⁾ П. I. Шафарика, Славянскiя древности. Переводъ I. Бодянскаго, Москва, 1887, 1898, т. I, кн. 2, стр. 215; и

Кривичей въ Земголу, а безъ такихъ данныхъ, какъ бы положительно ни было доказано финское происхожденіе Кривичей, изъ него поитзволельво было бы выводить не болѣе какъ одну только возможность подобнаго переселенія; между тѣмъ, кромѣ Кривичей, есть еще достаточное число другихъ Финскихъ народовъ, которые, за исключеніемъ ничего недоказывающаго сходства имени, представляютъ ту же возможность, и гораздо болѣе вѣроятность. Если даже нныя критики и не согласятся признать въ полномъ объемѣ все, что приводитъ Шафарикъ въ пользу своего мнѣнія о Кривичахъ, то все таки, мнѣ кажется, изъ всей совокупности его доводовъ каждый убѣдится, что Кривичи дѣйствительно были славяне ²³). Стало быть мысль, что Кревины были Кривичи, есть гипотеза, неоснованная ни на какихъ положительныхъ данныхъ, въ подкрѣпленіе которой и Крузе не могъ привести никакихъ новыхъ доводовъ. Затѣмъ мы въ правѣ считать это предположеніе о кривичскомъ происхожденіи Кревиновъ окончательно устраненнымъ.

Нѣсколько болѣе вѣроподобнымъ представляется, на первый взглядъ, то мнѣніе, что Кревины были Ливы, оставшіеся въ этомъ мѣстѣ въ то время, когда Латыши вытѣснили отсюда ихъ единоплеменниковъ. Впервые встрѣчается это мнѣніе въ «*Beilagen zum neuveränderten Russland*» (IV), гдѣ, на основаніи письма Ирбенскаго и Гипкенскаго пастора Циммермана, говорится: «Кривинги говорятъ тѣмъ же (т. е. ливскимъ) языкомъ, только на нѣсколько измѣненномъ нарѣчій». Это же мнѣніе о нихъ находимъ въ «*Исторіи Литвы, Курляндіи и Лифляндіи*» Шлѣцера и Гебгарди (см. выше примѣч. 20), въ Іенской «*Allgemeine Literaturzeitung*» (см. тамъ же), въ примѣчаніи Рекке въ его изданіи Гіерна (см. тамъ же), въ его же «*Wöchentliche Unterhaltungen*» (XI), у Ватсона въ его «*Изображеніи древняго дѣленія Курляндіи*» (см. выше прим. 18), у Биненштама въ его «*Географическомъ очеркѣ*» (см. выше примѣч. 8), у Яннау въ книгѣ «*О коренномъ и первобытномъ языкѣ Эстовъ*» (см. выше примѣч. 12), у Напіерскаго въ примѣчаніи въ

²³) Укажу только нат. II, кн. I, стр. 171—181 того же сочиненія.

«Monumenta Liv. ant.» (т. I, стр. 3), у Орановскаго ²⁴⁾; Рихтеръ (см. выше примѣч. 10) колеблется между Эстами и Двинскими Ливами; въ одной статьѣ журнала «Inland» ²⁵⁾ Кревины смѣшаны съ Kurische köninge, а слѣдовательно смѣшаны и съ (нынѣ олтывившимися) Курами или Курляндскими Ливами.

Въ восточной Лифляндіи, среди чисто Латышскаго населенія, встрѣчаются мѣстами такъ сказать островки Эстовъ; слѣдовательно такой же островокъ Ливовъ среди Земгольскихъ Латышей не представлялся бы чѣмъ то рѣшительно невѣроятнымъ или невозможнымъ. Но это—одна лишь возможность, не болѣе. О томъ, чтобы при наступательномъ движеніи Латышскаго племени къ Двинѣ и къ морю уцѣлѣла здѣсь горсть Ливовъ ²⁶⁾, или чтобы хоть впоследствии переселилась сюда Ливская колонія, мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ извѣстій. Единственною опорой этой гипотезѣ служить средство языковъ, объ отношеніи которыхъ между собою и къ другимъ родственнымъ языкамъ писавшіе не умѣли правильно судить. Эту гипотезу можно было бы принять даже безъ историческихъ данныхъ, еслибъ ливскій и кревинскій языки оказались дѣйствительно однимъ и тѣмъ же языкомъ; но она должна рушиться въ прахъ, какъ скоро, при отсутствіи историческихъ опоръ, окажется еще различіе между языками. Такъ какъ отношеніе языковъ мы предполагаемъ рассмотреть въ другомъ мѣстѣ, то здѣсь мы должны пока только признать фактъ, что тождество Кревиновъ съ Ливами остается совершенно недоказаннымъ. Оно не представляетъ даже вѣроятности. Въ то время, когда гѣмпы узнали край, въ которомъ впоследствии жили Кревины, восточная граница Куровъ пролегла отъ него далеко на западъ; южная же граница Двинскихъ Ливовъ далеко не доходила до Жмуди. Рифмованная хроника довольно много рассказываетъ о войнахъ Ор-

²⁴⁾ Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Курляндская губернія. С.-Петербургъ, 1862. Стран. 157.

²⁵⁾ «Nationaltrachten in Kurland» статья въ журналѣ «Inland», № 14 за 1888 годъ.

²⁶⁾ За уцѣлѣвшій здѣсь остатокъ Двинскихъ Ливовъ положительно признаетъ ихъ Орановскій.

дена, еще въ первой половинѣ тринадцатаго столѣтія, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ послѣ былъ построенъ Баускъ; но эти войны постоянно ведутся съ Земголою; о Ливахъ же (Курахъ) упоминается въ самомъ Орденскомъ войскѣ только, какъ о вспомогательныхъ войскахъ и союзникахъ. Если бы впослѣдствіи были переселены туда Ливскіе (Курскіе) колонисты, то Латыши конечно не назвали бы Кревинами хорошо знакомыхъ имъ сосѣдей, для которыхъ у нихъ существовало уже племенное имя. Кажется, нельзя не признать, что Кревинами могли быть названы только пришельцы изъ болѣе отдаленной и менѣе извѣстной страны, изъ Креву-земме (Русской земли).

Большинство голосовъ оказывается на сторонѣ того мнѣнія, что Кревины суть Эсты; таковы I, II, III, V, VI, VII, VIII, IX, XI, XIII, XV, XVII; также Аделунгъ (въ Mithridat, т. II, стр. 765), J. C. Фатеръ (Sprache der alten Preussen, стр. XXXI, примѣч.), Пфингстенъ (въ Биенштамовомъ Beschreibung Kurlands, см. выше примѣч. 14), статья въ газетѣ «Inland» 1846 г., № 34 (Die Bewohner Liv-und Kurlands, примѣч. 4), Кеппенъ (см. выше примѣч. 15 и «Die Bewohner Kur-und Livlands» въ Бюлетенѣ Академіи Наукъ, т. III, С.-Петербургъ, 1847, стр. 17), Кальмейеръ (Bemerkungen beim Lesen der Urgeschichte des ehstnischen Volksstammes, etc, von Kruse, въ № 42 газеты «Inland», 1848 г.), Рутенбергъ (см. выше примѣч. 19), Паули (см. примѣч. 13). Къ этимъ голосамъ примыкають еще Ватсонъ (XIV), который прежде считалъ Кревиновъ за Ливовъ (см. выше примѣч. 18), и Яннау (см. выше примѣч. 12), который признаетъ ихъ за Ливовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и за Эстовъ, такъ какъ для него ливскій языкъ составляетъ не особый языкъ, а только древнѣйшую форму языка эстскаго, «первобытный языкъ Эстовъ».

Но у признающихъ Кревиновъ за Эстовъ, признаніе это должно понимать въ двоякомъ смыслѣ. Иной разъ тутъ разумѣются дѣйствительные Эсты, въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ, выселенцы изъ той части Ливляндіи, которую заселяють Эсты; въ другихъ же случаяхъ имя это употребляется въ болѣе обшир-

номъ смыслѣ, какъ названіе всего племени, которое мы теперь называемъ вообще финскимъ. Противъ втораго возражать, разумѣется, нечего, кромѣ развѣ того, что выраженіе «Эсты» и «эстскій языкъ» въ этомъ случаѣ становится двусмысленнымъ и можетъ вести къ недоразумѣніямъ. Въ сущности, это мнѣніе вѣрно, ибо достаточно самага бѣглаго взгляда на образцы языка, чтобы убѣдиться, что Кревины принадлежали къ финскому племени; только болѣе точнаго и опредѣленнаго понятія оно не даетъ: вопросъ о томъ, были ли Кревины дѣйствительные Эсты, или Ливы, или еще третій народъ финскаго же племени, остается безъ отвѣта. Первый сталъ клониться къ признанію Кревиновъ за настоящихъ Эстовъ въ тѣсномъ смыслѣ пасторъ Бѣргеръ, который (VI) говоритъ о нихъ: «выдаютъ они себя, правда, за Эстовъ, выведенныхъ сюда въ то время, когда строился Баускій замокъ; и предположительно должны они быть изъ подъ Дерпта, потому что Латыши въ Земголь называютъ ихъ Кревинами, т. е. Русскими». Этотъ рассказъ Бѣргеръ передаетъ вѣроятно на основаніи П. Эйнгорна, который (II) выражается почти такимъ же образомъ, и также (I) называетъ Кревиновъ «Русскими крестьянами»; происхожденіе же ихъ собственно изъ Дерптскаго края принадлежитъ самому Бѣргеру. Онъ, впрочемъ, на столько разсудителенъ, что передаетъ это предположеніе только какъ предположеніе; да и дѣйствительно, въ подкрѣпленіе его не имѣется ни одного историческаго указанія. Приводимое основаніе догадкѣ «потому что Латыши называютъ ихъ Кревинами, т. е. Русскими», немножко странно; другой, нѣсколько позднѣйшій писатель, къ которому мы сейчасъ обратимся, пытается его разъяснить. Бѣргеръ передъ тѣмъ выводилъ изъ одного стариннаго акта объ опредѣленіи границъ Курляндіи, что въ Баускомъ краѣ въ древнія времена жили Куры. Это противорѣчіе съ послѣдующимъ онъ разрѣшаетъ тѣмъ, что присовокупляетъ такую оговорку: «только что доказываетъ такое переселеніе, кромѣ развѣ того, что народъ въ такомъ краѣ, гдѣ онъ упалъ вслѣдствіе всяческихъ несчастныхъ случаевъ, хотѣли опять поднять посредствомъ привода туда другаго народа

ему подобнаго?» Оставляя въ сторонѣ ошибочное предположеніе, что въ Баускомъ краѣ прежде сидѣли Куры, мнѣніе Бёргера, что къ сидѣвшимъ тутъ же и прежде Кревинамъ прибыли потомъ еще новые Эстскіе колонисты, — хотя бы и не именно изъ-подъ Дерпта, — кажется мнѣ совершенно правильнымъ. Въ такомъ же точно смыслѣ высказывался вскорѣ послѣ него Бротце (ср. IX), какъ въ указываемой Дитмаромъ статьѣ, помѣщенной въ «Историческомъ и географическомъ журналѣ» Фабри и Гаммердёрфера, такъ и въ замѣткѣ къ изображенію Кревина въ его «Памятникахъ»; къ сожалѣнію, самой упомянутой статьи я не могъ доискаться. Бротце думаетъ, что «Кревины въ давнія времена, предположительно еще во время гермейстеровъ, были пригнаны сюда какъ военноплѣнные изъ Эстляндіи, и вѣроятно изъ той части Эстляндіи, которая въ то время была подвластна Русскимъ князьямъ, именно изъ Унганніи» (т. е. изъ той мѣстности, гдѣ находится Дерптъ). Это воззрѣніе на Кревиновъ, мнѣ кажется, было бы вполне правильно, еслибъ только не то, что указаніе на Унганнію не позволяетъ принимать слова: «Эстляндія» и «эстскій», какъ онъ называетъ языкъ Кревиновъ, въ упомянутомъ выше болѣе обширномъ смыслѣ; ибо происхожденіе Кревиновъ изъ Унганніи, какъ уже замѣчено выше относительно «Дерптскаго края», есть рѣшительно ни на чемъ не основанная гипотеза. Попытка подкрѣпить ее посредствомъ истолкованія имени, будто Кревины получили отъ Латышей это имя «по той причинѣ, что нѣкоторая часть Эстляндіи въ до-гермейстерское время была подвластна Россіи, а потому Латыши весьма естественно причисляли эту часть къ Креве-земле или Русской землѣ», нельзя не признать крайне неудачною; и самъ уже Дитмаръ, приводящій ее въ своей «Замѣткѣ на замѣтку» (см. выше примѣч. 21), вполне ее опровергнулъ. Когда Аделунгъ²⁷⁾, хотя и упоминаетъ о мнѣніи другихъ писателей, считающихъ Кревиновъ за Ливовъ, но самъ называетъ ихъ Эстами; говорящими на нѣсколько стлечномъ нарѣчій Эст-

²⁷⁾ Mithridat. т. II, стр. 765.

скаго языка, то у него, какъ лингвиста, названіе это слѣдуетъ принимать въ тѣсномъ смыслѣ. Съ нѣкоторою торжественностью и не малою долею самоувѣренности выступилъ пасторъ Ватсонъ, въ 1824 году, въ Курляндскомъ Обществѣ литературы и искусствъ, въ Митавѣ, съ открытіемъ (XIV), которое, по его мнѣнію, должно было разъ навсегда уничтожить всякое сомнѣніе относительно происхожденія Кревиновъ изъ Эстляндіи. Года за два передъ тѣмъ (см. выше примѣч. 18) онъ и самъ склонялся къ тому, чтобы признать ихъ за Ливовъ; но тутъ узналъ онъ отъ Баускаго пастора Крюгера, что какой-то фонъ-Ганъ, владѣлецъ Мемельгофа, дѣдъ мужа той особы, которая рассказывала объ этомъ происшествіи, купилъ нѣкоторое число крестьянъ Эстовъ на островѣ Эзелѣ и поселилъ ихъ въ своемъ имѣніи, по тому случаю, что прежде его крѣпостные люди въ этомъ имѣніи всѣ, за исключеніемъ только трехъ человѣкъ, перемерли отъ чумы. «Въ семействѣхъ и между потомками этихъ Эзельцевъ сохранился Эстскій языкъ, разумѣется не безъ сильной порчи и примѣси латышскаго, а также сохранились нѣкоторые обычаи и все одѣяніе Эстовъ. Изъ этихъ поселенцевъ нѣкоторые впоследствии, черезъ браки, перешли въ казенный-Мемельгофъ и въ Ней-Раденъ». Это сообщеніе Г-жи фонъ-Ганъ подтверждается съ разныхъ сторонъ людьми, дававшими свои показанія совершенно независимо другъ отъ друга. Одна столѣтняя старуха латышка рассказывала, какъ очевидно, о томъ, какое ощущеніе, въ ея дѣтствѣ, произвело въ околѣдѣ прибытіе этихъ чужихъ людей. Нѣсколько человѣкъ Кревиновъ, которыхъ спрашивалъ въ 1846 году Г. фонъ-Гильденштуббе, также показали, что «ихъ предки были привезены послѣ большаго мора (т. е. послѣ эпидеміи восемнадцатаго вѣка) съ острова Замы (Сарема или Эзелъ) на трехъ телѣгахъ и расселены въ шести имѣніяхъ». Три года спустя, когда по просьбѣ Шѣгрена пасторъ Лутцау спрашивалъ созданныхъ Кревиновъ, «не знаютъ ли они и не слыхали ли, откуда были ихъ предки, женщины молчали, но одинъ старикъ лѣтъ 80-ти, Гансъ-Мемельгофскій лѣсникъ, отвѣчалъ, что онъ этого заподлинно не знаетъ, а помнить только, что

когда онъ былъ еще ребенкомъ дѣдъ его говаривалъ, что они родомъ именно-съ одного большаго острова на морѣ и прибыли сюда первоначально въ имѣніе Гансъ-Мемельгофъ, и въ четырехъ большихъ повозкахъ; имя того острова, прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія, Заму-земме; а это какъ разъ латышское имя острова Эзеля». «Если сообразить», присовокупляетъ Шёгрень, «что старику по собственному его расчету 76 лѣтъ, если не болѣе, . . . то должно признать, что дѣдъ, на котораго онъ ссылался, былъ очевидцемъ рассказываемаго событія. Слѣдовательно, мы имѣемъ въ немъ, послѣ упоминаемой Ватсономъ старухи латышки, еще втораго свидѣтеля очевидца, и притомъ изъ самихъ Кревиновъ, въ подтвержденіе справедливости объясненія, сообщеннаго Госпожею фонъ-Ганъ, съ которымъ его рассказъ въ сущности совершенно согласенъ» (XVII). Тутъ мы имѣемъ наконецъ дѣйствительный фактъ, несомнѣнное переселеніе Эстовъ въ заселенную Кревинами мѣстность; только Ватсонъ сдѣлалъ изъ него слишкомъ послѣдній выводъ. Онъ говоритъ: «Наши прославленные Кревины, о которыхъ такъ много писано и которымъ придавалось такое большое значеніе и на мѣстѣ и еще болѣе въ другихъ странахъ, въ дѣйствительности оказываются не болѣе, какъ горстью крѣпостныхъ людей, купленныхъ на островѣ Эзелѣ, для того, чтобы вновь заселить помѣщичье имѣніе, совершенно обезлюдѣвшее въ началѣ прошлаго столѣтія вслѣдствіе чумы» (XIV). Нашлись и другіе писатели, вполне принявшіе его воззрѣніе на это дѣло: такъ Пфингстенъ, въ пересмотрѣнномъ имъ новомъ изданіи Биненштамова «Описаніи Курляндіи» (см. выше прим. 14), говоритъ: «Кревины, народецъ . . . , который, вопреки многоразличнымъ мнѣніямъ весьма почтенныхъ изслѣдователей исторіи Сѣвера, по представленному покойнымъ Ватсономъ неопровержимому доказательству состоитъ изъ потомковъ большаго числа крестьянъ Эстовъ, купленнаго на островѣ Эзелѣ въ началѣ прошлаго вѣка тогдашнимъ владѣльцемъ имѣнія Мемельгофа, въ Баускомъ уѣздѣ, и переселеннаго имъ въ сказанное свое имѣніе». На Ватсона же ссылаются, хотя не принимаютъ

такъ безусловно его воззрѣнія, статья въ газетѣ *Inland* (1846 г. № 34), Кальмейеръ (въ той же газетѣ, 1848 г. № 42) и, не называя его, Паули (см. выше примѣч. 13). Крузе (XVI) повторяетъ, правда, сообщенный Ватсономъ рассказъ, но при этомъ возникаетъ въ немъ весьма основательное сомнѣніе въ томъ, могли ли всѣ Кривины народиться отъ перевезенныхъ Эзельцевъ? Всего болѣе удивить пожалуй то, что Шёгрень въ заключеніе своего сообщенія о поѣздкѣ къ Кривинамъ (XVII) говоритъ: «этимъ общимъ результатомъ (т. е. подтвержденіемъ сообщеннаго Ватсономъ рассказа г-жи фонъ-Ганъ) должны мы покуда довольствоваться, предоставляя себѣ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ раскрыть, можетъ ли онъ, и въ какой степени, быть утверждёнъ на болѣе точныхъ и положительныхъ доводахъ, или не слѣдуетъ ли его нѣсколько измѣнить въ частностяхъ. Ибо, во всякомъ случаѣ, измѣненія могутъ коснуться только частныхъ; въ сущности же, ни указаннаго впервые покойнымъ Ватсономъ факта прихода Эстскихъ выселенцевъ съ острова Эзеля, ни преобладанія эстскаго характера въ языкѣ уцѣлѣвшихъ до нашего времени скудныхъ остатковъ Кривинскаго племени отрицать невозможно». — Не должно забывать, что Шёгрень тутъ, въ предварительномъ отчетѣ о путешествіи, сообщалъ только обстоятельства и впечатлѣнія путешествія, а вовсе не результаты исполненныхъ уже собственныхъ изслѣдованій. Я не знаю, были ли у него въ рукахъ какіе либо другіе лингвистическіе матеріалы, кромѣ упоминаемаго въ отчетѣ собранія словъ, сообщеннаго ему въ Митавѣ г-мъ Рекке, и того, что онъ могъ самъ добыть непосредственно отъ послѣднихъ лицъ, знавшихъ кривинскій языкъ; но и изъ этого немногаго, по ближайшемъ разсмотрѣніи, такой какъ онъ знатокъ финскихъ языковъ очень скоро усмотрѣлъ бы, что кривинскій языкъ, при всемъ своемъ близкомъ родствѣ съ языкомъ эстскимъ, весьма значительно отъ него уклоняется; онъ также замѣтилъ бы и другія обстоятельства, не позволяющія выводить Кривиновъ отъ Эзельскихъ колонистовъ, переведенныхъ въ этотъ край только въ семнадцатомъ столѣтіи. Къ сожалѣнію, смерть прервала дальнѣй-

шее изслѣдованіе, которое онъ имѣлъ въ виду; въ оставшихся послѣ него бумагахъ отыскалось очень небольшое только начало довольно широко задуманнаго разсужденія «о Курляндскихъ Кревинахъ и послѣднихъ памятникахъ ихъ языка». Съ оговоркою также ссылается на Ватсона и Кеппень ²⁸⁾, говоря: «прежде чѣмъ стану говорить о Ливахъ, замѣчу только, что Кревинги, на основаніи одной статьи покойнаго Лестенскаго пастора Ватсона, покуда, до дальнѣйшаго разъясненія, считаются за Эзельцевъ (слѣдовательно Эстовъ по происхожденію), и т. д.».

Нисколько не затрогивая вполне и несомнѣнно доказаннаго факта переселенія въ Мемельгофъ Эзельскихъ Эстовъ, нельзя однако не придти къ заключенію, что отъ этихъ колонистовъ, поселившихся здѣсь въ восемнадцатомъ вѣкѣ, не могли родиться тѣ Кревины, о которыхъ еще въ семнадцатомъ вѣкѣ упоминаетъ П. Эйнгорнъ, и что относительно происхожденія этихъ Кревиновъ столь рѣшительная будто бы разгадка, представленная Ватсономъ, ровно ничего не рѣшаетъ. Невозможность согласить заявленіе Ватсона съ показаніемъ П. Эйнгорна замѣтилъ еще Крузе, а также Кальмейеръ въ изданіи «*Scriptores regni Livonicarum*», въ примѣчаніи къ тому мѣсту Эйнгорновой Латышской исторіи (II), въ которомъ говорится о Кревинахъ. Онъ говоритъ: «это относится къ тѣмъ Кревинамъ (уменьшит. отъ латышскаго слова Кревсъ, Русскій) въ Альтъ-Раденскомъ имѣніи, Баускаго уѣзда (ср. *Reformatio gentis lett.* гл. I, въ концѣ), о которыхъ впервые говорилъ Шлёцеръ, а потомъ и другіе писатели; отсюда выходитъ, что они гораздо древнѣйшаго происхожденія, чѣмъ полагаетъ Ватсонъ (въ «*Sendungen*» Курляндскаго Общества литературы и искусствъ, I, стр. 36), по которому они суть Эсты, переселенные съ острова Эзеля въ началѣ прошлаго столѣтія». — Наперскій, пожалуй, попалъ на настоящій путь для устраненія этого противорѣчія между Ватсоновымъ извѣстіемъ и древнѣйшимъ показаніемъ Эйнгорна, когда къ приведенному

²⁸⁾ Въ Бюлетенѣ Академіи Наукъ, т. III, 1847 г. стр. 17.

примѣчанію Кальмейера прибавляетъ слѣдующія слова: «Ватсоново показаніе однако основывается на довольно твердыхъ данныхъ, и по новѣйшему изслѣдованію Академика Шёгрена, который лѣтомъ 1846 года ѣздилъ собственно для этого на самое мѣсто, подтверждается преданіемъ, сохранившимся у самихъ Кревиновъ; а потому должно полагать, что то, что случилось послѣ заразы 1710 года (переселеніе), и то, что совершается въ настоящее время (полное сліяніе разрозненныхъ Эстовъ съ окружающею ихъ масою Латышей) случалось и совершалось уже и прежде; или же, что истребленіе ихъ заразою вызвало второе переселеніе»²⁹⁾.—Дѣйствительно, если изъ переселенныхъ послѣ 1710 года Эзельцевъ вышли нынѣшніе Кревины, то при этомъ могутъ быть только два случая: или 1) новые переселенцы, слившись съ прежними Кревинами, о которыхъ упоминалъ уже П. Эйнгорнъ, или даже безъ предварительнаго сліянія съ ними, непосредственно и вмѣстѣ съ ними олатышились. Этотъ случай самый вѣроятный; имъ, быть можетъ, даже объясняется нѣкоторое различіе между словами, собранными и сообщаемыми разными лицами, такъ какъ при этомъ можно предполагать, что одинъ получалъ эти слова отъ какого нибудь потомка старыхъ, дѣйствительныхъ Кревиновъ, другой же отъ потомка Эзельскихъ переселенцевъ, не вполнѣ еще сливагося съ Кревинами относительно языка; но допущеніе этого перваго случая ни на шагъ не подвигнетъ насъ въ изслѣдованіи о древнихъ Кревинахъ. Или же 2) старое Кревинское населеніе все вымерло, и все что писано о Кревинахъ послѣ П. Эйнгорна, со второй половины восемнадцатаго вѣка должно относить исключительно къ потомкамъ новыхъ эстскихъ переселенцевъ. Этотъ второй случай крайне невѣроятенъ. По одной надписи на камнѣ въ Клейнъ-Ирбенѣ, которую Шёгрень также сообщаетъ въ своемъ отчетѣ о путеше-

²⁹⁾ Къ этому воззрѣнію примыкаетъ впрочемъ и Кальмейеръ, въ своей замѣткѣ «Bemerkungen beim Lesen der Urgeschichte des ehstnischen Volksstammes von Prof. Dr. F. Kruse», помѣщенной въ газетѣ «Inland» 1848 года № 42.

ствіи, съ Ливскимъ населеніемъ сѣвернаго берега Курляндіи случилось будто бы совершенно то же; и здѣсь также все населеніе будто бы вымерло отъ чумы и было замѣнено новымъ населеніемъ съ острова Эзеля. Я старался показать невѣрность этого извѣстія въ своемъ введеніи къ Ливской грамматикѣ въ «Собраніи сочиненій» I. А. Шёгрена, т. II, ч. I; и полагаю, что точно такъ же неосновательно было бы принять, что въ то же самое время вымерли также всѣ Кревины, и ихъ пришлось также замѣнить совершенно новымъ населеніемъ. Островъ Эзель былъ бы какимъ то неизсякаемымъ родникомъ людей, еслибъ онъ могъ, самъ подвергшись опустошенію отъ чумы, одновременно снабдить двѣ мѣстности въ Курляндіи полнымъ новымъ населеніемъ. Относительно числа переведенныхъ въ Мемельгофъ Эзельцевъ, мы не имѣемъ, правда, документальнаго извѣстія, и можно, пожалуй, указывать, что по преданію ихъ было всего четыре (XVII) или даже только три (XVI) телѣги. Нельзя же, положивъ въ основаніе своимъ выводамъ народное преданіе, брать изъ него только то, что намъ пригодно, а остальное отвергать; три или четыре телѣги выходцевъ Эзель могъ, пожалуй, поставить; но тутъ мы, укрывшись отъ одного затрудненія, наткнемся на другое, не меньшее. На четырехъ эстляндскихъ крестьянскихъ телѣгахъ, — если даже взять высшую изъ двухъ указываемыхъ преданіемъ цифръ, — могли быть перевезены никакъ не болѣе шестнадцати человѣкъ; если даже предположить, что для перевоза выселенцевъ были построены особыя, большія телѣги (ср. XVII), то и тутъ можно на каждую телѣгу считать не болѣе десяти человѣкъ съ ихъ небольшимъ имуществомъ; стало бытъ всего сорокъ человѣкъ. При благопріятныхъ условіяхъ, какія едва ли возможно предполагать при тогдашнемъ положеніи крѣпостныхъ людей, это число могло въ сто лѣтъ трижды удвоиться; стало бытъ отъ первоначальныхъ сорока человѣкъ могло образоваться населеніе въ 320 душъ. Между тѣмъ не прошло ста лѣтъ (X) послѣ переселенія, какъ мы находимъ уже населеніе почти впятеро больше; откуда же взялись тѣ 1200 человѣкъ, которые никакъ не могли

народиться отъ первоначальныхъ сорока Эзельцевъ? Такимъ образомъ, принявъ второй изъ предположенныхъ двухъ случаевъ, мы наткнемся на такую дилемму, что должны или допустить возможность перевозки около 200 человекъ на четырехъ телегахъ, или же допустить такое приращеніе народонаселенія, какого не видано примѣровъ даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Это затрудненіе можно было бы оставить безъ вниманія въ томъ только случаѣ, — да и тутъ пришлось бы невѣроятное признать возможнымъ, — когда было бы доказано, что языкъ Кревиновъ былъ эзельское нарѣчіе эстскаго языка; причемъ все таки несколько не разрѣшался бы вопросъ о Кревинахъ, существовавшихъ до 1710 года, и оставалось бы необъяснимымъ странное имя Кревиновъ (Kreewiini), данное Латышами только что вошедшимъ въ составъ Русскаго государства и хорошо имъ извѣстнымъ «Иггаунямъ» (Iggauni). А какъ это тождество языка Кревиновъ съ Эзельскимъ нарѣчіемъ до сихъ поръ не доказано, — да и не можетъ быть доказано, какъ мы увидимъ далѣе, — то мы должны сказать, что къ признанію Кревиновъ за Эстовъ въ тѣсномъ смыслѣ, и именно за Эзельцевъ, рѣшительно не имѣется достаточныхъ историческихъ основаній.

Когда Кревиновъ называютъ Эстами въ обширномъ смыслѣ, разумѣя подъ этимъ принадлежность ихъ къ тому, что нынче называется финскимъ племенемъ, то противъ этого, какъ уже замѣчено выше, нечего и возражать, кромѣ развѣ того, что это наименованіе подаетъ поводъ къ недоразумѣніямъ и притомъ говорить объ этомъ народѣ не болѣе какъ то, что всѣ и безъ того давно знаютъ. Вопросъ же именно въ томъ, чтобы раскрыть, какое мѣсто занимаютъ Кревины въ средѣ финскаго или чудскаго племени, и затѣмъ когда и при какихъ обстоятельствахъ они пришли въ Курляндію. У большей части писателей, называющихъ Кревиновъ Эстами или ихъ языкъ эстскимъ, болѣе обширный смыслъ, въ которомъ они разумѣютъ эти выраженія, прямо указывается прибавкою къ нему какого нибудь дополнительнаго обобщающаго слова. Такъ Штейндеръ (VII и VIII) говоритъ, что

языкъ, на которомъ они говорятъ, есть «нѣчто въ родѣ эстскаго» (eine Art ehstnisch), а ихъ самихъ называетъ «древнею русскою колоніею изъ Эстляндіи»; Рекке (XI) называетъ языкъ «финско-эстскимъ нарѣчіемъ, представляющимъ много сходства съ языкомъ ливскимъ; точно такъ же и Лутцау (XII) называетъ ихъ «финско-эстскимъ» племенемъ, которое неизвѣстно по какому случаю пришло сюда; Дитмаръ, хотя и считаетъ Кревиновъ за одно съ Кривичами, однако языкъ ихъ называетъ «финско-эстскимъ нарѣчіемъ, весьма сходнымъ съ ливскимъ». Еще яснѣе выражаются другіе, прямо указывая на Финновъ; такъ Тунманъ³⁰⁾, хотя и повторяетъ показаніе Шлёцера (IV), что Кревины говорили на ливскомъ языкѣ, только на нѣсколько отличающемся нарѣчій, передъ тѣмъ однако говоритъ о нихъ какъ объ остаткѣ древняго финскаго населенія Земголы; Кеппенъ (см. выше примѣч. 15) говоритъ: «что Ливы и Кревины принадлежатъ къ Финскому (Эстскому) племени, нынѣ уже никто въ томъ не сомнѣвается»; Шафарикъ³¹⁾ полагаетъ, что Ливы и Кревины могутъ, пожалуй, быть финскими всельниками, но что нѣтъ непремѣнной надобности предполагать въ нихъ остатки большаго Чудскаго первоначальнаго населенія. Фатеръ³²⁾ какъ бы колеблется и выражается нѣсколько неясно: «Финны и Эсты среди Латышей сдѣлались Латышами, и отъ нихъ уцѣлѣли только ничтожные остатки въ Лифляндіи и Курляндіи, которые частью говорятъ, — и то только между собою, — какимъ то смѣшаннымъ полуфинскимъ или полуэстскимъ языкомъ, частью же, какъ Курляндскіе Кревины, сохранили между собою свой первоначальный языкъ въ нѣсколько болѣе чистой». Изъ этихъ словъ не видно ясно, считаетъ ли онъ кревинскій языкъ за финскій или за эстскій, и въ послѣднемъ случаѣ какъ онъ разумѣетъ слово «эстскій». Всѣхъ яснѣе высказывается Лербергъ³³⁾, и, какъ мнѣ кажется, совершенно вѣрно

³⁰⁾ Untersuchungen einiger nordischen Völker. Berlin 1772. Стр. 20.

³¹⁾ Славянскія древности, переводъ Бодянскаго, т. I, кн. 2, стр. 215.

³²⁾ Die Sprache der alten Preussen. Braunschweig, 1821. Стр. XXXI, примѣч.

³³⁾ Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands, St.-Petersburg, 1816, стр. 145. Исслѣдованія, и проч., переводъ Языкова, С.-Петербурга, 1819, стр. 118.

смотреть на дѣло, хотя, такъ сказать, по наитію, ибо онъ едва ли самъ зналъ языкъ Кревиновъ. Онъ причисляетъ ихъ къ Чуди, разумѣя подъ этимъ именемъ одну группу всего племени, въ настоящее время называемаго финскимъ, именно «Кревиновъ, Ливовъ, Эстовъ, Ингерманландцевъ, Карелу и Финляндцевъ». Тутъ въ первый и единственный разъ Кревины сопоставляются какъ особый народъ съ прочими названными народами, а не сливаются ни съ Ливами, ни съ Эстами. Одно, въ чемъ я не могу съ нимъ согласиться, это то, что онъ на одну ногу съ Кревинами ставитъ и Ингерманландцевъ, разумѣя подъ послѣдними потомковъ древнихъ Вотовъ и Ингровъ. Крайне странно напротивъ воззрѣніе Паррота ³⁴⁾, который все населеніе Курляндіи, латышское и финское, относитъ къ одному племени, и порицаетъ Лерберга за то, что онъ Кревинговъ и Ливовъ оторвалъ отъ остальной Курляндіи и сдѣлалъ изъ нихъ особія отрасли вовсе не существующаго чудскаго племени. Довольно близко къ истинному пониманію дѣла подошелъ также суперинтендентъ Гунъ (VI), хотя и не умѣлъ такъ ясно и опредѣлительно высказать свою мысль, какъ Лербергъ. Онъ говоритъ: «языкъ ихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ во многихъ словахъ представляетъ сходство съ языками эзельскимъ, эстскимъ и финскимъ, впрочемъ на столько, что еслибъ сошлись люди этихъ разныхъ народностей, они едва ли, или только на половину, поняли бы другъ друга». Только вмѣсто эзельскаго языка, который есть ничто иное, какъ тотъ же эстскій, слѣдовало назвать ливскій.

Изъ писателей, у которыхъ выраженія «Эсты» и «эстскій» въ примѣненіи къ Кревинамъ и ихъ языку слѣдуетъ повидимому понимать въ обширѣйшемъ смыслѣ, хотя они и не прибавляютъ никакого указывающаго на то слова, первымъ должно назвать старѣйшаго изъ нихъ всѣхъ, именно самого Павла Эйнгорна. Онъ говоритъ именно (I): «когда говорятъ они между собою, то говорятъ по эстски, съ Нѣмцами же и съ другими Нѣмцами

³⁴⁾ Versuch einer Entwickelung der Abstammung der Liwen, Lätten und Ehsten. Stuttgart, 1828, стр. 132.

говорять по-латышски . . . по рѣчи ихъ можно угадать, что они не латыши, ибо они этотъ языкъ очень дурно выговариваютъ»; а въ другомъ мѣстѣ (II): «впрочемъ есть еще въ Баускомъ округѣ и на Ангернскомъ берегу въ Курляндіи люди, употребляющіе эстскій языкъ, и говорящіе на обоихъ языкахъ, на латышскомъ равно какъ на эстскомъ . . . которые живутъ въ Баускомъ округѣ, приведены туда въ давнія времена изъ Эстляндіи . . . обитающіе же на Ангернскомъ берегу живутъ ли на этомъ мѣстѣ изстари, или же также переведены туда изъ Эстляндіи, объ этомъ нѣтъ возможности добыть какое либо свѣдѣніе». Сопоставленіе на равной ногѣ, во второй цитатѣ (изъ Латышской Исторіи), Кревиновъ съ Ливами, которые не суть Эсты въ тѣсномъ смыслѣ, ясно указываетъ, что называя кривинскій языкъ эстскимъ, Эйнгорнъ не сознаетъ особеннаго характера эсткаго языка и того, чѣмъ онъ отличается отъ другихъ родственныхъ ему языковъ; что онъ тутъ разумѣетъ родъ, а не видъ, или, въ другихъ словахъ, разумѣетъ то, что въ наше время лингвистъ назвалъ бы языкомъ финскаго корня. Еслибъ онъ имѣлъ точное понятіе о ливскомъ и кривинскомъ языкахъ, а равнымъ образомъ и объ эстскомъ, такъ что могъ бы произнести о нихъ компетентный судъ, онъ не сопоставилъ бы первыхъ двухъ языковъ на равной степени и не назвалъ бы потомъ обоихъ вмѣстѣ именемъ третьяго языка; если же онъ имѣлъ о нихъ точное понятіе и все таки поступилъ такимъ образомъ, то очевидно, что онъ слово «эстскій» употребляетъ здѣсь за отсутствіемъ другаго болѣе приличнаго названія для означенія высшей единицы, подъ которую подводятся всѣ три языка на одной степени между собою. То же самое должно сказать о слѣдующемъ за нимъ писателѣ, Штендерѣ. Сначала онъ говоритъ въ своей латышской грамматикѣ (III) точно такимъ же образомъ: «Хотя среди самой Курляндіи есть двѣ мѣстности, гдѣ поселяне между своими говорятъ по эстски, а съ другими по латышски . . . Эти двѣ мѣстности суть: 1) въ Альтъ- и Ней-Раденскомъ кирхшпиглѣ, неподалеку отъ Бауска, и 2) на Ангернскомъ берегу. Первыхъ называютъ Кревианами» . . .

Еще яснѣе видно, что онъ также слово «эстскій» употребляетъ въ означенномъ выше смыслѣ, во второмъ изданіи своей грамматики (VII), гдѣ приведенное мѣсто измѣнено такимъ образомъ (ср. выше): «Хотя среди самой Курляндіи есть двѣ мѣстности, гдѣ поселяне между собою говорятъ на языкѣ въ родѣ эстскаго, а съ другими по-латышски. . . Вышеозначенныя двѣ мѣстности суть: 1) въ Альтъ- и Ней-Раденскомъ краѣ, которыхъ называютъ Кревинами. . . . 2) на Ангернскомъ побережьи, которые сами себя называютъ Ливами». . . . Точно такъ же говоритъ онъ и въ лексиконѣ (VIII): «Кревины, Альтъ- и Ней-Раденскіе крестьяне, которые между собою говорятъ на языкѣ въ родѣ эстскаго (eine Art ehstnisch). Это древняя русская колонія изъ Эстляндіи». Колонистовъ Эстовъ въ собственномъ смыслѣ Штендеръ не сталъ бы называть русскою колоніею, а только, въ примѣненіи къ слову Кревины, могъ онъ разумѣть колонію изъ «Креву-земме»; Латышъ же подъ этимъ названіемъ никогда не представляетъ себѣ Эстляндскую губернію или заселенную Эстами часть Лифляндіи, а исключительно землю, гдѣ живутъ Креви (Русскіе), точно такъ же, какъ и П. Эйнгорнъ (I) имя Кревиновъ переводитъ русскими крестьянами. И такъ, если пришла русская колонія изъ Эстляндіи, то тутъ Эстляндія можетъ означать ничто иное, какъ область въ Креву-земме, населенную родственнымъ Эстамъ народомъ. У позднѣйшихъ писателей, которые въ своихъ показаніяхъ о Кревинахъ основываются — частью гласно, какъ Кальмейеръ (см. примѣч. 29) или Рутенбергъ (см. примѣч. 19), частью же безмолвно, какъ Свенсонъ (XV), — на П. Эйнгорнѣ, само собою разумѣется, что слова Эстляндія, Эсты, эстскій языкъ должны быть принимаемы въ томъ же значеніи, какое, какъ я старался доказать, они имѣютъ у самого П. Эйнгорна.

Если затѣмъ взвѣсить все, что сказано выше объ этской національности Кревиновъ, то нельзя не придти къ убѣжденію, что мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ историческихъ данныхъ, которыя давали бы намъ право многочисленныхъ Кревиновъ, жившихъ въ Баускомъ кирхшпигѣ за долго еще до прихода

къ нимъ небольшого числа эзельскихъ выселенцевъ, считать за дѣйствительныхъ Эстовъ въ тѣсномъ смыслѣ, равно какъ не можемъ мы ихъ считать ни за Ливовъ, ни за Курвичей. Всѣ историческія данныя указываютъ развѣ только на особый народъ, родственныи и Эстамъ и Ливамъ.

Въ виду невозможности изъ имѣющихся извѣстій о Кревинахъ извлечь какіе либо вѣрные выводы о происхожденіи и племени этого народа, остается только попытаться, нельзя ли что либо раскрыть посредствомъ разсмотрѣнія его языка. При этомъ однако не бесполезно напередъ привести къ истинной мѣркѣ значеніе тѣхъ результатовъ, которые могутъ быть добыты такимъ путемъ. Отъ изслѣдованія языка, разумѣется, нельзя ожидать такого полного разъясненія вопроса, какое могла бы дать исторія. Оно можетъ развѣ только раскрыть, что такое были Кревины, въ какомъ отношеніи они находились къ другимъ народамъ финскаго племени; и уже по этому развѣ дастъ возможность сдѣлать нѣкоторыя предположенія относительно прежнихъ ихъ жилищъ; но оно отнюдь не раскроетъ когда, какимъ образомъ и откуда собственно они пришли въ Курляндію. Результаты языкоизслѣдованія вообще, когда идетъ дѣло объ опредѣленіи національности, стоятъ на второй степени, послѣ изслѣдованій историческихъ. Жителей Балтійскаго побережья отъ Двины до Залиса, если опредѣлять ихъ племя по ихъ языку, можно бы считать только за Латышей; между тѣмъ по исторіи достоверно извѣстно, что они Ливы, принявшіе латышскій языкъ. Такого противорѣчія относительно Кревиновъ намъ опасаться нечего. Что раскроетъ намъ о нихъ изслѣдованіе ихъ языка, того конечно не подтвердитъ исторія, какъ было бы желательно; но она добытаго этимъ путемъ и не опровергнетъ, по той именно причинѣ, что пу-

темъ историческаго изслѣдованія нѣтъ возможности добыть о Кривинахъ какихъ бы то ни было вѣрныхъ данныхъ.

Академикъ Шёгрень, послѣдній до меня посѣщавшій мѣста, гдѣ жили Кривины, нашелъ въ 1846 году всего десять или одиннадцать человѣкъ, которые сохраняли кое-какія смутныя воспоминанія о своемъ родномъ языкѣ, и которыхъ почти по одной лишь одеждѣ можно было еще признать за Кривиновъ (см. выше). Къ моему пріѣзду въ 1870 году никого изъ этихъ людей въ живыхъ уже не было, и такимъ образомъ языкъ ихъ существуетъ еще въ однихъ только письменныхъ памятникахъ, которыхъ нѣтъ уже возможности ни провѣрить, ни пополнить. Записи эти къ сожалѣнію представляютъ два весьма ощутительные недостатка. Во-первыхъ, они крайне малочисленны. Небольшимъ дополненіемъ къ нимъ, и именно самыми древними записями, обязанъ я моему товарищу А. А. Кунику, который указалъ мнѣ, что въ Императорской публичной библіотекѣ находится тетрадь рукописей, содержащая ливскіе и кривинскіе тексты; но и при этомъ приращеніи запасъ матеріяла, какъ читатель увидитъ ниже, остается еще весьма скуднымъ. Во-вторыхъ, всѣ эти записи, безъ исключенія, сдѣланы такими лицами, которыя не знали ни одного изъ языковъ финскаго семейства, въ чемъ они сами сознаются и что очевидно усматривается изъ неудовлетворительнаго и шаткаго означенія звуковъ. Для кривинскаго письма они большею частью пользовались латышскою орфографіею, которая рѣшительно не годится, особенно для выраженія гласныхъ звуковъ; нѣкоторыя попытки болѣе точнаго означенія звуковъ посредствомъ новыхъ знаковъ не вездѣ примѣнены одинаковымъ образомъ. Такъ какъ памятники языка еще малочисленнѣе историческихъ извѣстій о Кривинахъ, то я позволю себѣ и эти памятники также предпослать въ хронологическомъ порядкѣ моему изслѣдованію.

Собраніе переведенныхъ на Кривинскій языкъ реченій, записанное кандидатомъ Апельбаумомъ (изъ сообщенія суперинтендента Гуна, отъ 7-го іюля 1774, ср. выше V).

1) Бакмейстеровъ програма.

Jumall eb köl (Богъ не умираетъ).

Sä rüschte eb bölla kauga (человѣкъ не живетъ долго).

Sä ämma annab suhte lahasalla, nemiu lahasili (мать цѣлуетъ дитя, своихъ дѣтей).

Temma mees tätta mihlib (ея мужъ любить ее).

Polge ümmemisse onn ginnois (много сосать [молока] есть въ грудяхъ).

Sätt ämmant öl rassi jalkorel (эта женщина была тяжела на ногахъ [беременна]).

Ätten kühte peiwe schünnent poika (за шесть дней родился сынъ).

Temma onn rampa (она есть слаба).

Temma tüterk ihsuub temma tüwen un idgab (ея дочь сидитъ подлѣ нея и плачетъ).

Sä lachs eb tahu ümmit (дитя не хочетъ сосать).

Sä tüterk eb woj menne (дѣвочка не можетъ [не умѣетъ] ходить).

Temma onn schünnent öll üchtü aigasagga un öll kachs kuht (оно рождено за одинъ годъ и за два мѣсяца [назадъ]).

Nätt nelg poisi kufki öhmatt terwett (четыре мальчика всѣ здоровы).

Sä äsemine mähnab, samub, sä taina üpreb, sä kölmas laulab, sä nelges nagrab (первый идетъ, бѣжитъ, второй скачетъ, третій поетъ, четвертый смѣется).

Sä mees onn säkke (человѣкъ слѣпъ).

Temma naina eb kühl, onn kührl (его жена не слышитъ, глуха).

Temma eb kuhl, mid mäd paetam (она не слышитъ, что мы говоримъ).

Siu welge aiwassalab, siu säsar makab (твой братъ чихаетъ, твоя сестра спитъ).

Teggi ihsa onn ärkel (вашъ отецъ проснулся).

Tem wähä scheeb un wähä jöob (онъ мало ѣсть и мало пьетъ).

Sä nenna kaschka gihmis, nenna waijel silmija (нось посреди лица, носъ между глазъ).

Miu öhmatt kachs jalga, un ikkummal kejjel öhmatt wihs sörtne

(у меня суть двѣ ноги, и на каждой рукѣ суть пять пальцевъ).

Päpel ihhust kaswowod (на головѣ волоса растутъ).

Sä kühel un ampatt ohmatt suhs (языкъ и зубы суть во рту).

Sä aika kessi weggewamb eb sä kurra (правая рука сильнѣе, нежели лѣвая).

Üchs ühuse onn pitka un peene (одинъ волосъ есть длинень и тонокъ).

Sä wärri onn pūmane [pūnane?], ned luhd onn kähwad neki keiwi (кровь есть красна, кость есть тверда какъ камень).

Sälla kalall silmet ohmatt un eb karwatt (у рыбы глаза суть, а нѣтъ ушей).

Sä linnul (lint?) lentab woennutzi, tem issusis maaha (птица летитъ медленно, она съѣла внизъ (опустилась)).

Tel ohmatt muhsatt sülgatt sihwis, terrawe nenna (у него суть черныя перья въ крыльяхъ, острый клювъ).

Tel onn lühüt ennta (у него есть короткій хвостъ).

Sälla linnul pejis walked munnad (у птицы въ гнѣздѣ бѣлыя яйца).

Sälla pühle onn aġgat lähud un padget ähesed (на деревѣ есть зеленые листья и толстыя вѣтви).

Sä tüli poleb, möd peġjam senn suizu, leesmu un schüwed (огонь горитъ, мы видимъ его дымъ, пламя и уголья).

Sä wässi schehenes gäkki jahasab ekki, pigga (вода въ рѣкѣ течетъ быстро).

Sä küh sührampa eb üchs tähä un rememp (peemp?) eb reiwitt (луна больше нежели звѣзда и меньше нежели солнце).

Āgli ächtigun wäähama satais (вчера вечеромъ шелъ дождь).

Tennomisti peġjen ühe warruwihksni (сегодня утромъ видѣлъ [а] одну радугу).

Üsele pimmi un peġwel walki (ночью темно, а днемъ свѣтло).

2) Римл. XIII, 1. İkkūmpa külaka senn pāsauli wallekulamin, jo kuükke wallekulamin jumallassa, un kūs wallekulamin, üchs jumallassa nāsatt. (Каждый да повинуется свѣтской власти, ибо

всякая власть отъ Бога, и гдѣ власть, — только отъ Бога поставлена).

Переводы при письмѣ пастора Лутцау отъ 8-го июля 1815
(срав. выше XIII).

1. Отче нашъ. Meġgi ise taiwás! jadku elka síwu senna! tulap meġgi tiwi síwu kikki! Síwu meelee se iggau ka kui taiwás ni kas ma béli! Meġgi arma leipe anna meli tennawa. Gedde meġgi padudd, kui me jattim umili nisi ueli jad! Elas meite kurja sad. Sewon wodse kurge miusse erre. Jo siula kalpap síwu kikki síwu appi un síwu úwiwi sewonse sewonse. Amen!

2. Притча о блудномъ сынѣ. Лук. гл. 15, ст. 11 слд. Ühen rüstül kachd poika. — 12. Še norampa neise úttelle isa pehli: ise! anna miula miu uešsa miu rikkausas, mi miula tulap, tam neliante emmas rikkausas. — 13. Eb kauga perre sid aika panisse norampa kikke ũchti paika, un menni kangaši territi kúgge ũma úwisi ebbúwi elletes. — 14. Kui šemm gaischutant ũma ũmisi, tuli šule kallaus, selli putuis. — 15. Šihš menitem un aggatais še nisi ũmma ũsentäti, tam lähiti temmä emma nurmu pehli šikkujaja kaizama. — 16. Temm tachtuli ũmma wazza tantä purmuiaka, mitte šiggas tscheit, bet ne úšse bantand ne senn te. — 17. Šisstem mellete ũmmasa meelesi, un úttele: mitu menneja miu isa, kelle leipe tebwes schuike, un miul leep nelke kolamma. — 18. Mie stellaun ũmma ise tiwi, un tahun (. . . ?) temmä pehli: Ise! mi ellan patutt wassa taiwasa un wašsa šinnu. — 19. Un nella muġgu ku ellin, kui mie kuzzun síwu poika, tegge si miulla, millesi šiusa paiwa poišsi. — 20. Un temm naiši un menni ũmma ise tiwi. Täm lähus kanga šonn náki temme isš, temm telli šalutti senn kauta, un jochša aggatais ũmpe kagla temmä, anti šuhte. — 21. Še poika útteli temma pehli: Ise! miella patutt pelleten wašsa taiwas un wašsa šinnu, un nella muġgu ku ellin, kui mie kuzzun síwu poika. — 22. Bet se ise útteli ũmmeja poišse pehli: Tohka kikke armemad šewad, un áchti tem, un antaga teli šermus

kehti un umschkenged gialka.—23. Un tohka üwe wasika un tappa gase, lassaga meite schüeme un lustiga ellata. — 24. Jo še siwu poika elli kuolt, tas temm on ellewe, tam elli kawant, un tas on sawatta. Un ned algad lustiga ellata.—25. Bet še wanampa poika elli nurmas, lähi tüli küattiwi, kuli temm senn laulam misi senn karklam misi. — 26. Un kuzzi ühi ümmise poißise un temm küischi, kenn še on. — 27. Un temm ütteli: Šiwu welgi tuli, un siwu ise üwe wasaka tappa, kui temm terwi kottuśi šai. — 28. Šihs temm šai inni, ün ned tahub mennä. Temma ise menne welga, un palwub sittä schämi. — 29. Šihs temm melletei un üttele isa pehli: Wah, ni kauga aigassu mie šinnu kuhltahn, ü nella jättänd tagga argant siwu, un senn šie miula edalla kasa poika antand, kui mie ümmiaka üwe ellai šinn. — 30. Kui nu še siwu poika, kui siwu ellamin portuiaka nielent tuli, sis elli temm ümmetawa wasika temme pehli. — 31. Ün temm ütteli temme senn pehli: Miu poika, šie gallad miu tiwi, un kikki, kenn miul on, še on kas šiwu. — 32. Bet šiwula gelli nagramisika ümma üwi melika, šiu welgi elli kuolt, un šai ellewe, tam elli kawant, un tam on šatu.

Эти тексты уже были напечатаны, по сообщению пастора П. Бергмана, В. Дитмаромъ, сперва въ 1816 году, при статьѣ его, помѣщенной въ періодическомъ изданіи Рюза и Шпикера, а потомъ вторично въ 1817 году, при его «возраженіи» (см. выше примѣч. 7 и 21), по тому случаю что въ журналѣ Рюза и Шпикера они были напечатаны крайне неправильно.

Въ 1846 году академикъ Шёгрень собралъ у Кревиновъ, кромѣ нѣкотораго числа отдѣльныхъ словъ, еще слѣдующія фразы: Juo palava (пей водку). — Mie näjen metsa (я вижу лѣсъ). — Kus sie menet (куда ты идешь). — Minnel eb ol üvä (мнѣ не хорошо (не здоровится)). — Anna minnel vetta (дай мнѣ воды). — Мене күндәмә (иди пахать). — Vota adra (возьми плугъ). — Mie pöisin raha (я нашелъ деньги). — Pane laudah (положи на столъ). — Kübar on laudä (шапка есть на столѣ). — Koira magä ala lauda (собака лежитъ подъ столомъ). — Mie taon šüjä (я хочу ѣсть). — Voi šiu mit šüjä (есть ли у тебя что поѣсть).

Если къ этимъ образчикамъ присоединимъ еще нѣсколько сборниковъ словъ, какъ-то Апельбаума, Лутцау (самый значительный изъ всѣхъ, содержащій около 360 словъ), Гильденштуббе, Шёгрена (см. выше V, XII, XVI, XVII), то вотъ и весь запасъ матеріаловъ, изъ которыхъ приходится составлять себѣ понятіе о Кривинскомъ языкѣ, ибо о томъ, что я самъ успѣлъ еще добыть въ свою поѣздку 1870 года, какъ мною было уже замѣчено, не стоитъ и говорить. Вся моя добыча ограничивается двумя, Богъ знаетъ какимъ образомъ еще уцѣлѣвшими, фразами: «*suzi nessi lampe*» (волкъ унесъ овцу) и «*a jumala, jumala! oman megge näälpe, kiumu kiutu oktu mätku, in koter kesegme*» (ахъ, сестрица, сестрица, завтра воскресеніе, столы и лавки не вымыты и домъ не выметенъ). Смысла второй изъ этихъ фразъ очевидно не понималъ уже и самъ сообщавшій ее: это доказывается началомъ перевода. Для меня понятна только первая ея половина (ахъ, Боже, Боже! завтра у насъ воскресеніе); остальное такъ искажено, что я не берусь добратся въ немъ толку; «*mettu*» и «*in*» слова, по-видимому, латышскія.

Преимущественно важны и интересны, конечно, двѣ старѣйшія записи, 1774 и 1815 года. Хотя записывавшіе, не будучи знакомы ни съ однимъ финскимъ языкомъ, не въ состояніи были съ точностью уловить чуждые имъ звуки и иное въ нихъ слышали и передали невѣрно, — въ чемъ легко убѣдиться изъ шаткости и неодинаковости правописанія въ записи однихъ и тѣхъ же формъ и окончаній, нерѣдко однихъ и тѣхъ же словъ, — все таки эти лица были ближе къ живому языку и слышали его отъ людей, еще дѣйствительно его разумѣвшихъ и говорившихъ на немъ. Къ тому же указанные недостатки можно до известной степени устранить посредствомъ тщательнаго сравненія кривинскихъ словъ между собою и съ соответствующими словами въ родственныхъ языкахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ Шёгрена, такому знатоку финскихъ языковъ, довелось въ то время посѣтить Кривиновъ и изслѣдовать ихъ языкъ, наблюденія его дали бы совершенно иной результатъ, и теперь не было бы надобности въ мо-

емъ трудѣ, который, при всей моей доброй волѣ, не можетъ не быть крайне недостаточнымъ; но ко времени его путешествія кривинскій языкъ былъ уже почти совершенно забытъ. Изъ отчета его видно, — и телерешній пасторъ Лутцау, сопровождавшій его въ этой поѣздкѣ, лично подтвердилъ мнѣ, — что онъ не всегда могъ добывать отъ своего старика Кривина Миккеля Саузаиса желаемыя свѣдѣнія посредствомъ перевода предлагаемыхъ латышскихъ словъ или фразъ; но очень часто бывалъ принужденъ подбирать слова и реченія изъ добытаго уже прежде скуднаго запаса, и только предлагать ихъ ему на повѣрку и утвержденіе. Какъ мало можно полагаться на познаваемое такимъ путемъ, извѣстно каждому, кому случалось заниматься этого рода изслѣдованіями. Старикъ Миккель уже вовсе не зналъ настоящихъ грамматическихъ окончаній словъ, и, на-примѣръ, вмѣсто определенныхъ личныхъ окончаній въ глаголѣ употреблялъ просто неокончательное наклоненіе. Онъ не въ состояніи былъ даже понять небольшую привѣтственную фразу, которую Шёгреномъ сложилъ съ помощью составленнаго имъ въ Митавѣ сборника словъ и ливскаго языка. Поэтому я думаю, что собранныя Шёгреномъ слова имѣютъ, конечно, свою цѣну и могутъ служить частью къ подтвержденію того, что мы уже имѣемъ въ прежнихъ сборникахъ, частью же и къ пополненію ихъ новымъ матеріаломъ; но изъ сообщаемыхъ имъ фразъ весьма мало можно извлечь пользы для грамматики, и въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ расходятся съ имѣющимися прежними образчиками кривинскаго языка, слѣдуетъ отдавать предпочтеніе этимъ послѣднимъ. Такъ, на-примѣръ, мнѣ кажется, что встрѣчающаяся въ Шёгреневомъ собраніи ливская форма *mīnēl* (мнѣ), вмѣсто формы *mīnla* или *mīnl*, которую мы много разъ и неизмѣнно въ этомъ видѣ находимъ во всѣхъ, безъ исключенія прежнихъ сборникахъ, не заслуживаетъ никакого довѣрія.

Представляю вкратцѣ результаты, къ которымъ приводитъ тщательный анализъ наличнаго матеріала кривинскаго языка.

Что касается фонетики языка, то изъ сказаннаго выше

видно, что изъ имѣющихся образчиковъ крайне трудно сдѣлать по этому предмету вполне опредѣленные выводы; мнѣ кажется однако, что можно съ достаточною достовѣрностью установить двѣ характеристическія черты, именно: законъ соответствія (гармоніи) гласныхъ и нѣсколько болѣе твердое, чѣмъ у Эстовъ и Ливовъ, произношеніе среднихъ согласныхъ (b, d, g), которое свойственно также языку финскому. Внутреннее h существовало въ кревинскомъ языкѣ и выражается по болѣшей части чрезъ sh; но начальнаго h въ немъ, кажется, не было; по крайней мѣрѣ оно въ тѣхъ словахъ, которыя въ прочихъ родственныхъ языкахъ начинаются этою буквою, вездѣ откинуто, даже у Шёгрена, который конечно не могъ бы не подмѣтить этого звука, еслибъ онъ существовалъ въ произношеніи. Ревельско-эстскія долгія гласныя ē, ō, õ въ дерптско-эстскомъ говорѣ, когда приходится на нихъ удареніе, принимаютъ закрытый звукъ, приближаясь нѣсколько къ i, u, ū. Въ Финскомъ языкѣ они разбиваются на двугласныя (ie, oo, uo или ūö); то же, кажется, было и въ кревинскомъ. Совершенно чуждые Эстамъ въ собственномъ ихъ языкѣ и съ трудомъ ими выговариваемые въ чужихъ языкахъ звуки š и ž въ кревинскомъ существуютъ, равно какъ въ ливскомъ и въ нѣкоторыхъ финскихъ нарѣчіяхъ. Ни въ эстскомъ, ни въ ливскомъ языкѣ не встрѣчаемъ мы ss вмѣсто st, какъ въ кревинскихъ словахъ wassa (противъ), issuis (онъ сѣлъ) и т. п., вмѣсто эстскихъ wasta, istus. Ослаблялось ли такимъ образомъ st въ ss также въ флексіи и въ словопроизводствѣ, какъ въ карельскомъ языкѣ, объ этомъ, къ сожалѣнію, по скудости наличныхъ образчиковъ языка нельзя дать положительнаго заключенія. Сообразно этому правилу ослабленія звука, и въ окончаніи исходительнаго падежа (Elativ) находимъ въ кревинскомъ языкѣ, равно какъ и въ нѣкоторыхъ финскихъ нарѣчіяхъ, ss(s) вмѣсто эстскаго и ливскаго st; напр. miussa (отъ меня), peisse (отъ нихъ). Можно указать еще на двѣ звуковыя особенности, которыя хотя являются въ небольшомъ числѣ примѣровъ, — конечно по причинѣ крайне ограниченнаго объема наличнаго матеріала, — тѣмъ не

менѣе однако весьма характеристичны, именно: 1) что ревельско-эстское и финское *ks*, дерптско-эстское *ts*, въ кривинскомъ языкѣ замѣняется сочетаніемъ *chs*, то есть *hs*, въ словахъ *üchs* (одинъ), *kachs* (два), по-эстски *üks*, *kaks* и *üts*, *käts*, по-фински *uks*, *kaksi*; и такимъ же образомъ въ *lachs* (дѣтя, въ этскомъ *laps*, *läts*, въ финскомъ *lapsi*), *uchs* (дверь, въ этскомъ *uks*, *uß*); 2) вмѣсто взаимно замѣющихся въ этскомъ и финскомъ языкахъ *h* и *d* въ кривинскомъ, равно какъ и въ вотскомъ, находимъ *s*; напримѣръ, *ösgad* (ячмень), вмѣсто эстскаго *odgad* или *ohgad* и финскаго *otrat* или *ohrat*; въ вотскомъ *özrat*.

Относительно словообразованія, наличные образцы языка подають поводъ къ двумъ только замѣткамъ. Весьма часто встрѣчается въ нихъ уменьшительное окончаніе *iñ*, вѣроятно латышскаго происхожденія (*iñš*, *iña*), приставляемое не только къ словамъ, заимствованнымъ изъ латышскаго языка, но и къ словамъ чисто финскимъ; но рядомъ съ этою формою встрѣчаются также и дѣйствительно финскія уменьшительныя, именно *wödken* (ягненокъ, срав. эст. *wõnakene*) и *kiprit* (ведро), *lühid*, *lühüd* (короткій), *reiwitt*, *reiwüd* (солнце, часто употребляющееся какъ уменьшительное и въ этскомъ языкѣ, *raikene*), съ уменьшительнымъ окончаніемъ, не существующимъ въ этскомъ, но употребительнымъ еще въ финскомъ языкѣ. Имена, образуемая посредствомъ окончаній *ne*, *mine*, *line* почти никогда не встрѣчаются въ этой полной формѣ, какъ *äsemine* (первый), а обыкновенно отбрасываютъ конечный *e*, напр. *jeppen* (заяць), *kägrin* (муха) и др.

Построенная на имѣющихся у насъ образцахъ система грамматическихъ формъ должна по необходимости быть крайне отрывочною и неполною. Впрочемъ, если она будетъ и недостаточна для того, чтобы возсоздать полный образъ языка, то все-таки дасть, пожалуй, возможность, при помощи словаря, опредѣлить отношеніе кривинскаго языка къ прочимъ родственнымъ ему языкамъ.

При разсмотрѣніи склоненія именъ прежде всего весьма интереснымъ явленіемъ представляется преобладаніе полной формы

именительнаго падежа въ такихъ словахъ, въ которыхъ онъ въ эстскомъ языкѣ, и отчасти также въ ливскомъ, утратилъ конечную гласную. Конечно и въ кривинскомъ языкѣ, равно какъ въ финскихъ нарѣчійхъ, встрѣчается много словъ съ такимъ усѣченнымъ окончаніемъ; это однако не можетъ служить препятствіемъ къ признанію полнѣйшей формы за первоначальную и настоящую; ибо нерѣдко случается, что въ живой рѣчи слова усѣкаются, но крайне трудно предположить, чтобы живая рѣчь произвольно наращала ихъ конечною гласною. Для примѣра приведемъ jumala (богъ), kulta (золото), gauta (жельзо): въ финскомъ языкѣ совершенно такъ же, въ эстскомъ jumal, kuld, gaud. Трехсложныя эстскія именительныя на kas въ кривинскомъ употребляются безъ конечнаго s, какъ и въ финскомъ; lusika (ложка), wasika (теленокъ).

Родительный падежъ единственнаго числа оканчивается, какъ въ эстскомъ и вотскомъ, простою гласною безъ финскаго конечнаго n; не замѣнялся ли этотъ n придыханіемъ, по наличнымъ образцамъ, разумѣется, судить нельзя. Равнымъ образомъ нельзя по нимъ съ точностью опредѣлить переходъ буквы между родительнымъ и именительнымъ; видно только, что въ кривинскомъ языкѣ измѣненіе буквъ соблюдалось строже, чѣмъ въ сѣверночудскомъ, но менѣе, быть можетъ, чѣмъ въ эстскомъ или даже въ финскомъ.

Родительный падежъ множественнаго числа, насколько можно судить по немногимъ примѣрамъ, въ первомъ склоненіи не имѣетъ падежнаго суффикса; онъ одинаковъ съ неопредѣленнымъ множественнаго, какъ въ дерптско-эстскомъ нарѣчій; равнымъ образомъ и въ вотскомъ эти два падежа различаются между собою, когда неопредѣленный не принимаетъ внутренняго t, одною лишь конечною гласною и конечнымъ придыханіемъ родительнаго.

Неопредѣленный падежъ, который означаетъ неопредѣленный предметъ, и, кромѣ того, управляется предлогами, а также и количественными выраженіями, въ послѣднемъ случаѣ въ единственномъ числѣ, когда не принимаетъ въ окончаніи t (d), то въ

единственномъ числѣ ничѣмъ не отличается отъ именительнаго; такъ reiwe (день), jalga (нога), sõgme (палецъ) и др.; само собою разумѣется, что это относится только къ тѣмъ случаямъ, когда именительный имѣетъ полную форму, оканчивающуюся на гласную. Прочія слова въ неопредѣленномъ падежѣ постоянно оканчиваются на t (d) со слѣдующею за нимъ гласною, рѣдко безъ нея, напр. suhte (ротъ, именит. suh), wetta (вода, именит. wassi), puhda, püt (дерево, именит. pü). Если передъ t стоитъ s, то происходитъ ассимиляція, о которой уже говорено выше, въ замѣткахъ о звуковой системѣ; такъ напр. taiwasa вмѣсто taiwasta (небо, именит. taiwas). Неопредѣленный падежъ множественнаго числа оканчивается на ia (ja), напр. silmija (глаза, именит. šillme), õlgia (солома, именит. множ. oelgad).

Между нашими примѣрами вступительнаго падежа (Ллатив) нѣтъ ни одного такого, который былъ бы образованъ посредствомъ суффикса изъ родительнаго падежа, но всѣ одинаковы съ неопредѣленнымъ. Отличался ли онъ отъ послѣдняго, какъ въ верро-эстскомъ нарѣчьи, посредствомъ фирмации или болѣе твердаго произношенія, разумѣется, при столь недостаточномъ правописаніи рѣшить невозможно.

Мѣстный падежъ (Jnessiv) въ нашихъ примѣрахъ кончается по большей части на s; но по аналогіи другихъ падежей можно принимать первоначальное окончаніе sa (sä), такъ какъ въ собранныхъ образцахъ языка встрѣчаются два примѣра этой полнѣйшей формы.

Для обозрѣнія въ нашихъ матеріалахъ суффиксныхъ падежей и склоненія вообще, представляется нѣсколько образцовъ склоненія, написанныхъ по болѣе простой, фонетической системѣ. При этомъ не встрѣчающіеся въ матеріалахъ падежи избранныхъ словъ пополнены по аналогіи другихъ словъ; слова, поставленные въ прямыхъ скобкахъ [] суть только предположенія, а въ круглыхъ () поправки дѣйствительно встрѣчаемыхъ формъ.

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО.

Nom. silmä (sillme глѣзь)	andä (ennte хвостъ) siga (свинья)	мă (земля)	taiwas (небо)	käzi (рука)
Genit. silmä	ännä	mä	taiwa	käje (ахлорт-чекя)
Inf. silmä	ändä	māda	taiwassa	kättä
Elat. silmässä	ännässä	mässä	taiwassa	käjässä
Iness. {silmäš	{ännäš	{mäš	{taiwas	{käjes
{silmäšä}	{ännäšä}	{mäšä}	{[taiwasa]	{[käjäšä]
Illat. silmäš	ändä	māha (maha)	[taiwase]	kätte (kette)
{silmäš	{ännäš	{mäš	{taiwal	{käjel (kejel)
{silmäšä}	{ännäšä}	{mäšä	{taiwala	{[käjäšä]
Adess. {silmäš	{ännäš	{mäšä	[taiwale]	[käjele]
{silmäšä}	{ännäšä}	{mäšä	taiwaka	käjeke
Allat. silmäle	ännäka (enneka)	māka		
Instr. silmäka				

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО.

Nom. silmät	ännät	mät	taiwat	käjet
Genit. silmiä	ändiä	{maie}	{taiwaje}	{kätte}
Inf. silmiä	ändiä	{maida}	{taiwaida}	{käzi}
Elat. silmissä	ännissä	{maissa}	{taiwaissa}	{käziššä}
Iness. {silmiš	{änniššä}	{maiš}	{[taiwais]	{[käziš]
{silmišä}	{änniššä}	{maišä}	{[taiwaisa]	{[käzišä]
Illat. {silmiš	{änniššä}	{maišä}	{[taiwaise]	{[käzišä]
{silmišä}	{änniššä}	{maišä}	{[taiwai]	{[käzišä]
Adess. {silmiš	{änniššä}	{maišä}	{[taiwaila]	{[käzišä]
{silmišä}	{änniššä}	{maišä}	{[taiwaile]	{[käzišä]
Allat. {silmiš	{änniššä}	{maišä}	{[taiwajeka]	{[käzišä]
Instr. silmiäka	änniäka	maieka		

Сравнительная степень кончается на *tra*; напримѣръ *walatra* (старше), иногда въ усѣченной формѣ, *weggewatb* (сильнѣе). Для превосходной степени нѣтъ формы, какая существуетъ въ финскомъ литературномъ языкѣ, а вмѣсто нея употребляется, такъ же какъ въ эстскомъ и финскомъ нарѣчiяхъ, та же сравнительная степень съ приставкою впереди слова «все», напр. *kikkе аггметад šewād* (всекрасивѣйшiя платья), въ вотскомъ *kõikkia' ilozarat šōwat*.

Числительныя имена:

1. üchs, ühesse, ühese, uxe
2. kachs, kachsche, kaxe.
- 3, kölm, kälme.
4. nelg, neldi, nelg, nelje.
5. wis, wihs, vis, wisse.
6. kūs, kuhs, kusse.
7. seitz, seize, seitsi, seitze.
8. kahassa, kasa, kahaha.
9. hühessa, uhassa, üesä, ühexa.
10. kümmi, kummeh, kümme.
11. üchsteischkümme, uesteistum, üchsteiskümme, üxteiskümme.
20. kachskümment, kachskümme, kachskümmend.
21. kachskümment üchs.
30. kölmkümment, kamkümment, kolmkümmend.
31. kölmkümment üchs.
- 40 nellkümment.
100. sahta, šata.
101. šata ühese.
1000. tohhat, tuhhat.

Изъ числительныхъ порядочныхъ находимъ въ записяхъ только четыре первыхъ, именно *šesine, taina, kölmäs, nelges*; всѣ въ записи Аппельбаума.

Изъ мѣстоименiй, въ довольно полномъ числѣ формъ представляется мѣстоименiе личное, и если недостающiе падежи въ одномъ лицѣ возстановить путемъ аналогiи по имѣющимся падежамъ дру-

гаго лица, то пожалуй составитъ почти полное склоненiе. Въ нашихъ матерiалахъ встрѣчаются слѣдующiя формы:

Единственное число.

Nom.	mie (я)	sie (ты)	temma, tem, tam temm (онъ)
Gen.	miu	siu, siwu	temma, temmä
Inf.	—	sinnu	tätta
Elat.	miusse	siusa	—
Adess.	miula miulla, miul	—	tel
Allat.	—	siula, siwula	teli

Множественное число.

Nom.	mäd, möd, müet, me (мы)	süet (вы)	ned, nätt, newe, nede (они)
Gen.	meggi	teggi	nemiu (?)
Inf.	meite	—	—
Elat.	—	—	neise
Adess.	—	—	—
Allat.	meli	—	neli

Мѣсто притяжательнаго мѣстоименiя заступаетъ родительный падежъ личнаго; а при обратномъ отношенiи употребляется для всѣхъ трехъ лицъ безъ разбору äma, ämma, emma (свой). Указательное мѣстоименiе, которое употребляется также какъ членъ передъ существительнымъ, есть se, sä (этотъ), родит. sepp, неопред. sid, sittä, притяжат. sälla, приблизит. (Allativ) selli; во множественномъ одинаково съ третьимъ лицомъ мѣстоименiя личнаго. Относительныя и вопросительныя: kenn, kenn (который, кто, что), притяжат. kelle, и исключительно для неодушевленныхъ предметовъ неопред. пад. mid, mit, mitte (что). Неопредѣленныя мѣстоименiя: ikküpra (каждый), притяжат. ikkumal; kuükki, kuükke, kiakki, kikki (всѣ), родит. kügge, kikke; mitu (сколько); milesi (визит. какой).

Что касается глагола, то нѣкоторыхъ формъ его представляется въ нашихъ матеріалахъ множество примѣровъ, другихъ напротивъ очень мало, иныхъ даже вовсе нѣтъ, такъ что составить полное спряженіе, подтвердивъ всѣ его части примѣрами, было бы совершенно невозможно. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что разныя лица, записями которыхъ мы должны пользоваться, слѣдовали не одинаковому правописанію и весьма часто очевидно невѣрно схватывали и передавали звуки. Равнымъ образомъ невозможно подвести глаголы подъ разныя формы спряженія безъ помощи разныхъ произвольныхъ измѣненій, основанныхъ на аналогіи родственныхъ языковъ, — чего мы не можемъ себѣ позволить въ настоящей статьѣ, которая должна основываться исключительно на дошедшихъ до насъ памятникахъ языка.

Вспомогательный глаголѣ «быти» занесенъ въ записи съ весьма различнымъ правописаніемъ, — съ буквою е, а или ъ въ первомъ слогѣ; послѣднее правописаніе есть, безъ сомнѣнія, единственно вѣрное. Когда при е въ первомъ слогѣ во второмъ слогѣ стоятъ а вмѣсто е, тогда глаголѣ ълета (быти) совпадаетъ съ глаголомѣ елата (жить), что едва ли могло быть въ дѣйствительности. Употреблялся ли также въ видѣ вспомогательнаго глагола встрѣчающійся въ записяхъ одинъ только разъ въ третьемъ лицѣ настоящаго времени глаголѣ leep, соотвѣтствующій нѣмецкому werden, по этому одному примѣру судить нельзя.

Вообще глаголовъ въ разныхъ ихъ формахъ встрѣчается достаточно для того, чтобы можно было составить себѣ довольно полное понятіе о способѣ спряженія. Представлю здѣсь для обозрѣнія всѣ встрѣчающіяся въ записяхъ части вспомогательнаго глагола «быти» и нѣсколько примѣровъ другихъ глаголовъ.

Настоящее время.

Единст. ч. 1. — я, elap, ellap (живу, емь), appap (даю), john (пью), menep, mæn (иду), sæn (получаю, дохожу), seison (стою), šūön, schüen (ѣмь).

- Единст. ч. 2. — t (d), allad (еси), menet (идешь).
 3. — b (p), on, onn (есть), annab (даетъ), leep (становится, нѣмецкое wird), mahnab (идеть),
 scheeb (ѣсть), tahub (хочеть).
- Множ. ч. 1. — me (m), jattim (оставляемъ), peijam (видимъ),
 raetam (говоримъ), schfeme [?] (ѣдимъ).
 2. — te [?].
 3. — wod (wad?, d, t), ohmatt (суть), algad (начинаютъ), kaswowod (растутъ).

Прошедшее.

- Единст. ч. 1. — in, — sin, ellin (былъ), laschkin (оставилъ),
 peijin (видѣлъ), sain (получилъ), koissussin (выздоровѣлъ), lōisin (нашелъ).
 2. — it, — sit [?].
 3. — i (e) — is, elli, ol (былъ), anti, ante (далъ)
 menni, menne (шелъ), naisi (всталъ), nāk
 (видѣлъ), sai (получилъ), issuis (сѣлъ), ru-
 tuis (недоставало), satais (шелъ дождь).
- Множ. ч. 1. — ime, — sime [?].
 2. — ite, — site [?].
 3. — it, (— sit?), scheid (ѣли).

Условное наклонение.

- Единст. ч. 1. — isin, ellaisin (я жилъ бы); примѣровъ другихъ
 лицъ въ нашихъ матеріалахъ не встрѣчается; но они, безъ сомнѣнія, образовались
 какъ и въ родственныхъ языкахъ, по образцу прошедшаго времени.

Повелительное наклонение.

- Единст. ч. 2. olla (будь), mene (иди), tegge, tegge (дѣлай), tule
 (приди).

- Единст. ч. 3. *eiķa* (да будетъ), *kūlaka* (да повинуется).
 Множ. ч. 2. *aptaga* (дайте), *tarraga* (зарѣжьте), *taħka* (принесите).

Существительныя.

1. *aiaṃen* (гнаніе), *ellamiṃ* (житье, имѣнье), *kildumiṃ* (кричаніе), *lūamiṃ* (битье) *śalwamiṃ* (глоданіе); окончаніе — *miṃ* (*mine*) безъ сомнѣнія есть дѣйствительно правильное.
2. Вступит. (Jlative.) *kaizama* (пасти), *kolamma* (умирать), *kūpdāma* (пахать), *schāmi*, *schūeme* (?) (ѣсть).
3. Неопредѣлен. (Jnfinitive.) *ellata* (жить), *mennā* (идти), *šūjā* (ѣсть).
4. Мѣстный (Jnessiv., герундій) *elletes* (живучи), можетъ статьса также *jochsa* (бѣжа).

Прилагательныя.

- Причастіе настоящ. дѣйств. *menpeja* (вѣроятно отъ *menep* (идущій), въ реченіи *mitu menpeja*, (сколько работниковъ).
 » прошед. дѣйств. *antand* (давшій), — *jättānd* (оставившій), — *kuolt* (умершій), — *nielent* (поглотившій), — *schūnnent* (родившій).
 » настоящ. страдат. *ūmmettawa* (откармливаемыйъ).
 » прошед. страдат. *śatu* (полученный) *lūetūh*, *lūetāh* (битый); быть можетъ также не совсѣмъ ясныя *pāsatt* (несенный?) отъ латышскаго *pest* (см. запись 1774 г., въ концѣ), и *śawata* (найденный, см. запись 1810 г. притча V. 24).

Отрицательнаго спряженія находимъ примѣры только единственнаго числа настоящаго времени, 1) *nella* (то есть *en ella*, не есмь), 2) *ed alla* (не еси), 3) *eb ol*, *eb bölla* (вм. *eb ölla*, не есть), *eb kōl* (не умираеть), *eb kuhl* (не слышитъ), *eb tahu* (не хочетъ), *eb woi* (не можетъ) и одно повелительное *e las* (не оставь). Этого немногаго достаточно впрочемъ для того, чтобы установить

весьма важный фактъ, что Крeвинны различали еще въ отрицаніи три лица, между тѣмъ какъ Эсты давно уже утратили это различіе, и что для повелительнаго наклоненія было у нихъ, какъ и въ прочихъ родственныхъ языкахъ, свое особое отрицаніе. Было ли оно для трехъ лицъ множественнаго одинаково съ соответствующими лицами единственнаго числа, какъ въ ливскомъ языкѣ, или же имѣло для множественнаго числа особыя формы, какъ въ финскомъ, а также различалось ли отрицаніе для прошедшаго времени отъ отрицанія для настоящаго, какъ у Дерптскихъ Эстовъ и у Ливовъ, теперь, къ сожалѣнію, раскрыть уже невозможно.

Относительно синтаксиса можно замѣтить только вообще, что идиотизмы ближайшихъ родственниковъ языковъ еще сохранились въ крeвинскомъ языкѣ, не смотря на то, что образцы, по которымъ мы должны судить о немъ, записаны въ такое время, когда языкъ этотъ былъ, такъ сказать, въ полномъ разложеніи. Такъ находимъ мы въ немъ еще различіе между двумя глагольными существительными, соответствующими нашему неокончательному наклоненію, употребленіе неопредѣленнаго падежа послѣ количественныхъ выраженій, построеніе количественныхъ числительныхъ съ единственнымъ числомъ, возвратное притяжательное мѣстоименіе, и пр. — Характеристична замѣна глагола «имѣть» глаголомъ «быть». Рядомъ съ притяжательнымъ падежомъ, который одинъ употребляется у Эстовъ и по настоящему вполне выражаетъ мысль, напр. *ikkummal kejjel ohmatt wihs sörgme* (у каждой руки суть пять пальцевъ, каждая рука имѣетъ пять пальцевъ), въ крeвинскомъ находимъ еще финскую конструкцію, родительный падежъ въ притяжательномъ значеніи, *miu ohmatt kachs jalga* (меня, то есть мой, суть двѣ ноги). — Членъ передъ существительнымъ именемъ, который языки финскій и эстскій только въ послѣднее время начали опять отбрасывать, употребляли ли Крeвинны и въ разговорѣ между собою, перенявъ его отъ Латышей? или же онъ вошелъ въ записи отъ того только, что спрашиваемые Крeвинны усиливались переводить буквально и сполна каждое слово предлагаемыхъ имъ латышскихъ фразъ? — объ этомъ

теперь, когда кривинскій языкъ въ живой рѣчи вовсе не существуетъ, судить невозможно.

Если обратимся къ рассмотрѣнію полученнаго, весьма блѣднаго, правда, очерка кривинскаго языка съ тѣмъ, чтобы отыскать, не найдется ли въ немъ какихъ либо доказательствъ въ пользу тождества Кривиновъ съ Кривичами, Ливами или Эстами, чего историческими свидѣтельствами, какъ было показано выше, доказать невозможно, — то придется, на первыхъ же порахъ и не пускаясь въ дальнѣйшія разысканія, отказаться отъ Кривичей. Еслибъ въ наше время ктонибудь еще и сомнѣвался въ славянствѣ Кривичей, еслибъ даже, — какъ оно ни невѣроятно, — открылись^о положительныя доказательства принадлежности ихъ къ финскому племени, то и тутъ осталось бы въ полной силѣ возраженіе, что о ихъ языкѣ мы знаемъ еще менѣе, чѣмъ о кривинскомъ, то есть ровно ничего; а слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи о сравненіи этихъ двухъ языковъ и о достиженіи какихънибудь результатовъ этимъ путемъ. Совсѣмъ иное дѣло Ливы и Эсты, къ которымъ также многіе писатели пытались отнести Кривиновъ. Тутъ съ перваго же взгляда находимъ мы такія значительныя сходственныя черты, въ виду которыхъ невозможно сомнѣваться въ дѣйствительномъ родствѣ этихъ народовъ; но при дальнѣйшемъ рассмотрѣніи обнаруживаются и такія между ними различія, которыя внушаютъ сильное сомнѣніе въ ихъ тождествѣ. Поэтому необходимо требуется строго опредѣлить истинную степень важности тѣхъ и другихъ и установить начала, которыми слѣдуетъ руководствоваться при обсужденіи ихъ.

Что языкъ Кривиновъ принадлежалъ къ западной группѣ финскаго семейства языковъ, это не подлежитъ сомнѣнію; и весьма естественно, что во многихъ отдѣльныхъ словахъ и формахъ рѣчи онъ долженъ представлять разительное сходство съ другими языками названной группы. Изъ этого уже прямо видно, что этому сходству слѣдуетъ придавать меньшую важность, чѣмъ различіямъ. Тѣ черты и свойства кривинскаго языка, которыя общи ему съ языками ливскимъ и эстскимъ, могли бы имѣть рѣшительное зна-

ченіе только въ томъ случаѣ, еслибъ кривинскій языкъ въ этихъ же именно отношеніяхъ разнился отъ другихъ наиболѣе родственныхъ ему языковъ; въ противномъ случаѣ онѣ указываютъ только вообще на принадлежность его къ названной группѣ. Равнымъ образомъ различіе въ нѣкоторыхъ словахъ и формахъ само по себѣ не можетъ еще служить достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы отдѣлить Кривиновъ отъ Ливовъ и Эстовъ. Не всѣ Эсты говорятъ совершенно одинаково, даже не всѣ Ливы, хотя число послѣднихъ не простирается даже до 3,000 душъ. Спрашивается только: отступленія кривинскаго языка отъ ливскаго и эстскаго превышаютъ ли размѣръ тѣхъ различій, которыя въ наше время встрѣчаются въ языкѣ ливскомъ или эстскомъ и составляютъ только діалектическія различія? Имѣется ли достаточное основаніе къ тому, чтобы признать, что эти отклоненія вопли въ языкъ уже послѣ того, какъ Кривины были разлучены со своими предполагаемыми сродниками, и произошло именно вслѣдствіе ихъ уединеннаго положенія или вслѣдствіе вліянія чужихъ языковъ, на самихъ ли Кривиновъ, или же на Эстовъ или Ливовъ? Тѣ особенности, которыми кривинскій языкъ отличается отъ эстскаго или ливскаго, не составляютъ ли общее достояніе его съ которымъ либо изъ прочихъ языковъ финскаго корня? Если на второй изъ этихъ вопросовъ придется отвѣчать отрицательно, а на первый, и въ особенности на послѣдній, утвердительно, то мы въ правѣ будемъ заключить, что кривинскій языкъ не слѣдуетъ считать за одинъ и тотъ же языкъ ни съ эстскимъ, ни съ ливскимъ³⁵⁾ а скорѣе развѣ съ тѣмъ финскимъ языкомъ, съ которымъ онъ представляетъ наиболѣе близкое сходство.

Относительно сходства, должно замѣтить, что между всѣми дошедшими до насъ словами кривинскаго языка³⁶⁾ встрѣчается одно только такое слово, которое находится также и въ эстскомъ

³⁵⁾ Сведя въ одно собраніе всѣ упомянутые выше сборники словъ и пополнивъ его словами изъ записанныхъ фразъ и реченій, мы получили словарь, содержащій нѣсколько болѣе 500 статей, между которыми, разумеется, насчитывается не малое количество словъ латышскихъ.

словарѣ, но котораго я не могъ отыскать въ другихъ финскихъ языкахъ: это слово *sannik*, *sanniku* (болото). Я внесъ его въ свой эстскій лексиконъ изъ одного стараго словаря; но отмѣтилъ его, въ числѣ многихъ другихъ, крестомъ, какъ слово не вполне достовѣрное, потому что не смотря на многіе и долгіе поиски я нигдѣ не встрѣчалъ его въ живомъ языкѣ и не знаю ни одного слова ему родственнаго. Затѣмъ всѣ остальные кривинскія слова, за исключеніемъ словъ заимствованныхъ, латышскихъ, и еще нѣкоторыхъ такихъ, которымъ нѣтъ соответствующихъ также ни въ ливскомъ, ни въ эстскомъ, общи кривинскому языку съ языкомъ финскимъ точно также, какъ съ этскимъ и ливскимъ, и слѣдовательно никакъ не свидѣтельствуютъ въ пользу преимущественнаго средства кривинскаго языка съ однимъ изъ двухъ послѣднихъ. Для того, чтобы наглядно показать взаимное отношеніе этихъ языковъ, представляю сравнительную таблицу словъ кривинскихъ, ливскихъ, этскихъ и финскихъ. Слова кривинскія я привожу безъ всякихъ гадательныхъ исправленій, въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ въ записяхъ. Въ ливскихъ словахъ *a* и *o* изображаютъ средній звукъ между *a* и *o*; *q* — средній между *o* и *õ* (эстск. *õ*); *q* — средній между *õ* и *ü* (верро-эстск. *õ*); въ послѣднемъ столбцѣ слова, заключенныя въ скобки, не встрѣчаются въ книжномъ языкѣ, а заимствованы изъ народнаго говора; въ третьемъ столбцѣ заключены въ скобки слова, принадлежащія подварѣчю Залисскихъ Ливовъ.

	Но-кревннски.	Но-ливски.	Но-зестски.	Но-филски.
береза	kaschke	кqv, (kту)	kašk, kōjw	koiwu, (kahci)
болото	sannik, sanniku	súo	sō; — sańnik (?)	suo (sō)
большой, слабый	rampa	ruja	ramb	rampa
борода	partha	ab b ō n d, a b n ō d, (a b i n d)	pard; habe, haben, hapen	parta
бык	lŕen, lŕon	rabūb	lŕn, lŕn, raban	lyŕn (lŕn)
бѣжить	šamub	júoksoŕb, (juok-sub)	jŕkseŕ, jŕzeb	juoksee (johseb); samoo
варить	kihub	kieb	kēb	kiehnu (cihub)
весна	kehwe, kiäwe	kevād	kewade, kewwāj	kewāt, kewāin (čewāt)
вечеръ	āhchbigu, uoechtig	ŕdŕg, ũdŕg, (ũdug)	ŕhtu, ŕhta	ehtoo, (ŕhtago)
вечеромъ	āchtigun	ŕdŕn, ũdŕn, (ũdgin)	ŕhtul, ŕhtute	ehtoolla, (ŕhtagon)
волкъ	sussi, suhsse	suiž	huūt, suzi	susi
волоса	ihhust, iuset, ih-wuscht	ibūkst	hiyksed, hiyused	hiukset (iwuhset)
восемь	kahassa, kāsa	kŕdŕks, kādŕks, (kādiks)	kaheksa, katesa	kahdeksan, (kahesā')
всякій	kuŕki, kiakki kikke	ama	kŕjk	kaikki, (kŕikki)
вчера	āgli, eegle	eggī, egl	heile	eilen (egle')
высокій	kŕgi, kerka	kuord, kord	kŕge	korkea (kŕrkea)
глина	šawwi	sāv, (sai)	sawi, sau	sawi (sawwi)
глубокій	šūwā, schūhwe	toŕa, -tāŕa, (tāŕa)	sūgaw, sūwā	sywā (šūwā)

	По-кромвнски.	По-ливски.	По-эстски.	По-фински.
городъ	lidna	jalgab, (nin) или лат. pilsät, pilsät	linn, (litn?)	linna (lidna)
горохъ	õrne	jernas, (jærn)	hernes	herne (erne)
гусь	āni, ana, anna	guogõs	hani	hanhi (ani)
два	kachs, kaxe	kaks (kaks)	kaks, kats	kaksi (kaksi)
дверь	uchs, uhsd	uks, (uks)	nks, uss	uksi (uhsi)
дѣтя	lachs, laxe	laps, (laps)	laps, lats	lapsi (lahsi)
добрый	ũwā, ũhwe	juva, jua	heg, hũwā	hywā (ũwā)
дождь	wihema, wihama, wihma	wim	wihm	sade, wihma (wihma)
должна	orku	luoik, loik, nouk (ũrg)	org	orko
доля	uessa	võza, voza	oza	osa, (oza, õza)
дорога	tee, tieh	rek, räk	tē, tē	tie (tē)
душа	enki	jeng	hing, heng	henki (enci)
дымъ	suizu	sou, (sau)	suits, sau	sawu (sawwu), suit-
дѣлаю	tegen	tieb	teen	su (suissu)
(быть), есть	on, onu	um, (om)	on, om	tien (tēn)
живу	elan	jelab	elan, elän	on
живуъ	raswa	raza	rasw, razw	elän
запряго	lukkan	klõksõb, klõksõb	lukun	raswa (razwa)
заяцъ	jännän, jänn	kõps, kũps, (jänds)	jännes, jänene	lukin
звѣзда	tächte, tähtin	täd, täd	täht	jänis (jänēs)
здоровый	terwe, terwi	tera	terwe	terwe
зима	talgo, talwo	toia, talo, (talu)	tali, talw	talwi
зима	kurju, kurzo	kurju, kurzo	kurju, kurzo	kurju

КАУ	ВУСЪУ, ВУСЪУ, (УВ- sub)	УУУУ, УУУУ, (УУ- sub)	УУУУ (УУУУ)
КАТАНЪ	wihte, witen	amm	takki, nuttu (witta)
КЛЮЧЪ (ВОДЫ)	lähin, lähes, oija	ovät	lähde (lähe)
КОРАБЛЬ	laiwa	kuoig (kod'd) ср. лодка	laiwa
КОРОВА	lehmä, lähema	niem	lehmä
КОПКА	kat, katte, kakke	kaš	katti, kissa
КРАСНЫЙ	punan, punnan	punni	punainen, (punad- nē')
КРИКЪ	kildumin	rävko mi, kriv- komi	kiljuminen
КРОВЛЯ	fräses {sera	katuks	rästäs, (rässäs)
КРЫЛО	sihw, sihi	tibos	siipi
КЪ	tiwi	jür, jürq	tywön, tywö (tüwe)
ЛЕГКІЙ	kehje	keväm, kebäm, (kiba)	kewiä (cebiä)
ЛЕПА	lähämus	pärna	lehmus
ЛЕЩЦА	reppa	rebiz	repo
ЛОДКА	weni, weenni	loja, laja, (laja)	wenhe
ЛОЖКА	lusik, lusika	koi, kai, (kai)	lusikka
ЛОШАДЬ	obben, oran, uoran	qbbi, übbi, (übi)	hewonen, (orone')
ЛЪТО	suhwi, suhwe	soy, (süu)	suwi
МЕДЛЕННЫЙ	woennutzi	lougli	weno (медленный че- ловѣкъ), wenotte- len
МНОГО	polge	jenn, jänn	paljo (pallo)

	Но-кроски.	Но-ливски.	Но-эстск.	Но-фински.
МОЛОКО	pīma, pihme	sēmdā, (siemd)	pīm	maito (pimä)
МУХА	kerpin	kärmi	kärbane, kärbone, kärbes, kärblane, kärmes	kärpänen, (cärpänē')
НАЗЫВАЮЩЬ, ЗОВУ	kuzzun	nutāb	kutsun	kutsun
НЕБО	taiwas	tōvas (touvi)	tēwas, teiwas	taiwas
НИТКИ	rihna, rigmad	laŋga	lōng, laŋg, nī	lanka, nuora (rihna)
НОВЫЙ	wassen	ūž, (ūz)	ūž, wastne	unsi (wassonē')
НОГОТЬ	kühse, küössin	kūns, (kūns)	kūž	kynsi (cūsi)
НОЖЪ	kurras	veis	nuga, wāits, kūrask	weitsi (kuras)
ОДЕЖДА	sewad	ornqd, aruqd, (arand)	rīded, rōjwad; sō- wad	waatteet (sōwat)
ОДНЪ	ūchse, ūhese	ūks, (junks)	ūks, ūs	ūksi (ūhsi)
ОДѢВАТЬ	āchti	ōd	ehitada	waatettaa, (ehitā)
ОЗЕРО	järwi	jora, jara, (järu)	järw	järwi (jarwi)
ОСТРОКОНЕЧНЫЙ	terrawe, terrewa	vaim	teraw, terrāw	terwā
ОЧАГЪ	tulla ariniñ	tul-azqm	tule-aze	arina
ПЕРО	šulga	tūrgqs	sułg	sulka
ПЕСОКЪ	liwa, lihwa	jōvg, (jūg)	kw	hieta (liwa)
ПЕСТРЫЙ	kirjau	ķerabi, (kirabi)	kirju, kirriw	kirjawa, (čirjawa)
ПЕЧКА	āhju	oi, ai, (āi)	ahi	pātsi (ahjo)
ПИВО	ōllut	vōll, voll, (oll)	ōlut, ōlu	olut, (ōlut)
ПЛЕЧО	pūchta	ab	piht, abu, ōla	hartia (pihta)
ПУТЬ	wadnaad	adr-rōdad	wannas, wadnas	wannas (wadnas)
ПУТОГЪ	hōnd (?), lihhud	kūndqks, (tunuks)	lawi, kthūnis	kynnys (lāpi, lāwi)
(СМЪ) ПОСЛАГЪ	lahiti	soŋis, matia, katmia	lahiti	lahoti (lahuti)
ЦУФЪ	ofu	lopu, luru		

разсматриваю	вантан	вантлѳ, ванкльѳ, (вантлѳ)	вантан, вѳтан	катсон, (ватан)
растутъ	касвовад	казѳбѳд	касвовад, казвовав	касвоват (казва- ват)
рука	кѳси, кессе	кѳзѳ	кѳзи	кѳси (ѳѳзи)
руку	леикан, леикан	иедѳб	леикан, лѳикан	леиканан (леиккан)
свѳтлый, бѳлый	валки	валда	валге	валкеа
сердце	сѳуен, сѳиһен	сѳдѳм	сѳда, сѳѳ	сѳдѳн (сѳѳ')
серебро	ѳһпи, ѳбет, оеупи, уеупи	ѳбди, ѳбди	һѳбе	һѳпеа (ѳпеа)
сладгъ	һсуб	истѳб	истуб	истуу (исуб)
скачетъ	ѳппеб	ѳѳкѳб	һѳппаб	һѳппѳѳ (ѳппѳб)
скоро	екки	пакѳнд	рутту, ѳки	рутости(рутостти), ѳкки
скогъ	вейсти	јелѳид, јелѳид (veds множ. vedikst)	вейксед, вейсед, елѳјад	елѳимет
слѳпой	сѳкке	согд	сѳге, сѳке	сокеа, (сѳкеа)
собака	коира	пиһ	коер, пенн	коира
стою	сејсон, сејссун	пилѳб, куртѳб, (куртуб)	сејзан, сејзан	сејсон
ступгъ	герке	гај, гај, (гѳсла гаг.)	јѳг	истуин (јѳрѳ)
сынъ	поига, поика	пуога	поег, појг	поика
такъ	муггу	не, неј	ненда, нѳнда, ни	ниин, мукаан (н', муга)
твердый	кѳһва	виза	кѳва	кѳва (кѳва)
теленокъ	васи, васика	вѳшки, вѳшки, (вѳск)	вѳзикас, вѳшк	вѳсикка (вѳса)
темный	пиммѳ, пиммѳһ	пимд,	пиме, пимме	пимѳ
теплый	суоја, шѳје	лемм	сог, лѳмме, лѳмми	лѳммин (сѳја)

	По-креневски.	По-ливски.	По-эстскн.	По-фински.
толстый	sjämi, jemme (padge (?))	jamd	jäme, jämme	jämiä (pada «тон- кий»)
три	kölm, kälme	kuolm, kolm	kolm	kolme (kölme)
ты	sie	sina, sa	sina, sa, sinä	sinä (siä)
тяжелый	rassi, rassee	lälam, (läi, läli)	raske, rase	raskas
тягеть	weitab	vedäb	weab	wetää (wäitääb)
узда	walgad	rangod, (suiksud)	waljad, suitse'	waljaat (waljät)
узкій	ahas	odqs, adqs, (äkt)	ahas	ahdas (ahas)
хвостъ	ennta	tabär, (täber, ta- ber)	händ, hand	hantä (äntä)
хозяйка	ämman	jemänd	emand	emätä
человѣкъ	rüschte, rüste	ristin, (imi)	inimene, inemine	ihminen (inehmine', вепск. или сѣверно- чудск. ristikanzu, ristšikanz, т. е. крещеный.)
червь	maattah	bof, (üsk)	madu, mado	mato
черный	musse, muhsa	mustä (musta)	must	musta (mussa)
чихаетъ	aiwassalab	aldži tieb	aewasteleb, aiwa- steleb	aiwastelee (aiwasse- leb)
я	mie	mina, ma	mina, ma, minä	minä (miä)
ястребъ	šakkale	kuŷ	kuŷ	haukka (sakkali)
ячмень	öbrad	vuoddors, vodros (...)	odrad, ohrad	ohra, otra, (özra)

Внимательное разсмотрѣніе этой таблицы и сравненіе кривинскихъ словъ съ соотвѣтствующими словами трехъ наиболѣе близкихъ ему языковъ, ливскаго, этскаго и финскаго, убѣдитъ cadaго, что изъ этихъ трехъ языковъ всѣхъ менѣе сходенъ съ нимъ языкъ ливскій. Слова одно-коренныя являются въ немъ въ формѣ болѣе отдаляющей, чѣмъ въ этскомъ и финскомъ; къ тому же встрѣчается много такихъ словъ (55 словъ изъ 127) которыя, не будучи заимствованы отъ Латышей, въ ливскомъ языкѣ замѣняются словами, происходящими отъ другихъ корней. Не лишнимъ будетъ, пожалуй, присовокупить еще два три замѣчанія относительно нѣкоторыхъ словъ въ отдѣльности. Кривинское слово *weni*, *weeппе* (лодка) у Ливовъ не существуетъ; они вмѣсто него употребляютъ слово *loja*, *laja*, *laja*, которое въ нѣсколько измѣненной формѣ существуетъ и въ кривинскомъ, этскомъ и финскомъ языкахъ съ значеніемъ корабля, между тѣмъ какъ Ливы корабль называютъ *kuoig*, *kodd*. Можно, пожалуй, подумать, что это послѣднее слово они заимствовали отъ Латышей (*kuģģis*); но въ дѣйствительности вѣроятнѣе, что было наоборотъ. Оба народа должны были получить это слово отъ нѣмцевъ, и по всей вѣроятности Ливы получили его прежде Латышей, ибо они, по крайней мѣрѣ въ историческія времена, прежде Латышей обитали на морскомъ берегу и занялись мореходствомъ; во второмъ латышскомъ словѣ *laiwa* (лодка) заимствованіе отъ финскаго корня, именно отъ Ливовъ, еще очевиднѣе. Для «долины» у курляндскихъ Ливовъ нѣтъ названія, соотвѣтствующаго кривинскому *ogki*; но у Залисскихъ Ливовъ оно есть (*ūtg*); какъ и вообще нарѣчіе Залисскихъ Ливовъ ближе подходит къ этскому языку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ кривинскому. Во многихъ ливскихъ словахъ, при сравненіи ихъ съ кривинскими, встрѣчаемъ характеристическую приставку *j* или *v* (*w*) къ начальной гласной буквѣ, или замѣну звука *s* звукомъ *t*; тѣ же звуковыя измѣненія впрочемъ находимъ мы между ливскимъ языкомъ съ одной стороны и этскимъ или финскимъ съ другой, или между разными этскими діалектами; стало быть они сами по себѣ не могутъ служить препятствіемъ къ признанію кре-

ливскаго языка за ливское нарѣчіе, равно какъ отсутствіе въ ливскомъ языкѣ гармоніи гласныхъ, тогда какъ она, кажется, несомнѣнно существовала въ кривинскомъ (см. выше въ замѣткѣ о фонетикѣ), или довольно значительныя отличія въ флексіи словъ. Излишне было бы, мнѣ кажется, входить въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ особенностей; я считаю достаточнымъ указать одни только главные пункты, а относительно остальнаго сослаться на свою обработку ливской грамматики, во II томѣ собранія сочиненій Шёгрена. 1) Въ ливскомъ языкѣ весьма часто флексія сопровождается, также какъ и въ лапландскомъ, измѣненіемъ коренной гласной; въ образцахъ кривинскаго языка ничего подобнаго не видно; сваливать же это исключительно на неточность правописанія нельзя, ибо при той же неудовлетворительной орфографіи можно довольно вѣрно прослѣдить въ кривинскомъ языкѣ гармонію гласныхъ, а помянутыя измѣненія были бы конечно точно также замѣтны, и собиратели помянутыхъ образцовъ точно также вслушались бы въ нихъ. 2) Первое лицо единственнаго числа, которое особенно часто встрѣчается въ собранныхъ образцахъ, въ кривинскомъ языкѣ постоянно имѣетъ въ окончаніи букву *n*, окончаніе свойственное также языкамъ финскому и этскому, между тѣмъ какъ въ ливскомъ бросается въ глаза одинаковость перваго лица съ третьимъ; почему и отрицанія въ трехъ лицахъ единственнаго числа въ ливскомъ языкѣ суть *āb*, *ād*, *āb*, вмѣсто кривинскихъ *en*, *et*, *eb*. 3) Въ замѣнъ творительнаго падежа Эсты и Кривины употребляютъ энклитическое — *ga*, — *ka*, вмѣсто употреблявшагося прежде въ этскомъ языкѣ, а въ финскомъ донинѣ употребляющагося притяжательнаго падежа (*Adessivus*). Это — *ka* есть сокращеніе слова *kas*, *kāza* (товарищъ), финск. *kansa* (народъ, провожатые), и слѣдовательно должно бы употребляться только вмѣсто русскаго «съ», въ смыслѣ соединительнаго, но въ настоящее время сдѣлалось совершенно обиходною формою для творительнаго; въ народномъ языкѣ точно также употребляется финское *kans* (въ діалектахъ также *ka*). У Ливовъ этого ничего нѣтъ; у нихъ творительный падежъ

(Instrumentalis) относительно формы совпадаетъ съ фактивнымъ (Factivus на — ōks, — kōks).

Предположеніе, будто Кревины и Ливы были первоначально одинъ народъ, и будто приведенныя различія между ихъ языками произошли только послѣ того, какъ они были отрѣзаны другъ отъ друга Латышами и вслѣдствіе долгаго обособленія, что одинъ народъ остался болѣе вѣренъ первоначальному типу, другой болѣе отъ него отклонился, не имѣетъ прочной опоры. Оба народа находились подъ однимъ и тѣмъ же чужимъ вліяніемъ, именно вліяніемъ Латышей, и нѣтъ никакой видимой причины, почему бы на языкѣ Ливовъ этому вліянію отразиться иначе, чѣмъ на языкѣ Кревиновъ. Въ южной Лифляндіи до настоящаго времени сохранились, и вѣроятно много уже вѣковъ существуютъ, небольшіе острова Эстовъ, брошенные подобно Кревинамъ среди латышскаго населенія; однако языкъ ихъ, за исключеніемъ принятія латышскихъ словъ, мало отъ того пострадалъ и еще очень ясно являетъ связь свою съ языкомъ ихъ ближайшихъ сродниковъ въ эстской Лифляндіи ²⁶⁾. Несомнѣнное латышское вліяніе обнаруживается одинаково и въ кревинскомъ и въ ливскомъ языкѣ только въ принятіи многихъ чужихъ словъ и нѣкоторыхъ оборотовъ, въ уменьшеніи числа падежей, можетъ быть также въ произношеніи; собственно же различія между обоими языками относить къ этому вліянію невозможно; къ тому же между разнокоренными словами того и другаго языка не находимъ мы ни въ томъ, ни въ другомъ языкѣ словъ латышскихъ. За тѣмъ остается только допустить предположеніе, что усматриваемыя нынѣ различія между кревинскимъ и ливскимъ языками существовали еще до того времени, когда оба народа были отрѣзаны другъ отъ друга, но что на нихъ слѣдуетъ смотрѣть только какъ на различіе двухъ нарѣчій одного и того же языка. Положительно опровергать такое предположеніе, конечно, нѣтъ возможности, такъ какъ между понятіями

²⁶⁾ Ср. мою статью «Ueber die Ehsteninseln in den lettischen Kirchspielen Marienburg und Schwaneburg in Livland», помещенную въ Бюлетенѣ Академіи Наукъ, т. XIII, стр. 497 слѣд. (Т. IV, вып. 5 Mélanges Russes).

«языкъ» и «нарѣчіе» не существуетъ еще такого разграниченія, которое всѣхъ бы удовлетворяло, и нельзя отрицать того факта, что мы зачастую подводимъ подъ наименованіе діалектовъ или нарѣчій такія формы языка, которыя между собою различаются по крайней мѣрѣ на столько же, какъ ливскій и кривинскій. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, укажу на то, что финскій и эстскій языки мы обыкновенно называемъ отдѣльными языками, а между тѣмъ въ другихъ случаяхъ всѣ финскія и эстскія нарѣчія подводимъ подъ одинъ языкъ, и дѣлимъ на двѣ главныя группы, изъ которыхъ притомъ не отводимъ какой нибудь одной группы исключительно эстскому языку³⁷⁾. И такъ, еслибъ имѣлись твердыя историческія основанія для того, чтобы признать, что Кривины съ Ливами первоначально составляли одинъ народъ, то различія между ихъ языками не имѣли бы достаточной доказательной силы для опроверженія этихъ основаній, и намъ оставалось бы только покориться и смотрѣть на эти два языка, какъ на нарѣчія одного языка; но этихъ историческихъ основаній, какъ уже было показано выше, у насъ вовсе не имѣется; а потому мы имѣемъ полное право осмотрѣться и повскать, не найдемъ ли гдѣ либо другаго народа, котораго языкъ ближе подходилъ бы къ языку кривинскому, и который можно бы считать за одинъ народъ съ Кривинами. Кромѣ Ливовъ было указываемо еще на Эстовъ.

Однокоренныя съ кривинскими эстскія слова, по формѣ своей очевидно гораздо ближе подходятъ къ кривинскимъ, чѣмъ слова ливскія; словъ разнокоренныхъ гораздо меньше числомъ (изъ 127 словъ въ ливскомъ 55, а въ эстскомъ только 9). Но и этого небольшого числа уже достаточно для того, чтобы усомниться. можно ли Кривиновъ признать за одинъ народъ съ Эстами. Эстская колонія принесла бы съ собою языкъ своей родины; впоследствии она, пожалуй, мало по малу нѣкоторыя слова своего роднаго языка замѣнила бы чужими, и именно такія слова, которыя рѣже употребляются въ ежедневномъ обиходѣ и которыя, стало

³⁷⁾ Ср. предисловіе къ Альквистовой «Wotisk Grammatik», въ Acta Societatis scientiarum Fennicae, т. V, вып. 1.

быть, легче могли остаться неизвѣстными подроставшимъ поколѣнїямъ; но чтобы она бросила слова, безпрестанно встрѣчающіяся въ семейномъ быту (напримѣръ: одежда, изба, нитки, къ) и замѣнила ихъ новыми словами, это вещь немыслимая, особенно въ настоящемъ случаѣ, когда эти новыя слова оказываются даже не латышскими, и слѣдовательно были бы взяты просто съ вѣтру. Одного уже послѣположенія *tīwī* (къ), вмѣсто употребительнаго у всѣхъ Эстовъ *jūge*, было бы достаточно для того, чтобы отвергнуть предположеніе, будто Кревины суть потомки переведенныхъ съ острова Эзеля въ Мемельгофъ поселенцевъ, еслибъ даже это предположеніе и не было уже и безъ того смѣшно во многихъ другихъ отношенїяхъ. И такъ, для того, чтобы Кревиновъ признать за Эстовъ необходимо требовалось бы допустить, что у нихъ было свое особое нарѣчіе, отличное отъ всѣхъ существующихъ въ настоящее время, и что они не переселились въ ту мѣстность, гдѣ мы ихъ находимъ, изъ какой либо части нынѣшней Эстляндіи, а жили тутъ искони, совершенно независимо отъ Эстовъ, и составляли, быть можетъ, остатокъ первоначальнаго финскаго населенія, предшествовавшаго прибытію латышской Земголы. Въ языкѣ нѣтъ ничего такого, что противорѣчило бы подобной догадкѣ. Если мы выше должны были допустить возможность считать кривинскій языкъ за нарѣчіе ливскаго языка, то тѣмъ болѣе должны допустить эту возможность относительно языка этскаго, къ которому кривинскій языкъ, не только по строенію словъ, но и по грамматикѣ, подходитъ гораздо ближе, чѣмъ къ ливскому. Единственнымъ важнымъ отклоненіемъ въ грамматическомъ отношеніи представляется то, что Кревины спрягали отрицательную частицу при глаголѣ, между тѣмъ какъ Эсты употребляютъ ее въ одной неизмѣнной формѣ при всѣхъ трехъ лицахъ; впрочемъ изъ грамматики Горнунга видно, что лѣтъ за двѣсти назадъ Эсты спрягали отрицательную частицу точно такъ же, какъ и всѣ ихъ ближайшіе сродники, и что только въ позднѣйшее уже время языкъ ихъ утратилъ эту черту. И такъ, Кревины, повторяемъ, могли пожалуй быть Эстами; но были ли

они дѣйствительно Эсты, объ этомъ не имѣемъ никакихъ надежныхъ указаній. Вопросъ о ихъ этскомъ происхожденіи совершенно въ томъ же положеніи, какъ и вопросъ о ихъ ливскомъ происхожденіи; и мы не въ правѣ будемъ, на основаніи одного ихъ языка, считать ихъ за Эстовъ, если найдемъ другой языкъ, который подходилъ бы къ ихъ языку еще ближе, чѣмъ этскій.

Сравненіе приведенныхъ въ таблицѣ 127 кривинскихъ словъ съ соотвѣтственными финскими словами показываетъ самымъ несомнѣннымъ образомъ, что именно финскія подходятъ къ нимъ всѣхъ ближе. Одному только слову, — о которомъ мы уже говорили выше, — не находимъ мы соотвѣтствующаго однокореннаго въ финскомъ языкѣ; пропорція крайне ничтожная, сравнительно съ девятью словами въ этскомъ и пятидесятью пятью въ ливскомъ языкѣ. Тѣ слова, которыми нѣтъ однокоренныхъ ни въ одномъ изъ трехъ сродныхъ языковъ, разумѣется, въ таблицу вовсе не внесены, такъ какъ за отсутствіемъ этихъ сродниковъ они не могли бы служить къ опредѣленію отношенія этихъ языковъ къ кривинскому. Впрочемъ такихъ словъ всего на все десять. Въ грамматическомъ отношеніи сходство кривинскаго языка съ финскимъ такое же, какъ съ этскимъ, пожалуй даже больше. Финскія двухсложныя имена, оканчивающіяся на гласную съ долгимъ предпоследнимъ слогомъ, и трехсложныя у Эстовъ въ именительномъ падежѣ единственнаго числа сокращаются чрезъ отбрасываніе конечной гласной; равнымъ образомъ сокращаются по большей части падежные суффиксы. Въ кривинскомъ языкѣ, напротивъ, конечная гласная еще сохраняется. Не вездѣ, правда, она удѣлѣла; но эта невыдержанность нисколько не будетъ удивлять насъ, когда мы сообразимъ, что и финскій народный языкъ въ этомъ отношеніи далеко не такъ послѣдователенъ, какъ языкъ литературный. Сѣверочудскій языкъ, по сообщенію Альквиста (*Antekningar i Nord-Tschudiskan*, Гельсингфорсъ, 1859), въ одинаковомъ положеніи съ языкомъ этскимъ; имѣющійся же у меня рукописный сборникъ словъ изъ той же мѣстности представляетъ объ формы, и полную и усѣченную; вотскій языкъ, по грамматикѣ Альквиста,

сохранилъ собственно полныя формы; но въ образцахъ рѣчи, рядомъ съ полными формами встрѣчаются также нерѣдко и формы усѣченныя, и выборъ между ними опредѣляется повидимому только благозвучіемъ и ритмомъ фразы. Такія же сокращенныя формы рядомъ съ полными встрѣчаются въ народныхъ діалектахъ и въ самой Финляндіи (срав. журналъ *Suomi* II, 8, Гельсингфорсъ 1870). Строгую послѣдовательность литературнаго языка представляютъ только нарѣчія карельскія. И такъ, кривинскій языкъ приходится въ этомъ отношеніи отнести къ группѣ противоположной діалектамъ карельскимъ, то есть къ діалектамъ ямскимъ. Въ принадлежности его къ этой группѣ, мнѣ кажется, не останется ни малѣйшаго сомнѣнія, когда взглянемъ на чрезвычайную близость его именно съ нарѣчіемъ вотскимъ, и припомнимъ, что кривины въ то время, когда были впервые записаны нѣкоторые образцы ихъ рѣчи, болѣе трехъсотъ лѣтъ уже и не слышали по-жалуй о Вотсахъ.

Отношеніе вотскаго языка къ кривинскому отчасти можно видѣть уже изъ представленной выше сравнительной таблицы, въ послѣднемъ столбцѣ которой слова, заключенныя въ скобки, принадлежатъ почти всѣ вотскому нарѣчію. Еще яснѣе будетъ оно, когда мы ближе всмотримся въ сходство обоихъ языковъ. До сихъ поръ такое сравненіе оставалось въ сторонѣ, потому что имѣлось въ виду сперва показатъ только, что изъ трехъ языковъ, наиболѣе близкихъ къ кривинскому, ливскій и этскій болѣе отъ него отдаляются, чѣмъ финскій, и что приведенныя выше предположенія нѣкоторыхъ ученыхъ относительно тождества Кривиновъ съ Ливами или Эстами не подтверждаются результатами сравненія языковъ. За этими отрицательными доводами, показавшими, что Кривины не были ни Ливы, ни Эсты, должны теперъ послѣдовать доводы положительные, которые выяснятъ чѣмъ они дѣйствительно были.

Предварительно слѣдуетъ здѣсь указать на одну звуковую особенность вотскаго языка, такъ какъ при незнаніи этой особенности иныя слова могутъ на первый взглядъ поставить читателя въ нѣкоторое затрудненіе; это то, что у Вотовъ буквы *k* и *g* передъ

такъ называемыми мягкими гласными ä, e, i, ö, ü по большей части произносятся какъ *é*, точно такъ же какъ у нѣкоторой части Шведовъ въ тѣхъ же случаяхъ буква *k*; напр. *čäsi* (рука), *čewät* (весна), *čigwes* (топоръ), *čöühä* (слабый), *čülmä* (морозъ), которые въ другихъ мѣстахъ произносятся *käsi*, *kewät*, *kirwes*, *köühä*, *külmä*. Хотя эта звуковая особенность, которой не видно въ дошедшихъ до насъ обрывкахъ кривинскаго языка, и противорѣчитъ повидимому заключенію о чрезвычайно близкой связи обоихъ языковъ, однако это несходство искупается сходствомъ во многихъ другихъ особенностяхъ. Къ числу ихъ относятся слѣдующія. Сочетаніе *st* Воты измѣняютъ въ *ss*, переходящій (по Альквисту) въ тонкій *s*; напр. *muussa*, родит. *muusä'* (черный), *wassä* (противъ), *gisitän* (крещу), *issua*, *isun* (сидѣть, сижу) и проч., вмѣсто *muusta*, *wastaan*, *gistitän*, *istua*, *istun*. Тотъ же переходъ *st* въ *ss* видимъ и въ кривинскомъ языкѣ; было ли въ немъ также дальнѣйшее ослабленіе въ *s*, по имѣющимся образцамъ рѣшительно сказать нельзя, да и трудно было бы ожидать такой тонкости воспріятія звуковъ у лицъ, оставившихъ намъ эти записи; не мудрено однако, что такими ослабленными формами должно считать слова въ родѣ *ihsu* (сидитъ), *muhsatt* (черные, рядомъ съ именительнымъ *muusse*). Въ финскомъ литературномъ языкѣ *ss*, какъ ослабленіе *st*, не употребляется; но онъ встрѣчается отчасти въ карельскихъ нарѣчійхъ, напр. *gisti* (крестъ), родит. *gissin*; только, на сколько мнѣ извѣстно, не въ самомъ уже именительномъ падежѣ, а также не въ суффиксахъ исходнаго и неопредѣленнаго падежей единственнаго числа, когда въ нихъ *t* долженъ приставляться къ *s* именительнаго падежа; напр. *silmässä* (изъ глаза), *kattilassa* (изъ котла) *jumalassa* (отъ Бога), *näissä* (отъ нихъ), *armassa* (возлюбленнаго, винительный падежъ отъ *armas*), *taiwassa* (небо, винит. пад. отъ *taiwas*) и проч., вмѣсто *silmästä*, *kattilasta*, *jumalasta*, *näistä*, *armasta*, *taiwasta*; точно также и въ кривинскомъ языкѣ *jumalassa*, *neise*, *ümmise poišsisse* (отъ своихъ слугъ), *rikkausas* (отъ богатства, усѣченная форма), *wassa taiwasa* (противъ неба). Вмѣсто сочетаній *ks*, *ps* Воты употребляютъ *hs*: *ühsi* (одинъ), *kahsi* (два),

õhsa (вѣтвь), uhsi (дверь), lahsi (дитя), с̄uhsi (уваренный), и прочая, вмѣсто uksi, kaksi, oksa, uksi, lapsi, k̄irsi; то же въ языкѣ кривинскомъ. Вмѣсто гласной о, вошедшей въ финскій литературный языкъ изъ другихъ діалектовъ, Воты употребляютъ особую гласную õ, и притомъ еще чаще Эстовъ, напр. õza (доля), õlut (пиво), k̄õlme (три), k̄õwa (твердый), k̄õgkea (высокій), õrea (серебро), вмѣсто osa, olut, kolme, kowa, korkea, horea; точно такъ же и Кривины. Двугласныя au, eu въ вотскомъ языкѣ, равно какъ и въ кривинскомъ, переходятъ въ ag, ig, напр.: kagrad, kaggrat (овесъ) kaura вотск. kagra, — kagle, kagla (шея) kaula вотск. kagla, — pagrap, pahgrap (смѣюсь), paugap вотск. pagrap, — pigla (иголка) peula вотск. pigla. Сочетанія согласныхъ (tk, sk и др.), которыя въ финскомъ литературномъ языкѣ въ флексіи остаются безъ измѣненія, въ вотскомъ замѣняются соответствующими тонкими, напр. uskoa (вѣровать), uskon (вѣрую), вотск. uzgon, — itkea (плакать) itken (плачу вотск. idgen), и проч.; точно такъ же въ кривинскомъ usgun, itgan, idgab; о переходѣ st въ ss уже говорено выше. Звукъ h въ началѣ словъ въ кривинскомъ языкѣ такъ же, какъ и въ вотскомъ, откидывается, равно какъ внутреннее h послѣ согласной; напр. õwã, õhwe (добрый) вотск. õwã вмѣсто huwã, — õgne (горохъ) вотск. egne вмѣсто hegne, — ihge (мышь) вотск. Igi вм. hiiri, — õman, õman (завтра) вотск. õmen вмѣсто huomenna, — obben, oran, uoran (лошадь) вотск. orone' вмѣсто hewoinen, — ani, ana, appa (гусь) вотск. ani вмѣсто hanhi, — wappa (старый) вотск. wapa, вмѣсто wapha, — kagru, kagrus (медвѣдъ) вотск. kagu вмѣсто kaghu.

Что касается склоненій, то въ вотскомъ языкѣ нѣтъ конечнаго n въ родительномъ падежѣ единственнаго числа; исходный оканчивается на ssa (ssã) вмѣсто sta (stã); суффиксы въ живой рѣчи сокращаются; творительный и соединительный падежи образуются посредствомъ пристави энклитическаго kã къ родительному падежу. Все это, какъ было уже замѣчено выше, черты, принадлежащія также языку кривинскому. Личныя мѣстоименія въ кривинскомъ языкѣ суть mie, sie, temma (tem, tam, temm); точно

такъ же и въ вотскомъ *miä, siä, tämä* вмѣсто *minä, sinä, hän*; кривинскому родительному падежу множественнаго числа первыхъ двухъ лицъ *meġġi, teġġi* вполне соответствуетъ вотская форма *med'ä', ted'e'* вмѣсто *meidän, teidän*. Притяжательныхъ суффиксовъ въ дошедшихъ до насъ образцахъ кривинскаго языка не встрѣчается и слѣда; это впрочемъ нисколько насъ не удивитъ, когда сообразимъ, что и въ вотскомъ языкѣ они съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе выходятъ изъ употребленія, а эстскій языкъ ихъ уже совершенно утратилъ.

Изъ глагольныхъ формъ, въ которыхъ вотское нарѣчье отклоняется отъ прочихъ нарѣчій, общи ему съ кривинскимъ языкомъ, сокращенное окончаніе повелительнаго наклоненія *elka* (будь онъ), *kuhlaka* (да повинуется), *antaga* (дайте), *tappaga* (заколите) по вотски *ölkö, kültakö, antakä, tappakä*, вмѣсто *olkaan, kuulkaan, antakaatte, tappakaatte*; и третье лицо единственнаго числа настоящаго времени на *b* вмѣсто удлиненной гласной безъ ослабленія въ данныхъ случаяхъ согласной; напр. *šcheeb* (ѣсть), *annab* (даетъ), *ihsüb* (сидитъ), *tahüb* (хочетъ), вотск. *söb, annab, isub, tahob*, вмѣсто *syö, antaa, istuu, tahtoo*; отсюда и отрицательная частица въ третьемъ лицѣ и въ кривинскомъ и въ вотскомъ языкѣ *eb* вмѣсто *ei*.

Къ этимъ многочисленнымъ сходственнымъ чертамъ между кривинскимъ и вотскимъ языками въ грамматическомъ отношеніи присоединяются еще сходства лексикальныя, изъ которыхъ большая часть можетъ быть здѣсь оставлена безъ особаго указанія, такъ какъ они усматриваются сами собою изъ изложеннаго выше; — таковы: *wassa* (противъ) вотск. *wassä* вмѣсто *wastaan*, — *uchs* (дверь) вотск. *uhsi*, вмѣсто *uksä*, — *lachs, laxe* (дѣтя), вот. *lachsi* вмѣсто *lapsi*, — *öllut* (пиво), вотск. *ölut* вмѣсто *olut*, — *kagle, kagla* (шея) вотск. *kagla*, вмѣсто *kaula*, — *eina* (сѣно) вот. *einä* вмѣсто *heinä*, — *wanna* (старый) вотск. *wana* вм. *wanha* и т. п.. относительно которыхъ слѣдуетъ имѣть въ виду упомянутыя выше звуковыя особенности. Кромѣ того можно указать еще на огуднуююція слова, частью различно построенныя, частью чуждыя по корню, или получившія различное значеніе.

ähtigu, uoechtig (вечеръ) вотск. õhtago вмѣсто ehtoo, — ächtigun (вечеромъ) вот. õhtagon вм. ehtoolla, — ähti (одѣвать) вот. ehitä вм. waatettaa, — wahtan (разсматриваю) вот. wātan вм. katson, — kaschke (береза) вот. kahci вм. koiwu, — ladge (широкій) вот. lad'a вм. laaja, — krähzinatt (греча) вот. krätsinä вм. tattari, — poisi, poissi (парень) вот. poisi вм. poika, — neddre (тонкій, слабый) вот. nõdra вм. nõугä, — ahas (узкій) вот. ahas вм. ahdas, — õsrad (ячмень) вот. õzга вм. ohга, otra, — ägli, eegle (вчера) вот. eglë' вм. eilen, — aige, alges множ. aigat (зеленый) вот. allas вм. гаака, wihanto, — šakkale (соколъ) вот. sakkali вм. haukka, — sewad (одежда) вот. sōwat вм. waatteet, — kihub (кипитъ) вот. çihub вм. kiehuu, — schfued (уголья) вот. süed вм. hiilet, — wödken (ягненокъ) вот. wõdna вм. wuonna, — kurgas (ножъ) вот. kuras вм. weitsi, — pīma, pihme (молоко) вот. pīmā вм. maito, — uomenik (утро) вот. õmnikko вм. aamu, — күhse, күüsin (ноготь) вот. çüsi вм. kynsi, — wassen (новый) вот. wassonë' вм. uusi, — ähju (печка) вот. ahjo вм. pätsi, — wadnaad (плугъ) вот. wadnas вм. wannas, — wihte, witen (кафтанъ) вот. witta вм. takki, nuttu, — liwa, lihwa (песокъ) вот. liwa вм. hieta, — wachse (пѣна) вот. wähsi вм. wahto, wahti, — püchta (плечо) вот. pihta вм. hartia, — liähud (порогъ) вот. läwi вм. kunnys, — paetan (говорю) вот. pajatan вм. rakajan, rakisen, pagisen, puhun, — lidna (городъ) вот. lidna вм. linna, — sabakad (сапоги) вот. säppogat вм. saapaat, — rägad (кустарникъ) вот. rägat вм. hako, — rih (изба) вот. rihi, rihi вм. pirtti, — gerke (стулъ) вот. järcü вм. istuin, tuoli, — paltiñ (голубь, срав. также латыш. ballodis) вот. pallo вм. kuuhky, — laute, lauda (столъ) вот. lauta вм. pöytä, — suoja, sohje (теплый) вот. sõja вм. lämmin, — tahon, tahun, taon (хочу) вот. tahon вм. tahdon, — weitab (тянетъ) вот. wäitāb вм. wetää, — rihma, rigmad (нити) вот. rihma вм. lanka.

Слова, поставленные здѣсь рядомъ съ вотскими, заимствованы почти все изъ финскаго книжнаго языка, который во многихъ отношеніяхъ ближе подходитъ къ сѣверо-восточнымъ (карель-

скимъ) нарѣчіямъ, тѣмъ къ юго-западнымъ (ямскимъ). Къ послѣднимъ принадлежитъ и вотское нарѣчіе; и не должно удивляться, если что либо приведенное здѣсь какъ вотское окажется принадлежащимъ также другимъ ямскимъ нарѣчіямъ. Во всякомъ случаѣ перевѣсъ относительно сходства съ кривинскимъ языкомъ остается на сторонѣ вотскаго нарѣчія. Не должны мы при этомъ затрудняться нѣкоторыми звуковыми различіями; я разумѣю вотское *с* вмѣсто *к*, о которомъ уже было говорено выше, и кривинское *š* вмѣсто *в*. У Вотовъ звукъ *š* встрѣчается почти исключительно въ словахъ, заимствованныхъ у Русскихъ. Такія мелкія черты въ произношеніи всего легче, безсознательно перенимаются или утрачиваются подъ вліяніемъ чужихъ языковъ. Въ карельскихъ, а также въ восточныхъ ямскихъ нарѣчіяхъ, звукъ *š* встрѣчается очень часто; и какъ онъ въ нихъ проникъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ русскаго языка, такъ точно Ливы, маріенбургскіе и шванебургскіе Эсты и Кривины своимъ *š* обязаны пожалуй вліянію Латышей.

Кто до сихъ поръ со вниманіемъ слѣдилъ за нашимъ разборомъ памятниковъ кривинскаго языка и сравненіемъ этого нарѣчія съ другими ему родственными, тотъ долженъ былъ, мнѣ кажется, придти къ непремѣнному убѣжденію, что изъ живущихъ нынѣ племенъ самыми близкими Кривинамъ сродниками по языку должно признать Водь, а не какой другой народъ инаго языка или инаго нарѣчія. Съ опредѣленіемъ такимъ образомъ мѣста, которое Кривины занимаютъ въ финскомъ семействѣ языковъ, задача лингвистики собственно окончена; въ настоящемъ случаѣ однако занимающій насъ вопросъ такъ обставленъ, что съ помощью результата, добытаго лингвистическимъ изслѣдованіемъ, мы можемъ извлечь пользу изъ такихъ историческихъ намековъ, которые иначе ни на шагъ не подвинули бы насъ въ раскрытіи исторіи Кривиновъ. Опредѣлявъ посредствомъ лингвистическаго изслѣдованія кто такіе были Кривины, мы можемъ затѣмъ уяснить себѣ, съ такою степенью вѣроятности, которая почти доходитъ

до достовѣрности, откуда, какимъ образомъ и когда они пришли въ Курляндію.

Первый писатель, упоминающій о Крелинахъ и называющій ихъ этимъ именемъ, курляндскій суперинтендентъ Павелъ Эйнгорнъ (см. выше I), говоритъ о нихъ, что они были приведены туда изъ Эстляндіи въ то время, когда Орденъ строилъ Баускую крѣпость (см. II). Объ этомъ обстоятельстве не упоминаетъ ни одна изъ дошедшихъ до насъ хроникъ; а какъ трудно предполагать, чтобы Эйнгорнъ рассказываемое имъ происшествіе взялъ изъ какой нибудь въ то время существовавшей, а нынѣ утраченной хроники, то и остается допустить догадку, что сообщаемое имъ извѣстіе основано на преданіи, которое онъ нашелъ у самихъ Крелиновъ. Что это древнѣйшее преданіе впоследствии, по приходѣ небольшого числа новыхъ колонистовъ съ острова Эзеля, — фактъ не подлежащемъ никакому сомнѣнію, — слилось съ рассказомъ объ этихъ новыхъ вселенцахъ, такъ что Шёгрёну, во время посѣщенія имъ этого края, пришлось слышать отъ Крелина мнѣніе, будто весь народъ произошелъ отъ этихъ эзельскихъ выселенцевъ, — это явленіе нисколько не удивительное у такого необразованнаго народа, хранящаго всю свою исторію въ одной только памяти. Всѣмъ занимавшимся подобными изслѣдованіями очень хорошо извѣстно, какъ мало способны такіе люди надлежащимъ образомъ разграничивать въ хронологическомъ отношеніи прошлыя событія, совершившіяся не на собственномъ ихъ вѣку, и какъ легко они сливаются въ одно сходные между собою, хотя совершенно отдѣльные другъ отъ друга, факты, или позднѣйшія событія переносятъ въ гораздо отдаленнѣйшія времена³⁸⁾. Павелъ Эйнгорнъ имѣлъ случай узнать Крелиновъ непосредственно и изъ

³⁸⁾ Такъ напримѣръ графъ Яковъ Делагарди, во время шведскаго владѣчества владѣвшій нѣкоторою частью Вика въ Эстляндіи, у тамошнихъ крестьянъ сдѣлался уже совершенно мнѣнческимъ лицомъ, и они приписываютъ ему такіе же чудесные и сверхъестественные подвиги, какіе совершались въ эпоху ихъ племеннаго героя Калеви-поэга. Такъ же, напримѣръ, въ древнѣйшихъ народныхъ поэмахъ Эстовъ, очевидно принадлежащихъ къ дохристіанской эпохѣ, является иногда Богородица.

собственныхъ ихъ усть слышать преданіе о ихъ происхожденіи, частью когда онъ, до занятія пасторской должности въ Митавѣ, нѣсколько лѣтъ жилъ въ Гренцгофскомъ пасторатѣ, частью же во время своихъ трудовъ по введенію въ Курляндіи препозитуры. Пожалуй могъ онъ даже слышать о нихъ еще будучи ребенкомъ, отъ своего дѣда Александра Эйнгорна, который конечно посѣтилъ и Кревиновъ, когда, по приказанію перваго курляндскаго герцога Готгарда Кетлера, производилъ большую церковную визитацію, начавшуюся въ 1570 году, — или же въ пасторатѣ своего отца, въ Экау, лежащемъ еще ближе къ Бауску. Что сами Кревины думали о себѣ, будто они были приведены въ этотъ край во время сооруженія Бауска, это прямо подтверждаетъ Бѣргеръ (см. выше VI), хотя не указываетъ откуда онъ слышалъ это преданіе. «Сами они, говоритъ онъ, выдають себя за Эстовъ, приведенныхъ сюда во время постройки Баускаго дома; предположительно должны они быть изъ Дерптскаго края, ибо Латыши въ Земголѣ называютъ ихъ Кревинами, то есть Русскими». За древнюю русскую же колонію, выведенную изъ Эстляндіи, считаетъ ихъ и Штендеръ въ своемъ Латышскомъ словарѣ (см. VIII), не указывая впрочемъ, слышалъ ли онъ это отъ самихъ Кревиновъ или же узналъ какимъ либо инымъ путемъ; во всякомъ случаѣ этимъ нѣсколько приличнѣе объясняется данное имъ Латышами имя Кревиновъ, чѣмъ въ его же грамматикѣ, гдѣ онъ это имя производитъ отъ того, что они будто бы были «привлочены» въ этотъ край (см. III) или загнаны туда (см. VII) Русскими. Бротце (см. IX) также считаетъ ихъ за потомство пригнанныхъ сюда въ гермейстерскія времена военноплѣнныхъ; а какъ они, по его мнѣнію, говорятъ по эстски, то онъ и объясняетъ ихъ имя тѣмъ, что они происходили изъ той части Эстляндіи, которая была тогда подвластна Русскимъ князьямъ, именно изъ Унгани.

Эйнгорнъ, въ своемъ извѣстіи о Кревинахъ, не называетъ того магистра ордена, который основалъ Баускъ, и не указываетъ года сооруженія: изъ этого можно также заключать, что онъ свое извѣстіе почерпалъ изъ преданія, а не изъ какой либо хроники, ибо

въ послѣднемъ случаѣ онъ непремѣнно или назвалъ бы магистра или указалъ бы годъ, пожалуй и то и другое. Нѣкоторыя хроники, вовсе не упоминая о Кревинахъ, говорятъ объ основаніи Баускаго замка подъ 1456 годомъ, при магистрѣ Іоганѣ фонъ-Менгенѣ, по прозванію Остгофъ; другія приписываютъ построение этой крѣпости его предшественнику Гейнриху или Гейденрейху или Дитриху Финке (Vingke, Vinck) фонъ-Овербергену (Ouerbergk, Auerbergen, Auerbeerg); такъ напр. Руссовъ ³⁹⁾, Гресенталь ⁴⁰⁾; и имъ слѣдуютъ старѣйшіе историки ⁴¹⁾. Если принять это послѣднее показаніе, то мы получимъ ясный, сообщаемый лѣтописцами рассказъ о выводѣ Кревиновъ изъ Ингерманландіи, — гдѣ мы должны были помѣстить ихъ уже по самому ихъ языку, — магистромъ ордена Гейнрихомъ Финке фонъ-Овербергомъ, который между 1444 и 1447 годами основалъ замокъ Баускъ и, по преданію, поселилъ въ этой мѣстности Кревиновъ.

О Води или Вотахъ, по фински Ватіалайзеть (Watialaiset), впервые упоминается въ приписываемомъ великому князю Яро-

³⁹⁾ Na Hinrich Schungel ys Heidenrick Vinck van Auerberge Meister the Lyffland geworden, welcker twe schwere Reisen vp de Rüssen gedan, vnde ere Landt mit gewalt verwöstet hefft, behefft gebuwet dat Husz Bauschkenborch, vnde reget int 14 Jar (см. Scriptores rer. Livon. II стр. 31. Послѣ Генриха Шунгеля сталъ магистромъ въ Лифляндіи Гейденрихъ Финкъ фонъ Ауэрбергъ, который совершилъ два трудныхъ похода на Русскихъ и жестоко разорилъ ихъ землю; онъ построилъ крѣпость Баушкенборгъ и правилъ 14 лѣтъ).

⁴⁰⁾ Dittrich Vingke von Ouerbergk. He thete zwo reisen vf die Russen vndt Muscoviter, in welchen er gesieget vndt Russlandt sehr verheret. Vndt bauete Berseborck, Vndt anno 1447 das Schloss Bauschka in Semi Gallen an der Littauischen Grenze (см. Monumenta Livon. ant. V стр. 33. Дитрихъ Финке фонъ-Овербергъ. Онъ совершилъ два похода на Русскихъ и Московитовъ, въ которыхъ онъ побѣдилъ и сильно опустошилъ Россію; и построилъ Берзеборгъ, а въ 1447 году замокъ Баушка въ Семигалии, на Литовской границѣ).

⁴¹⁾ Такъ Гильзенъ повѣствуетъ: Heidenreich Vinke de Auerbeerk Hermistrz wystawił w Kurlandi fortęcę, y miasto Bowsk, do Moskwy dwa razy wtargnał y tam przerplataczym wczęściem wojował. (Гермейстеръ Гейденрейхъ Финке фонъ Ауэрбергъ поставилъ въ Курляндіи крѣпость и городъ Баускъ, два раза ходилъ на Москву и тамъ воевалъ съ переменнымъ счастьемъ. См. Infanty w dawnychъ swychъ y wielorakychъ aż do wieku naszego dziejachъ i rewolucyachъ, etc., etc., przezъ J. A. Hulsena, Kasztelana Infantskiego, etc., etc., w Wilnie 1750, стр. 66).

славу (+ 1054) «Уставѣ о мостѣхъ»; затѣмъ подѣ 1069 годомъ, когда они съ княземъ Полоцкимъ потерпѣли сильное поражение подѣ Новгородомъ (ср. Кёппена «Водь и Вотская пятнина», въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія 1851 г., т. LXX, стр. 41 и слѣд.). Въ настоящее время существуетъ только небольшой остатокъ этого народа, всего по приведенной статьѣ Кёппена 5,148 душъ, въ Ямбургскомъ и Ораніенбаумскомъ уѣздахъ Петербургской губерніи. Но онѣ составлялъ собственно первоначальное населеніе всей Ингерманландіи до вселенія другихъ нынѣ живущихъ тутѣ финскихъ племенъ (ср. Шёгрена «Ueber die finnische Bevölkerung des St. Petersburgischen Gouvernements und über den Ursprung des Namens Ingermannland», въ «Mémoires de l' Acad. Imp. des sciences de St. Pétersbourg, VI série, т. I стр. 123 и слѣд.); населяемый имѣ край составлялъ, подѣ именемъ «Вотской пятнины», одинѣ изѣ пяти округовъ на которые дѣлилась Новгородская область, и подѣ именемъ Ватландіи былѣ извѣстенъ даже въ Римѣ. Лербергъ въ своихъ «изысканіяхъ» на стр. 108 (перев. Языкова стр. 88) упоминаетъ о грамотѣ папы Александра IV, которою онѣ предписывалъ архіепископу Рижскому назначить епископа въ Ватландію, Ингрию и Карелию. Нѣмецкій орденъ заявлялъ даже притязанія на обладаніе этою странною, какъ видно изѣ приводимой Лербергомъ тамъ же грамоты ордена къ королю Венгерскому, отъ 1397 г. ⁴²⁾; а менѣе пятидесяти лѣтъ спустя на вотской землѣ происходила многолѣтняя борьба между Новгородомъ и Орденомъ. Объ этой борьбѣ довольно подробно повѣствуютъ уже нѣкоторыя старинныя большія историческія сочиненія, какъ напр. «Allegemeine Weltgeschichte nach dem Plane von Guthrie, Gray etc.» ⁴³⁾, и изданная въ Галле «Allge-

⁴²⁾ «Item das Reich der grossen Nawgarthen liegt hinter dem Pleakower und Watland, die dem Orden zu Liefland mit Rechte gehören mogen und sollen». (Государство Великаго Новгорода лежитъ за Псковскою областью и Ватландомъ, которые по праву могутъ и должны принадлежать Лифляндскому Ордену. Срав. А. Коцебу «Preussens ältere Geschichte», Riga 1808, т. III, стр. 304.

⁴³⁾ Т. 14, ч. 2, Лейпцигъ, 1776, стр. 899. Новгородцы въ 1444 году . . . предпріяли зимній походъ на Лифляндію и произвели большія опустошенія

meine Welthistorie» ⁴⁴⁾, основываясь отчасти на Арнтовой Лифляндской хроникѣ (т. II, стр. 135), на которую ссылается и Карамзинъ, рассказывая эти событія въ пятомъ томѣ своей «Исторіи Россійскаго Государства». Слѣдующія подробности свидѣлствуются документами, которые я имѣлъ возможность пересмотрѣть въ Курляндскомъ провинціальномъ музеѣ, въ Митавѣ, болѣею частью копіями изъ хранящагося въ Кёнигсбергѣ тайнаго Ордена архива.

Поводъ къ раздору былъ подавъ еще въ 1438 году тѣмъ, что князь Юрій Васильевичъ съ неуваженіемъ отнесся къ письму великаго магистра отъ 25 іюля того же года, которымъ тотъ просилъ его оказать благосклонный приѣмъ юному Эбергарду, князю Клевскому и графу Марки (Eberhard, Fürst von Cleve und Graf zu der Mark), отправлявшемуся черезъ Новгородъ въ Палестину. Къ этому неудовольствію присоединились еще нападеніе на Эстляндію и осада Нарвы, о которыхъ обермаршалъ Ордена былъ 31 марта 1444 года извѣщенъ комтуромъ Гольдингенскимъ. Болѣе подробное разъясненіе дѣла получилъ великій магистръ Конрадъ фонъ Эрлихгаузенъ отъ магистра Ливон-

до самаго Чудскаго озера. Чтобы отомстить за это, Лифляндцы вторглись въ непріятельскіе предѣлы. Они пять дней обстрѣливали Ямь (Jamsburg); но благодаря мужественной оборонѣ бывшаго князя Суздальскаго и Нижегородскаго, Юрія Васильевича . . . , всѣ усилія ихъ остались тщетными. Всѣ другія крѣпости были также хорошо защищены. Но по причинѣ моровой язвы, свирѣпствовавшей на людяхъ и на скотѣ, нельзя было воспрепятствовать сильному Ливонскому войску опустошить равнины Ингерманландіи. Война эта продолжалась еще въ 1447 году, ибо тогда Орденъ заключилъ противъ Новгорода союзъ съ Христофоромъ Баварскимъ, королемъ трехъ сѣверныхъ государствъ.

⁴⁴⁾ Т. 50, Галле, 1785, стр. 445. Орденъ понесъ въ 1444 году большія потери въ области между Чудскимъ озеромъ и Нарвою, вслѣдствіе нападенія Новгородскихъ гражданъ и Литовскаго князя Ивана, которому Новгородцы предоставили землю между Нарвою и Ладожскимъ озеромъ. Однако Орденъ отомстилъ за это, въ 1445 году, разореніемъ Ингерманландіи . . . Онъ [т. е. сѣверный король Христофоръ] уговорился, правда, въ январѣ 1447 года выслать слѣдующимъ лѣтомъ изъ Швеціи небольшое войско въ Ингерманландію, но съ тѣмъ, чтобы Орденъ въ то же время напалъ на Копорье. Однако этотъ походъ, кажется, не состоялся, хотя магистръ и дѣлалъ набѣги на страну на собственный свой страхъ.

скаго въ запискѣ отъ 5 мая 1444 года, которую послѣдній поручилъ своему секретарю Павлу вручить великому магистру для объясненія причинъ возникшей между Лифляндією и Новгородомъ войны, и вмѣстѣ съ тѣмъ просить его, чтобы онъ на съѣздѣ въ Кристмемелѣ склонилъ великаго князя Литовскаго отступить отъ союза съ Русскими. Нѣсколько дней спустя, 12 мая, оба государя дѣйствительно съѣхались въ Кристмемелѣ, и велись переговоры относительно захваченныхъ въ плѣнъ Новгородцами Лифляндцевъ. Наконецъ для умирненія споровъ между Орденомъ съ одной стороны и Литвою и Русскими съ другой былъ назначенъ съѣздъ, для чего послу великаго магистра была дана инструкція 24 октября 1444 года. Впрочемъ, если и удалось уладить споръ, то во всякомъ случаѣ очень не на долго, ибо въ мартѣ слѣдующаго 1445 года въ письмахъ великаго магистра къ Ливонскому магистру и послѣдняго къ первому опять идетъ рѣчь о притязаніяхъ Новгородцевъ на половину рѣки Наровы, а въ концѣ года, 28 декабря, въ переговорахъ пословъ великаго князя Литовскаго при великомъ магистрѣ говорится о войнѣ магистра Ливонскаго ордена съ Новгородомъ. Затѣмъ въ началѣ 1446 года опять идетъ рѣчь о союзѣ съ королемъ Христофоромъ Датскимъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы съ бѣльшею настойчивостью вести новую войну, и великій магистръ спрашиваетъ присланнаго къ нему Ливонскимъ магистромъ секретаря Павла, какъ господинъ его желаетъ, чтобы былъ заключенъ этотъ союзъ? 12 апрѣля того же года сообщаетъ онъ Ливонскому магистру, что, согласно его желанію, онъ запретилъ своимъ прусскимъ подданнымъ продавать хлѣбъ Новгородцамъ и будетъ просить короля Христофора о такомъ же распоряженіи; за тѣмъ 23 іюня требуетъ, чтобы магистръ задерживалъ всѣ прусскія суда, возившія хлѣбъ и медь къ Русскимъ, и сообщалъ ему имена грузителей для того, чтобы подвергать ихъ взысканію. До дѣйствительнаго однако заключенія задуманнаго союза и до войны въ этомъ году не дошло, ибо 4 октября 1446 года великій магистръ уговариваетъ Ливонскаго магистра не заключать еще

этого союза, представляя ему разныя сопряженныя съ нимъ опасности, а 10 ноября хотя и посылаетъ ему проектъ союзнаго договора, однако въ то же время совѣтуетъ отъ него отказаться. Въ началѣ слѣдующаго года находимъ письмо къ магистру Ливонскому, отъ 13 января, въ которомъ великій магистръ проситъ его оказать покровительство посланцу князя Юрія Новгородскаго во время проѣзда ихъ черезъ Лифляндію въ Пруссію; а 15 марта 1447 года великій магистръ увѣдомляетъ его, что князь Новгородскій Юрій Лугвенъевичъ (der Naugardische Herzog Georg Laugwennowitz) проситъ о свободномъ пропускѣ черезъ Лифляндію и Пруссію, отправляясь на богомолье къ святымъ мощамъ (zum heiligen Blute) въ Вильснакъ. Но не проходитъ затѣмъ одного мѣсяца, какъ дѣла принимаютъ опять военственный оборотъ. 2 апрѣля 1447 года великій магистръ пишетъ къ Орденскому прокуратору въ Римѣ, прося его испросить у папы, чтобы онъ сборъ съ индульгенцій въ принадлежащихъ Ордену земляхъ, весь или хотя половину его, уступилъ на походъ противъ Новгородскихъ Россіянь. Другое письмо отъ того же числа уже прямо извѣщаетъ о скоромъ открытіи военныхъ дѣйствій. Великій магистръ убѣждаетъ того же прокуратора просить папу и кардиналовъ молить Бога о ниспосланіи побѣды Орденскимъ войскамъ, которыя къ Иванову дню выступятъ въ походъ противъ Русскихъ. Еще до наступленія этого срока два письма Эльбингскаго комтура къ великому магистру указываютъ на участіе въ этой войнѣ Пруссіи: именно въ одномъ письмѣ, отъ 18 апрѣля, онъ доноситъ, какой провіантъ и какіе военные запасы имъ отпущены съ отправленными въ Лифляндію войсками; а въ другомъ, отъ 1 мая, доноситъ объ уклоненіи мелкаго дворянства (der Kleinen Freien) отъ участія въ походѣ на Русскихъ. Затѣмъ 15 мая великій магистръ извѣщаетъ Ливонскаго магистра о времени, когда его вспомогательныя войска будутъ отправлены изъ Данцига моремъ и изъ Мемеля сухимъ путемъ въ Лифляндію. Дальнѣйшія извѣстія о посылкѣ войскъ находимъ въ письмахъ великаго магистра отъ

19 мая и 2 іюня 1447 года, въ которыхъ онъ увѣдомляетъ о назначеніи Рогхаузенскаго фогта Вольфганга Зауэра начальникомъ прусскаго вспомогательнаго отряда. 8 іюня онъ же увѣдомляетъ Ливонскаго магистра, что посылаетъ къ нему своего пицальника (Büchschütz), орденакаго брата Гейнриха; а спустя нѣсколько дней извѣщаетъ, что назначенное имъ въ походъ противъ Новгородцевъ вспомогательное войско не могло отправиться въ Ревель, бывъ задержано противными вѣтрами, и что онъ съ этимъ же войскомъ пошлетъ названнаго выше брата Гейнриха; тутъ же онъ сообщаетъ о слухахъ, которые ходятъ относительно войны. Не смотря на многія препятствія, выступленіе въ походъ, повидимому, послѣдовало дѣйствительно въ срокъ, назначенный въ письмѣ къ прокуратору Ордена при Римскомъ дворѣ; ибо на этотъ день, 24 іюня 1447 года, великій магистръ назначаетъ по всей Пруссіи молебствія и крестные ходы, дабы испросить отъ Бога дарованія Ливонскому Ордену побѣды надъ Новгородцами и ихъ союзниками, Татарами и Волохами. Прусскій вспомогательный отрядъ наконецъ благополучно прибылъ, ибо 9 августа великій магистръ пишетъ Ливонскому магистру о продовольствіи этихъ войскъ, а 16 ноября сообщаетъ Нѣмецкому магистру о томъ, что постигло подъ Нарвою войска, посланныя имъ моремъ въ Лифляндію противъ Русскихъ, и о настоящемъ положеніи военныхъ дѣлъ. Война эта однако не была ведена съ особеннымъ рвеніемъ; объ участіи въ ней короля Христофора далѣе нѣтъ уже помину, а 8 октября великій магистръ приглашаетъ уже шведскаго начальника въ Выборгѣ Карла Кнутсона принять на себя посредничество къ примиренію между Лифляндіею и Новгородцами. Такому исходу войны конечно способствовало то обстоятельство, что въ Лифляндіи повсемѣстно неблагопріятно смотрѣли на этотъ походъ, о чемъ упоминаетъ и самъ великій магистръ въ письмѣ къ Ливонскому магистру отъ того же числа. Военныя дѣйствія однако продолжались еще въ слѣдующемъ году. Это видно изъ письма великаго магистра отъ 27 января 1448 года, въ которомъ онъ извѣщаетъ Ливонскому

магистру свое согласіе на то, чтобы посредниками въ примиреніи его съ Новгородцами были не Кнутсонъ, а Ревельскіе граждане, лишь бы миръ былъ заключенъ на возможно продолжительнѣйшій срокъ. Наконецъ дѣйствительное заключеніе мира усматривается изъ письма великаго магистра отъ 1 сентября 1448 года, въ которомъ онъ спрашиваетъ Ливонскаго магистра, позаботился ли онъ въ своемъ мирномъ договорѣ съ Новгородцами о томъ, чтобы нѣмецкимъ купцамъ были сохранены ихъ прежнія вольности въ Великомъ Новѣгородѣ.

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ не видно собственно, были ли магистромъ Гейнрихомъ Финке совершены тѣ именно два похода, о которыхъ говоритъ хроника; но они вполне удостовѣряютъ, что Орденъ при этомъ правителѣ нѣсколько лѣтъ воевалъ съ Новгородцами. Такъ какъ въ задачу настоящей статьи вовсе не входитъ подробное описаніе этой войны, то намъ не было никакого основанія приводить обстоятельно содержаніе помянутыхъ документовъ; для нашей цѣли было совершенно достаточно указать ихъ содержаніе въ общихъ чертахъ, какъ оно показано въ заголовкахъ самыхъ копій, принадлежащихъ Курляндскому провинціальному музею и съ нихъ занесено въ Указатель Наперскаго. Часть ихъ приведена также у Карамзина, въ прим. 316 къ пятому тому его Исторіи, нѣкоторыя изъ нихъ притомъ съ выпискою ихъ содержанія.

Во всѣхъ приведенныхъ извѣстіяхъ объ этихъ войнахъ между Орденомъ и Новгородомъ, мы не видѣли доселѣ ни малѣйшаго указанія на Кревиновъ. Какое ихъ отношеніе къ ней, это мы тотчасъ увидимъ, какъ только попытаемся сообщенныя доселѣ извѣстія Нѣмцевъ дополнить показаніями противной стороны, изъ русскихъ лѣтописей. Дѣйствительно, въ одной Новгородской лѣтописи (въ Полномъ Собр. русск. лѣт. Новгородская IV лѣтопись. С.-Петербургъ, 1848, стран. 123) подъ 6953 (1445) годомъ, мы читаемъ: «Того же лѣта собравшеся Нѣмци, Местерь съ всеми своими вои, пришедше подъ городъ подъ Яму, бивше и пушками, и стояше 5 дній, и по Воцкой земли, и по Ижерѣ и по

Невѣ поплѣниша и пожгоша, а города ублюде Богъ и святыи Архистратигъ Михаилъ, не взяша; а самыхъ Нѣмецъ много паде подь городамъ, а инии язвени отъидоша во свою землю». А въ другой, такъ называемой Никоновской (ч. V, стр. 193) подь годомъ 6952 (1444): «и воева по Водцкой землѣ; и по Ижере рѣкѣ и по Невѣ рѣкѣ, поплениша много, и посекоша и пожгоша, а града не взяша . . . и отъидоша Немцы въ свою землю со многимъ богатствомъ». То же повѣствуетъ еще третья лѣтопись, изъ которой Карамзинъ въ вышесказанномъ мѣстѣ приводитъ выписку ⁴⁵⁾. Который изъ двухъ годовъ вѣрнѣе, 1445 ли, показываемый въ первой лѣтописи, или 1444, какъ показываетъ вторая, или онѣ говорятъ о двухъ разныхъ походахъ Ливонскаго войска, о которыхъ говорить и третья лѣтопись, эти вопросы для нашей цѣли не имѣютъ никакого значенія. Съ насъ совершенно достаточно того, что магистръ Ливонскаго ордена, тотъ самый, который построилъ замокъ Баускъ (по Грэфенталу въ 1447 году), съ 1444 по 1447 годъ былъ въ войнѣ съ Новгородцами, ходилъ со своимъ войскомъ въ принадлежавшую имъ Вотскую землю и увелъ оттуда много плѣнныхъ Вотовъ. Когда мы припомнимъ затѣмъ, что по преданію Кревины были именно около времени сооруженія Бауской крѣпости приведены туда изъ чужой страны («изъ Эстляндіи») и тамъ поселены, и что языкъ ихъ по прошествіи четырехъ сотъ лѣтъ представлялъ еще разительное сходство съ языкомъ вотскимъ, несравненно большее сходство, чѣмъ съ языкомъ жившихъ въ это время гораздо ближе къ нимъ Ливовъ или Эстовъ, или съ какимъ бы то ни было другимъ языкомъ Финскаго корня, то становится, мнѣ кажется, несомнѣннымъ, что Кревины были потомки именно тѣхъ «лоплѣненныхъ» Вотовъ, о которыхъ говорить лѣтопись и которыхъ около 1445 года Ливонскія войска «приволокли» въ свои земли послѣ похода въ Новгородскія владѣнія. Такимъ образомъ очень просто объясняется, почему остзейскія хроники вовсе не упоми-

⁴⁵⁾ Синод. Новгор. Лѣт., подь 1444 и 1445 годами.

нають о Крeвинахъ, между тѣмъ какъ наприм. принадлежащая къ древнѣйшему времени рифмованная хроника очень много рассказываетъ о борьбѣ Нѣмцевъ съ Земголюю, происходившей именно въ той мѣстности, гдѣ впоследствии былъ построенъ Баускъ. Этимъ же весьма просто объясняется и имя Крeвиновъ, которое переводилось совершенно вѣрно ⁴⁶⁾ уменьшительнымъ отъ латышскаго Крeвсъ (Русскій), но котораго происхождение толковалось ошибочно. Плѣнные дѣйствительно были приведены какъ военная добыча послѣ похода противъ дѣйствительно русскаго государства, Новагорода, и изъ области дѣйствительно принадлежавшей этому русскому государству; и нѣтъ уже никакой надобности прибѣгать къ изысканному и натянутому толкованію, что де слово Крeвсъ означаетъ вообще чужеплеменника, приходящаго съ сѣвера или съ востока, или что Латыши назвали Эстовъ этимъ именемъ по той причинѣ, что они пришли изъ такой страны, которая когда то платила дань сосѣдямъ Русскимъ. Крайне сомнительно, чтобы Латыши назвали словомъ «Крeвсъ» инаго чужестранца, кромѣ пришедшаго именно изъ Россіи, страны, которой жители были имъ издавна и хорошо извѣстны подъ этимъ именемъ; а еще болѣе сомнительно, чтобы они стали называть этимъ именемъ своихъ сосѣдей Эстовъ, для которыхъ существуетъ у нихъ особое имя Иггаунсъ (Iggauns). Что показанію П. Эйнгорна, который въ своемъ извѣстіи о Крeвинахъ (см. выше II) говорить объ Эстляндіи, нельзя придавать особенную важность, это мы уже показали въ своемъ мѣстѣ. Другое еще доказательство тождества Крeвиновъ съ Вотами представляетъ ихъ одежда. Правда, что у Вотовъ старій національный нарядъ, въ который они одѣвались за четыреста лѣтъ тому назадъ, сохранился ничуть не болѣе, чѣмъ у Крeвиновъ; какъ Крeвины одѣваются по-латышски, такъ и Воты по болѣе части переняли одежду Русскихъ, съ которыми они принадлежатъ даже къ одной церкви.

⁴⁶⁾ П. Эйнгорнъ (см. I) говоритъ «Крeвинги или Русскіе крестьяне»; выраженіе это нельзя признать за точный переводъ имени, но оно совершенно правильно относительно сущности дѣла.

Однако изображеніе вотской женщины въ «Извѣстіяхъ» объ этомъ народѣ пастора Трефурта (у Гадебуша, въ «Versuche in der livländischen Geschichte und Rechtsgelehrsamkeit», т. II, Рига 1783) сильно напоминаетъ кривинскій нарядъ. Въ немъ находимъ мы именно двѣ наиболѣе своеобразныя части кривинскаго женскаго одѣянія: «запанъ», то есть большой платокъ, прикалываемый къ шапкѣ и спускающійся сзади и съ боковъ до половины спины; и «урскъ», то есть замѣняющій юбку кусокъ синей ткани, обертываемый вокругъ тѣла и удерживаемый въ станѣ кушакомъ. Вотянки и Кривинки равно отличаются страстью убирать свою одежду разными бренчащими и звенящими украшениями.

Въ заключеніе приведу еще одно любопытное обстоятельство, которое также можетъ служить къ подтвержденію того результата, къ которому я пришелъ въ своемъ изслѣдованіи касательно происхожденія Кривиновъ. Въ кривинскій языкъ вошло много словъ латышскихъ, и при близкомъ родствѣ латышско-литовскаго семейства языковъ со славянскимъ непременно должны въ немъ встрѣчаться слова, представляющія нѣкоторое сходство съ соотвѣтствующими словами русскими; но невѣроятность предположенія, чтобы эти слова были заимствованы скорѣе изъ русскаго языка, чѣмъ изъ латышскаго, и очевидное большее сходство ихъ съ латышскими, не позволяютъ сомнѣваться въ ихъ латышскомъ происхожденіи. Таковы на примѣръ слова: *swins* (свинецъ, лат. *šwīns*), *krāms* (ремень, лат. *krāms*), *zilwegs* (человѣкъ, лат. *zilweks*), *wātra* (буря, лат. *wehtra*, русск. вѣтеръ, только съ другимъ значеніемъ), *peddele* (недѣля, лат. *peddela*), *kaša* (коса, лат. *kaša*). Въ вотскій языкъ вошло множество русскихъ словъ, и есть основаніе думать, что значительная часть ихъ вошла еще до похода магистра Финке въ Вотскую землю, такъ какъ эта страна была тогда уже съ довольно давняго времени областью русскаго государства. Если затѣмъ справедлива догадка, что Кривины были потомки тѣхъ поселенныхъ въ Курляндіи военноплѣнныхъ, которыхъ, по свидѣтельству русскихъ лѣтописей, Ливонскій магистръ увелъ съ собою послѣ помянутаго похода, то

должно предполагать, что эти военноплѣнные принесли съ собою нѣкоторый запасъ русскихъ словъ. И дѣйствительно, какъ ни скудно наше собраніе кривинскихъ словъ, а все таки мы находимъ въ немъ по крайней мѣрѣ два слова повидимому славянскаго происхожденія, которыхъ Кривины не могли взять изъ латышскаго языка, потому что по-латышски эти предметы называются иначе. Эти два слова суть šakkale (ястребъ, по-латышски wapnags, русск. соколъ) и krahzinatt (греча, по-латышски grikki). Первое изъ этихъ словъ существуетъ въ похожей формѣ только въ языкѣ литовскомъ (sakalas); но нельзя предполагать, чтобы оно перешло къ Кривинамъ изъ литовскаго языка, потому что во всемъ нашемъ собраніи кривинскихъ словъ нѣтъ ни одного несомнѣнно литовскаго слова; всѣ же слова, заимствованныя отъ латышско-литовскаго корня, являются въ немъ положительно въ латышской формѣ (новѣйшей), а не литовской (древнѣйшей). Второе слово, правда, подобно многимъ другимъ словамъ, и въ латышскомъ (grikki), и въ литовскомъ (grikai), довольно сходно съ русскимъ; но кривинское слово очевидно ближе подходитъ къ русскому ⁴⁷⁾, чѣмъ къ латышскому, а еслибъ Кривины заимствовали его только послѣ своего переселенія въ Курляндію, то безъ сомнѣнія взяли бы его прямо въ его латышской формѣ, какъ брали они такое множество другихъ словъ ⁴⁸⁾. По поселеніи своемъ около Бауска, Кривины не сосѣдствовали съ Русскими и не имѣли съ ними непосредственныхъ сношеній, и въ то время, когда было записано наше первое собраніе кривинскихъ словъ, Курляндія даже не принадлежала еще къ Русской имперіи. До послѣдняго времени Кривины употребляли свой языкъ только между собою, и когда не находили на немъ слова для выраженія поваго

⁴⁷⁾ Въ изданномъ Академіею Наукъ въ 1852 году «Опытѣ областного Словаря» находимъ это слово въ формѣ еще ближе подходящей къ восточному и кривинскому Krahzinatt; это слово гречина, употребляющееся во Владимирской губерніи.

⁴⁸⁾ Напримѣръ ehrglis (орехъ), balkis (бревно), pahlis (кожъ), zekked (чулки), wagtawihksin (радуга), škiltawas (огниво), luhse (рысь), gulbe (лебедь), wilnis (волна) и множество другихъ.

понятія, не откуда было заимствовать новое слово, какъ только отъ окружавшихъ ихъ Латышей, на языкѣ которыхъ они, хотя и плохо, еще говорили во времена П. Эйнгорна, но должны были говорить всѣ, потому что онъ былъ для нихъ единственнымъ средствомъ для того, чтобы объясняться внѣ домашняго круга, съ Нѣмцами и съ Латышами. Приведенныя два слова такъ же мало принадлежать финскому языку, какъ и латышскому; но они оба находятся, въ той же совершенно формѣ, какъ въ кривинскомъ языкѣ, такъ и у Вотовъ (*sakkali, grätsinat*), и это обстоятельство можетъ также служить къ подтвержденію нашей догадки, что Кривины имѣли эти два слова въ своемъ языкѣ еще прежде, чѣмъ были; въ пятнадцатомъ вѣкѣ, переведены изъ Вотской земли въ Курляндію, и что они ихъ перенесли изъ своихъ старыхъ жилищъ въ новыя.

